

SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

**HERALD OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG
THEOLOGICAL ACADEMY**

№ 3 (19), 2024

Scientific Journal

HAC

**Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy
2024**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

№ 3 (19), 2024

Научный журнал

ВАК

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2024**

UDC 281.93(066)

The journal is included in "List of peer-reviewed scientific publications
in which main scientific results of theses for the candidate of science degree,
for the doctor of science degree"

Specializations:

5.6.1. Russian history (historical sciences);

5.6.2. General history (historical sciences);

5.11.2. Historical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology);

5.11.3. Practical theology (research directions:
Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism, Buddhism) (theology).

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk,
Candidate of Theology, Assistant Professor,
Saint Petersburg Theological Academy

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy:
scientific journal. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 3 (19). – 2024. – 128 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Article authors, 2024
© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2024

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по группам специальностей:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология);
- 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология).

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент
Санкт-Петербургской духовной академии

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 3 (19). — 2024. — 128 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Авторы статей, 2024
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2024

THE EDITORIAL COUNCIL

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeevich), Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy (Rector).

Metropolitan of Kaluga and Borovsk Clement (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Kaluga Diocese (Ruling Bishop), Publishing Council of the Russian Orthodox Church (Chairman), Kaluga Theological Seminary (Rector).

Bishop of Istra Seraphim (Amelchenkov Vladimir Leonidovich), Doctor of Theology, Candidate of Divinity, Candidate of Historical Sciences, Synodal Department for Youth Affairs (Chairman).

Archimandrite Alexander (Fyodorov Alexandr Nikolaevich), Doctor of Art Studies, Candidate of Architecture, Candidate of Theology, Professor, Ilya Repin St. Petersburg Academy of Arts.

Pyotr Evgenyevich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Alexandra Andreevna Dorskaya, Doctor of Juridical Sciences, Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

Alexey Borisovich Egorov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Sergey Lvovich Firsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Vladimir Fyodorovich Khulap, Doctor of Theology, Candidate of Divinity, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolaevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts of the Louvain Catholic University, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Alexey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Theological Academy.

Andrey Yuryevich Prokopyev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the St. Petersburg State University.

Nikolay Anatolyevich Samoilov, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University.

Vladimir Vladimirovich Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Mikhail Vitalyevich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg Central State Archives, St. Petersburg Theological Academy.

Dmitriy Viktorovich Shmonin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Theology Institute of the St. Petersburg State University, St. Petersburg Theological Academy.

Irina Yuryevna Smirnova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Archpriest Valentin Nikolaevich Vasechko, Doctor of Theology, Associate Professor, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Olga Yuryevna Vasilyeva, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Academy of Education (President).

Irina Vladimirovna Vorontsova, Doctor of Theology, Candidate of Historical Sciences, St. Tikhon Orthodox University for Humanities.

Inna Igorevna Yurganova, Doctor of Historical Sciences, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, Санкт-Петербургская духовная академия (ректор).

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, Калужская епархия (правлящий архиерей), Издательский Совет Русской Православной Церкви (председатель), Калужская духовная семинария (ректор).

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), доктор теологии, кандидат богословия, кандидат исторических наук, Синодальный отдел по делам молодежи (председатель).

Архимандрит Александр (Федоров Александр Николаевич), доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, кандидат богословия, профессор, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Протоиерей Валентин Николаевич Васечко, доктор теологии, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Протоиерей Владимир Федорович Хулап, доктор теологии, кандидат богословия, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Ольга Юрьевна Васильева, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, Российская академия образования (президент).

Ирина Владимировна Воронцова, доктор теологии, кандидат исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Александра Андреевна Дорская, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия.

Алексей Борисович Егоров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская Духовная Академия.

Андрей Юрьевич Митрофанов, доктор исторических наук, доктор истории, археологии и искусств Лувенского католического университета, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургская духовная академия.

Андрей Юрьевич Прокопьев, доктор исторических наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Анатольевич Самойлов, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ирина Юрьевна Смирнова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

Наталья Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургская духовная академия.

Владимир Владимирович Шишкин, доктор исторических наук, доцент, Институт истории Российской академии наук.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургская духовная академия.

Дмитрий Викторович Шмонин, доктор философских наук, профессор, Институт теологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургская духовная академия.

Инна Игоревна Юрганова, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

<i>Д. А. Карпук.</i> (Не)Пальмовские чтения, или Несколько слов в качестве предисловия	10
--	----

Религиозная политика

<i>Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов.</i> «Цезарепапизм» церковно-государственных отношений в православной империи: оценки историков и канонистов XIX–XX вв.	12
<i>А. Ю. Митрофанов.</i> Эллинистические истоки политической традиции самозванчества и его распространение в России в XVII–XVIII вв.	21
<i>Диакон Максим Гошев.</i> Международная и межцерковная деятельность настоятеля подворья Антиохийской Церкви в Москве епископа Василия (Самахи) в 1948–1962 гг.	33

Русская Церковь в синодальный период

<i>Ю. Е. Кондаков.</i> Секта А. П. Дубовицкого	45
<i>А. Б. Григорьев.</i> К вопросу о библиотеке Михаила (Десницкого), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского	55
<i>Е. Ю. Галимова.</i> Становление первых храмов Кронштадта в XVIII — первой половине XIX вв.	62
<i>Священник Вячеслав Савинцев, священник Дионисий Патрушев.</i> Переход священнослужителей Рязанской епархии в старообрядчество и деятельность духовной консистории по этому поводу (конец XIX — начало XX вв.)	68
<i>Диакон Николай Борисов.</i> Отчеты обер-прокурора, епархиального преосвященного и начальника губернии как источник по провинциальной церковной истории (на примере отчетной документации по Черниговской губернии и епархии)	76
<i>Протоиерей Константин Костромин.</i> Святитель Мардарий (Ускокович) и И. С. Пальмов	88
<i>Священник Николай Антипенко.</i> Съезды законоучителей светских средних заведений (по материалам «Церковных ведомостей»)	96

Миссионерская деятельность

<i>Т. Ю. Феклова.</i> Студенты в составе Русской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в.: многообразие в единстве	105
<i>А. Д. Гейм, И. Н. Диденко.</i> Роль миссионерства Русской Православной Церкви в Африке как инструмента мягкой силы России: история и современность	115

Из жизни академии

Защита кандидатской диссертации Владислава Петровича Пашкова «Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв.»	123
---	-----

CONTENTS

From the Editorial Team

<i>Dmitry A. Karpuk</i> . (Not)Palm Readings, or A Few Words as a Preface	10
--	----

Religious Policy

<i>Georgy V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov</i> . “Caesaropapism” of Church-State Relations in the Orthodox Empire: Assessments of Historians and Canonists of the 19 th -20 th Centuries	12
<i>Andrey Yu. Mitrofanov</i> . Hellenistic Origins of the Political Tradition of Imposture and its Spread in Russia in the 17 th -18 th Centuries	21
<i>Deacon Maxim Goshev</i> . The Activity of the Renewed metochion of the Church of Antioch in Moscow During the Years of the Abbacy of Bishop Basil (Samakhi) in 1948–1962	33

The Russian Church in the Synodal Period

<i>Yuri E. Kondakov</i> . A. P. Dubovitsky’s Sect	45
<i>Anton B. Grigorev</i> . On the Issue of the Library of Mikhail (Desnitsky), Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg.....	55
<i>Ekaterina Y. Galimova</i> . The Formation of the First Temples of Kronstadt in the XVIII — First Half of the XIX Centuries.....	62
<i>Priest Vyacheslav Savintsev, Priest Dionysius Patrushev</i> . Transition of the Clergy of the Ryazan Diocese into the Old Believers and Activity of the Theological Consistory on this Occasion (late 19 th — early 20 th Century)	68
<i>Deacon Nikolai Borisov</i> . Reports of the Chief Prosecutor, the Diocesan Bishop and the Governor of the Province as a Source for Provincial Church History (Based on the Example of Reporting Documentation for the Chernigov Province and Diocese).....	76
<i>Archpriest Konstantin Kostromin</i> . Saint Mardary Uskokovich and Ivan Palmov.....	88
<i>Priest Nikolai Antipenko</i> . Conventions of Religious Teachers of Secular Secondary Schools (Based on Materials from the “Church Gazette”).....	96

Missionary Activity

<i>Tatiana Yu. Feklova</i> . Students as a Part of the Russian Orthodox Mission in Beijing in the First Half of the XIX Century: Diversity in Unity	105
<i>Anzhelika D. Geim, Ivan N. Didenko</i> . The Role of the Russian Orthodox Church’s Missionary Work in Africa as a Tool of Russia’s Soft Power: History and Modernity	115

From the Life of the Academy

Defense of the Candidate’s Dissertation of Vladislav Petrovich Pashkov “Problems of the Educational Process in Theological Seminaries and Methods of their Solution in the Works of Domestic Church Figures at the Turn of the XIX–XX Centuries”	123
---	-----

(Не)Пальмовские чтения, или Несколько слов в качестве предисловия

10 февраля 2023 г. под эгидой Исторического общества в Академии прошли «Пальмовские чтения», посвящённые профессору Ивану Саввичу Пальмову (1855–1920). В центре внимания, как можно судить по названию, было научное и церковно-общественное наследие заслуженного ординарного профессора Императорской Санкт-Петербургской духовной академии, доктора церковной истории и крупнейшего в дореволюционную эпоху знатока истории славянских народов. Перед началом научного мероприятия в академическом храме была совершена лития. По нашему мнению, скорее всего, это была первая лития за последние сто лет, совершенная именно по Ивану Саввичу.

Далее, как и полагается, состоялась научная часть с докладами, обсуждениями... Казалось бы, благое начинание должно было получить свое продолжение в виде ежегодно проводимых круглых столов. Ведь, действительно, И. С. Пальмов являлся по-своему уникальным профессором в духовных академиях на рубеже XIX–XX столетий. Дело в том, что, согласно академическому уставу 1884 г., в высших богословских учебных заведениях России не было специальной кафедры по истории Поместных Церквей. И только в 1887 г. специальным указом Святейшего Правительствующего Синода именно в столичной академии была образована отдельная кафедра «Истории Православных славянских Церквей», в результате чего выходцы с Балкан стали стремиться попасть в Петербург, чтобы не только изучать историю своих Церквей, но и писать научные работы в том числе и под началом профессора Пальмова. И это при том, что традиционно сербы, черногорцы, болгары и представители других народов старались получить высшее богословское образование в Киевской духовной академии, которая была ближе к их регионам. Да и климат там отличался в лучшую сторону в сравнении с петербургским... Как бы то ни было, под руководством Ивана Саввича Пальмова в период с 1890 по 1914 гг. было написано 95 кандидатских

Лития по профессору И. С. Пальмову. 10 февраля 2023 г.

диссертаций (пусть и не все из них принадлежали выходцам с Балкан). А среди наиболее известных и выдающихся выпускников был патриарх Варнава (Росич), удостоенный степени кандидата богословия за работу на тему «Церковно-исторические судьбы т.н. Старой Сербии в период турецкого ига».

К чему весь этот разговор? К тому, что фигура Ивана Саввича Пальмова позволяет затронуть целый ряд серьёзных вопросов, связанных как с историей, так и с настоящим положением славянских Поместных Церквей. Вне всякого сомнения, столь важное в научном и церковно-общественном отношении направление следует лишь развивать. Однако спустя некоторое время после Пальмовских чтений один из участников этого круглого стола в приватном разговоре с автором этих строк высказал свое мнение, что Пальмов не был такой яркой фигурой, чтобы ему посвящать чтения (мол, один раз провели и этого вполне достаточно). После этого разговора возникли сомнения, — действительно, надо ли, возможно ли?.. Как результат (не только по этой причине, но и вследствие целого ряда других обстоятельств) Пальмовские чтения 2023 г. были первыми и пока что последними. Однако в настоящее время сомнения (как и целый ряд других препятствий) начинают рассеиваться и возникает твердое убеждение, что Пальмовские чтения, как площадка для обсуждения прошлого, настоящего и будущего в истории взаимоотношений Русской и славянских Православных Церквей, нужны.

«Отголоском» Пальмовских чтений является статья протоиерея Константина Костромина, публикуемая на страницах этого номера нашего журнала. Статья посвящена известному сербскому иерарху, основателю Американско-Канадской сербской епархии, святителю Мардарию (Ускоковичу), который в 1916 г. закончил Петроградскую духовную академию, а свою кандидатскую диссертацию писал под началом именно Ивана Саввича Пальмова. Приводимые отцом Константином в статье сведения, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, позволяют сделать убедительный вывод, что фигура профессора Пальмова интересна не только с точки зрения изучения истории Поместных Церквей, но и с точки зрения изучения отечественной религиозной философии, а именно славянофильства.

В разделе **«Религиозная политика»** наконец-то опубликована статья, о которой мы писали в предисловии к № 3 (15) за 2023 г.¹ Посвящена она сложному и не столь однозначному — как кому-то может показаться — феномену как «цезарепапизм». Еще одна статья посвящена эллинистическим истокам политической традиции самозванчества. Третья статья посвящена непростым взаимоотношениям Русской и Антиохийской Православных Церквей в середине XX столетия.

В разделе с общим названием **«Русская Церковь в синодальный период»** опубликовано сразу семь статей, в том числе и упомянутый выше материал, посвященный святителю Мардарию и И. С. Пальмову. В других статьях затрагиваются самые разные темы, связанные с духовным просвещением, церковной бюрократией, храмостроительством, историей старообрядческого раскола и сектантства.

«Миссионерская деятельность» Русской Православной Церкви была выделена в отдельную рубрику, в рамках которой опубликованы две статьи, из которых первая была представлена в виде доклада на конференции «Православие на Дальнем Востоке» в 2022 г., а вторая — на конференции «Империя и Церковь» в 2024 г.

В разделе **«Из жизни академии»** опубликован материал о защите кандидатской диссертации В. П. Пашкова, посвященной проблемам духовного образования в Русской Православной Церкви на рубеже XIX–XX столетий.

Дмитрий Андреевич Карпук,
главный редактор «Вестника Исторического общества
Санкт-Петербургской Духовной Академии»

¹ Карпук Д. А. «Цезарепапизм» в отечественной церковной истории, или Несколько слов в качестве предисловия // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (15). С. 6–7.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов

**«Цезарепапизм» церковно-государственных отношений
в православной империи: оценки историков
и канонистов XIX–XX вв.**

УДК 27-67-9+322(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_12

EDN FISKVO

Аннотация: Понятие «цезарепапизм» используется для характеристики средневековых церковно-государственных отношений в православных странах как минимум с середины XIX в. Обвинениям в цезарепапизме подвергалась и Русская Церковь, особенно в связи с синодальной реформой императора Петра I. В современной науке существует мнение, что этот термин не вполне подходит для характеристики положения Византийского императора в Церкви. Тем с большей осторожностью следует использовать его для петровской эпохи. В конце XIX – первой половине XX в. исследователи оценивали петровскую реформу с точки зрения современных им представлений о Церкви как общественной институции, независимой от государства. Но для церковно-государственных отношений в Российской империи начала XVIII в. более подходит средневековое понимание православного государства как христианского общества, в котором Церковь и государство связаны неразрывно.

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, православная империя, цезарепапизм, император Петр I.

Об авторах: Георгий Вениаминович Бежанидзе

Кандидат богословия, доцент, доцент кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Андрей Германович Фирсов

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, философия, политология и социология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Для цитирования: Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г. «Цезарепапизм» церковно-государственных отношений в православной империи: оценки историков и канонистов XIX–XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 12–20.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены авторами.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Georgy V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov

**“Caesaropapism” of Church-State Relations
in the Orthodox Empire: Assessments of Historians
and Canonists of the 19th-20th Centuries**

UDC 27-67-9+322(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_12

EDN FISKVO

Abstract: The concept of “caesaropapism” has been used to characterize medieval church-state relations in Orthodox countries since at least the middle of the 19th century. The Russian Church was also accused of Caesaropapism, especially in connection with the synodal reform of Emperor Peter I. There is an opinion in modern science that this term is not quite suitable for characterizing the position of the Byzantine emperor in the Church. The more caution should be used for the Petrine era. At the end of the 19th – the first half of the 20th century, researchers evaluated the Petrine reform from the point of view of their contemporary ideas about the Church as a public institution independent of the state. But for church-state relations in the Russian Empire at the beginning of the 18th century, the medieval understanding of the Orthodox state as a Christian society, in which Church and state are inextricably linked, is more suitable.

Keywords: Church-state relations, Orthodox empire, Caesaropapism, Emperor Peter I.

About the authors: **Georgy Veniaminovich Bezhanidze**

Candidate of Theology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Church History and Canon Law at St. Tikhon’s University for the Humanities.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Andrey Germanovich Firsov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railways.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-001-6876-5972>

For citation: Bezhanidze G. V. Firsov A. G. “Caesaropapism” of Church-State Relations in the Orthodox Empire: Assessments of Historians and Canonists of the 19th-20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 12–20.

* Photos are taken from the open sources.

Для характеристики средневековых церковно-государственных отношений в научной литературе и публицистике зачастую используется понятие «цезарепапизм».

Сам термин возник в недрах протестантского канонического богословия. Его автором считается профессор Юстус Хеннинг Бемер (1674–1749). Бемер в своих лекциях по церковному праву указывал на два вида злоупотреблений мирской властью: усвоение папой римским полномочий светского правителя («папоцезаризм») и подчинение Церкви императорской власти в Византии («цезарепапизм»).

Однако критика существовавшей в Европе модели взаимодействия Церкви и власти восходит к основоположнику института Реформации. Мартин Лютер, считая Церковь только духовным институтом, полагает необходимым строго отделять религиозное от мирского в общественной жизни. Он постулирует, что в мире существуют два разных общества: «Мы должны подразделять детей Адамовых и всех людей на две части: одних причислять к Божьему Царству, других — к светскому царству». Соответственно существуют и две власти для данных обществ: «Бог учредил два правления: духовное, которое образуют христиане и благочестивые люди при помощи Святого Духа, во главе с Христом, и светское, сдерживающее нехристиан и злых, заставляющее их, хотя бы против воли, сохранять внешний мир и спокойствие»¹. «Малое стадо» истинных христиан (протестантов) не нуждается в законе и уже самостоятельно унаследовало Царствие Божие: «эти люди не нуждаются ни в светском мече, ни в законе. И если бы весь мир состоял из подлинных христиан, т.е. из истинно верующих, то не было бы необходимости или пользы ни в князьях, ни в королях, ни в господах, ни в мече, ни в законе. И для чего все это им? Ведь у них пребывал бы в сердце Святой Дух, который учил и наставлял бы их никому не причинять несправедливости, любить всякого, с готовностью претерпевать от каждого беззаконие и саму смерть. <...> Но ты можешь сказать: “Если среди христиан не должно быть никакого светского меча, то как же в таком случае управлять ими? Ведь и среди христиан должна сохраняться власть”. Отвечу: “Среди христиан не должно и не может быть никакой власти, каждый подчинен другому, как говорит Павел”»². Но для остальной массы народа требуется земной меч: «К светскому царству, или к числу подчиненных закону, принадлежат все те, которые не являются христианами. Поскольку немногие веруют и меньшая часть [людей] ведет себя по-христиански, немногие противостоят злу, немногие сами не творят зла, Бог учредил кроме христианского состояния и Царства Божия другой порядок и подчинил людей мечу, чтобы они хотели и все же не могли учиться злу, делали все то, что они могли бы свершать без страха, с миром и любовью»³.

И все же тезис о существовании общества-Церкви отдельно от государства, на протяжении достаточно долгого времени не получил широкого распространения — представления о церковно-государственном единстве были еще весьма сильны. Однако с усилением роли гуманистических идей в общественном сознании идея неделимости Церкви и государства постепенно размывалась.

В 1853 г. появляется труд немецкого гуманиста Иакова Буркхарда, посвященный императору Константину. Буркхард уже четко разводит Церковь как общественный институт и государство как средство принуждения в духе современных ему политических теорий. Любые формы христианского государства полностью отрицаются, как противоречащие идее свободы личности и нежизнеспособные с политической точки зрения.

Представление о разделении Церкви и государства проникают и в католическую публицистическую и научную мысль. Правда, во главе Церкви как общества ставился папа, который обладал властью преемника апостола Петра. А византийская модель обвинялась в узурпации власти, принадлежащей папе, императорами.

¹ Лютер Мартин. О светской власти // Лютер Мартин. Избранные произведения. М., 1994. С. 135–136.

² Там же. С. 135, 154.

³ Там же. С. 136.

В середине XIX столетия кардинал Йозеф Хергенретер, а затем и другие авторы начинают активно использовать термин «цезарепапизм» для описания положения Церкви в Византии.

Критика католических авторов автоматически экстраполировалась на православные страны, которые имплицировали византийское наследие. «Цезарепапизм» употреблялся как синоним «византинизма» и означало полное подчинение Церкви государству⁴.

К концу XIX столетия термин стал уже широко употребляться «не столько как отвлеченное понятие, сколько как оскорбительный выпад, прежде всего в адрес Византии и ее православных наследников, рассматривающий политику Константина или Юстиниана как главную причину раскола»⁵. Цезарепапизм, таким образом, стал использоваться как аргумент церковной полемики, ставящий под сомнение истинность православия.

Это не могло остаться без внимания русской богословской науки. Полемизируя с католиками, ее представители стали отрицать факт цезарепапизма в Византии, защищая, таким образом, свою Церковь⁶. При этом зачастую использовалось то же представление о Церкви как об автономном от государства обществе. Родоначальником подобного научного подхода в русской историографии можно назвать профессора Казанской духовной академии Илью Степановича Бердникова. Для Бердникова основанием общественной автономии Церкви и ее юридическим атрибутом служит каноническое право.

Бердников утверждал, что Церковь как общество имеет отличную от государства цель существования — спасение душ верующих. В языческом мире сугубо утилитарное предназначение — обеспечение земного благополучия — имели и религия, и государство⁷. Римское государство, по убеждению Бердникова, и после принятия христианства сохранило ту же утилитарную задачу, чем стало резко отличаться от Церкви: «Когда же христианство одержало верх над языческой религией и постепенно заменило ее, тогда оно заняло в государстве то положение, которым пользовалось прежде язычество. Смена одной религии другою не изменило существенным образом склада римского государства. Взгляд государства римского на значения религии в деле достижения государственных целей и на место, которое оно должно занимать в нем остался, в общем, тот же самый»⁸. Таким образом, идея единства государства и религии признавалась Бердниковым чуждой христианству. Ее наличие после принятия христианства св. Константином Великим он расценивал как языческий атавизм.

Cardinal Jof. Hergenröther.

Кардинал Йозеф Хергенретер

⁴ Hergenröther J. Photius, Patriarch von Constantinopel Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1867. Bd. 1. S. 104.

⁵ Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010. С. 357.

⁶ См.: Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (326–565). СПб., 2015. С. 94–103.

⁷ См.: Бердников И. С. Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. 1. До Константина Великого. Казань, 1881. С. 212–217.

⁸ Там же. С. IV.

Профессор
Илья Степанович Бердников

О том же писал, подытоживая предыдущую историографию, и главный критик цезарепапизма со стороны латинской Церкви, Мартин Жюжи: «Языческая империя была в полном смысле цезарепапистской. Она не знала различие между двумя властями. Языческий император как pontifex обладал полнотой священства и властью над жречеством и всем священным <...> Глава христианского государства не может быть верховным священником, так как он не имеет власти рукоположения. Но он смог занять место папы в католической Церкви». И, утверждал Жюжи, продолжал узурпировать его вплоть до Российской империи⁹.

Но то, что для Жюжи выглядело как естественный ход событий — языческий цезарепапизм в схизматической Византии стал цезарепапизмом христианским, — для Бердникова стало камнем преткновения. Отрицать единение царства и Церкви в постконстантиновскую эпоху было затруднительно,

а признать отсутствие разделения Церкви и государства для него означало признать существование в Византии, а затем и в России порочной системы церковно-государственных отношений, а значит и ущербность православия. С подобными взглядами защитить императора Юстиниана и Византию от обвинений в цезарепапизме было весьма проблематично. Возможно, именно поэтому, несмотря на все понуждения, Бердников не стал продолжать свое исследование, остановившись на доконстантиновской эпохе.

Эту неблагоприятную миссию взяли на себя его ученики. Но, ожидаемо, даже наиболее талантливый из них, Феодор Афанасьевич Курганов, столкнулся с серьезными препятствиями в источниках, преодолеть которые он попытался, призвав на помощь тонченную казуистику.

Разбирая в своей монографии известные слова патриарха Феодора Вальсамона: «царь не подлежит ни законам, ни канонам», Курганов решил утверждать, что данные слова принадлежат «византийским чиновникам». Вальсамон, напротив, либо «прямо называет их несправедливыми», либо, как далее витиевато выразился профессор, «доказывает, что власть императоров в делах Церкви отнюдь не выходит за пределы канонов»¹⁰.

И все же выводы исследователя внутренне противоречивы. В качестве основного итогового тезиса Ф. А. Курганов справедливо утверждает, что церковная и государственная власти происходят от Бога и они обязаны защищать «Христово учение или церковь Божию на земле». Церковная власть утверждает и хранит православную веру, а государственная власть — согласовывает с богооткровенной истиной, принятой от Церкви, свои законы и установления. «Обязанность каждой из них — хранить богооткровенную истину и ратовать за нее — побуждает одну из них, церковную власть, противостоять незаконным распоряжениям светской власти, а саму светскую власть — устранять с церковных должностей лиц изменивших православию»¹¹. Следует отметить, что в вопросе о месте императора в Церкви Курганов даже превосходит отцов идеи цезарепапизма. Он утверждает, что «забота государей о благе своих

⁹ Jugie M. Le schisme byzantine. Paris, 1941. P. 3–10.

¹⁰ Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи. С. 70–71.

¹¹ Там же. С. 91.

подданных шире заботы и деятельности патриархов, как простирающаяся одновременно на душу и тело»¹².

Однако вывод исследователя никак не вытекает из его предыдущих рассуждений: «вследствие всего-то этого» (т.е., приведенных выше характеристик), пишет он, церковно-государственные отношения Византии сводятся к трем положениям: 1) равноправное положение в государстве двух властей, 2) взаимное согласие двух властей «в области действия на подданных», 3) признание за догматами и канонами равной, или даже превосходящей силы с государственными законами¹³. Однако из убежденности императоров в том, что именно церковная власть утверждает истинную веру, отнюдь не следует равноправность церковной и государственной власти в империи. Если христиане с полным правом являются подданными императора, то подданными священнослужителей они могут быть только в том случае, если существует отдельное от государства общество христиан, где властвуют священнослужители.

Ученик Ф. А. Курганова профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. И. Соколов был еще более последователен в вопросе существования отдельного от государства церковного общества. Согласно Соколову, Церковь в Византии являлась особым общественным организмом и юридически не зависела от государства¹⁴. Если Курганов пишет о «христианском государстве», которое преобразует свое законодательство «по духу христианских начал»¹⁵, то Соколов провозглашает «идею оцерковленного государства», «теократической монархии». Разница в том, что слова Курганова можно понимать и в смысле построения государственного законодательства согласно библейскому учению о государстве. Соколов же прямо пишет, что «государство должно усовершенствовать принцип справедливости, каким оно живет, по руководству высшего принципа любви, каким живет Церковь»¹⁶, т.е. в конечном итоге слиться с Церковью.

Такой подход плохо сочетался с содержанием знаменитой преамбулы к VI новелле императора Юстиниана. Говорить о симфонии как о взаимовыгодном союзе двух отдельных общественных структур, исходя из текста преамбулы, было весьма затруднительно. Неудивительно, что Ф. А. Курганов, всегда аккуратно ссылаясь на оригинал в своей монографии, не приводит ни греческого, ни латинского текста преамбулы к VI новелле, но дословно цитирует без указания источника вольный пересказ преамбулы, выполненный студентом Киевской духовной академии иеродиаконом Феоктистом (Поповым)¹⁷.

Таким образом, Курганову и Соколову хочется убедить читателей, что Византийская симфония — это «союз между двумя учреждениями при юридической независимости того и другого», а Церковь в Византийском законодательстве «всегда

¹² Там же. С. 87.

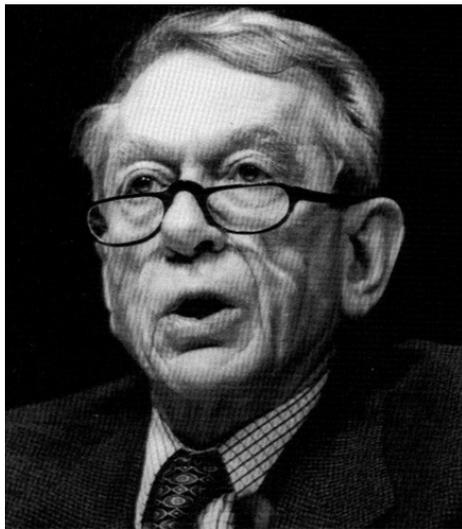
¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до конца XV века (843–1453 г.). Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 19, 21.

¹⁵ Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи. С. 81.

¹⁶ Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. С. 20.

¹⁷ «Он (Юстиниан. — *авт.*) был твердо уверен, что “благотворный союз Церкви и государства, столь вожделенный для человечества, возможен только тогда, когда и Церковь со всех сторон благоустроена, и государственное управление держится твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу”» (Император Юстиниан I и его заслуги в отношении к Церкви Христовой / Соч. студента Киевской духовной академии иеродиакона Феоктиста (Попова). Киев, 1856. С. 79); «Когда, — говорит он (Юстиниан. — *авт.*), — и церковь во всех частях своих благоустроена и государственное управление держится твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу, то возникает добрый и благотворный союз церкви и государства, столь благодетельный для человечества» (Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи. С. 77).

Жильбер Дагрон

отличалась от государства как особый общественный организм, имеющий особую, отличную от государственной задачу»¹⁸.

Интересно, как эти тезисы преломлялись в исторических исследованиях синодального периода. Российская церковно-государственная модель — синодальный строй, установившийся с церковной реформой Петра Великого, критиковался с позиций той же самой идеи цезарепапизма. Ярким примером может служить знаменитая работа другого ученика Бердникова Ф. В. Благовидова, целью которой было показать постепенное увеличение власти обер-прокурора как закономерный результат реформ Петра Великого. Церковное управление, по мнению Благовидова, стало своеобразным министерством, возглавляемым обер-прокурором. При этом, как выяснилось, ряд значимых сюжетов для своей работы Благовидов разбирает, основываясь

на публицистике второй половины XIX в., а не на подлинных источниках. Научно-исторического подтверждения реализации идеи цезарепапизма в Российской империи в работе Благовидова не усматривается¹⁹.

К середине XX столетия известные зарубежные византилисты постепенно отходят от концепции «император-священник». Профессор Мюнхенского университета Франц Делгер, например, указывает, что политическую византийскую концепцию пренебрежительно и неверно называют «цезарепапизмом»²⁰. Американский профессор греческого происхождения Константин Яннакопулус уже постулирует неправомерность употребления данного термина, потому что император не мог совершать таинства и изменять установленное Церковью вероучение. В заключении своей статьи он пытается найти более адекватное понятие и предлагает термины *Caesaroprocuratorism* (по аналогии с обер-прокурором Святейшего Синода Российской империи), *Caesaropaternalism*, *Caesarocybernesis* и *Christomimnetes* (подражатель Христа). Но и эти термины, по мнению Яннакопулуса, не вполне подходят для характеристики положения императора в Византийской империи²¹. Наконец, Жильбер Дагрон дает исчерпывающую характеристику «цезарепапизма»: «незаконнорожденный термин, сам по себе «отсталый», который неподобным образом проецирует на Восток представления о папстве, присущее Западу, а на Средневековье — тот принцип разделения властей, который был немислим до эпохи Нового времени». Дагрон также указывает, что термин имел ярко выраженную полемическую окраску как «словесный киллер» или «пощечина» византизму²².

¹⁸ Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. С. 19.

¹⁹ Бежанидзе Г. В.; Фирсов А. Г. Оценка синодального периода Русской Церкви: от публицистики к историографии // Церковно-историческая наука в России XIX — начала XXI вв.: институты, школы, ключевые проблемы. Сборник материалов всероссийской (с международным участием) научной конференции / под ред. М. В. Каила. М., 2020. С. 200–205.

²⁰ «Diese wahrhaft große und einheitliche politische Konzeption der Byzantiner ist oft verkannt und etwa mit dem recht unzureichenden Schlagworte Cäsaropapismus abschätzig gekennzeichnet worden» (Dölger F. Die Kaiserurkunde der Byzantiner als Ausdruck ihrer politischen Anschauungen. // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 231).

²¹ Geanakoplos D. J. Church and State in the Byzantine Empire: A Reconsideration of the Problem of Caesaropapism // Church History. 1965. Vol. 34. No. 4. P. 381–403.

²² Дагрон Ж. Император и священник: этюд о Византийском «цезарепапизме». С. 357, 370, 372.

В работах отечественных исследователей, таких как П. А. Лашкарев, Н. А. Заозерский, Г. В. Вернадский, протопресвитер И. Мейендорф, можно встретить примеры непредвзятого подхода к проблеме церковно-государственных отношений. Их умозаключения и выводы весьма сходны с зарубежными коллегами²³.

Итак, использование термина «цезарепапизм» для характеристики системы церковно-государственных отношений в православных странах, прежде всего в Византии и России, по меньшей мере, некорректно. Принцип отделения Церкви от государства, утвердившийся в XIX столетии, не следует применять к эпохе доиндустриального общества. В Средневековье («долгое Средневековье» Жака Ле Гоффа, включающее XVIII в.) Церковь как общественная структура, как «христианский народ», полностью отождествлялась с христианским государством и не воспринималась как автономная институция, генерирующая собственную систему власти и управления. Идея «цезарепапизма» — это один из случаев известной проблемы исторической науки, когда современные историкам идеологемы проецируются на предшествующие эпохи.

Профессор
Николай Александрович Заозерский

Источники и литература

1. *Бежанидзе Г. В.; Фирсов А. Г.* Оценка синодального периода Русской Церкви: от публицистики к историографии // Церковно-историческая наука в России XIX — начала XXI вв.: институты, школы, ключевые проблемы. Сборник материалов всероссийской (с международным участием) научной конференции / под ред. М. В. Каиля. М., 2020. С. 200–205.
2. *Бердников И. С.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. 1. До Константина Великого. Казань, 1881.
3. *Вернадский Г. В.* Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей посвященных памяти Н. П. Кондакова: археология, история искусства, византиноведение. Прага: «Seminarium Kondakovianum», 1926. С. 143–154.
4. *Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб., 2010.
5. *Заозерский Н. А.* О церковной власти: Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства Церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894.
6. Император Юстиниан I и его заслуги в отношении к Церкви Христовой / Соч. студента Киевской духовной академии иеродиакона Феоктиста (Попова). Киев, 1856.

²³ *Лашкарев П. А.* Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев, 1889. С. 153–154; *Заозерский Н. А.* О церковной власти: Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства Церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894. С. 255–256; *Вернадский Г. В.* Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей посвященных памяти Н. П. Кондакова: археология, история искусства, византиноведение. Прага: «Seminarium Kondakovianum», 1926. С. 154; *Мейендорф И., протопр.* Византийское наследие в Православной Церкви. Киев, 2007. С. 65–66.

7. Курганов Ф. А. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (326–565). СПб., 2015.
8. Лашкарев П. А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев, 1889.
9. Лютер Мартин. Избранные произведения. М., 1994.
10. Мейендорф И., протопр. Византийское наследие в Православной Церкви. Киев, 2007.
11. Соколов И. И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до конца XV века (843–1453 г.). Вселенские судьбы в Византии. СПб., 2003.
12. Dölger F. Die Kaiserurkunde der Byzantiner als Ausdruck ihrer politischen Anschauungen // Historische Zeitschrift. 1939. Bd. 159. S. 229–250.
13. Geanakoplos D. J. Church and State in the Byzantine Empire: A Reconsideration of the Problem of Caesaropapism // Church History. 1965. Vol. 34. No. 4. P. 381–403.
14. Hergenröther J. Photius, Patriarch von Constantinopel Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Bd. 1. Regensburg, 1867.
15. Jugie M. Le schisme byzantine. Paris, 1941.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

А. Ю. Митрофанов

**Эллинистические истоки политической традиции
самозванчества и его распространение в России
в XVII–XVIII вв.**

УДК [94(100)".../14"+94(470+571)"16/17"]:32
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_21
EDN DRYVVH

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена распространения самозванчества как серьезного политического явления в России в XVII–XVIII вв. (в преддверии эпохи Екатерины Великой). Автор обнаруживает истоки политической традиции самозванчества в политических традициях эллинистического мира (Лже-Филипп, Лже-Александр II), воспринятых римлянами (Лже-Нероны, фальсификация генеалогии Константина Великого) и повлиявших на византийскую политическую систему (Лже-Феодосий, Лже-Гиберий, Лже-Диогены и т. д.). Делаются выводы о динамике византийского самозванчества и о ее влиянии на развитие феномена в Европе Позднего Средневековья (XIV–XV вв.) (Лже-Иоанн Посмертный во Франции, Лже-Эдуард V в Англии), об интенсивности развития самозванчества в России в период Смутного Времени (Лже-Дмитрии, Лже-Петр) и в последующие десятилетия (Лже-Алексеи Алексеевичи, Лже-Алексеи Петровичи, Лже-Петр Петрович и т. д.), о ключевом значении истории конфликта Императора Петра III и Императрицы Екатерины II для эскалации социального конфликта и реанимирования самозванчества в правление Екатерины II (Пугачев, Лже-Иоанны Антоновичи, княжна Тараканова). Статья открывает собой серию публикаций, посвященных проблемам политической истории России XVIII столетия.

Ключевые слова: Екатерина II, Петр III, Византия, самозванчество, Пугачев, Тамерлан.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Эллинистические истоки политической традиции самозванчества и его распространение в России в XVII–XVIII вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 21–32.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Andrey Yu. Mitrofanov

**Hellenistic Origins of the Political Tradition
of Imposture and its Spread in Russia
in the 17th-18th Centuries**

UDC [94(100)".../14"+94(470+571)"16/17"]:32
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_21
EDN DRYVVH

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of the spread of imposture as a serious political phenomenon in Russia in the XVII–XVIII centuries. (on the eve of the era of Catherine the Great). The author discovers the origins of the political tradition of imposture in the political traditions of the Hellenistic world (False Philip, False Alexander II), perceived by the Romans (False Neros, falsification of the genealogy of Constantine the Great) and influenced the Byzantine political system (False Theodosius, False Tiberius, False Diogenes, etc.). Conclusions are drawn about the dynamics Byzantine imposture and its influence on the development of the phenomenon in Europe of the Late Middle Ages (XIV–XV centuries) (False John the Posthumous in France, False Edward V in England), on the intensity of the development of imposture in Russia during the Time of Troubles (False Dmitry False Peter) and in subsequent decades (False Aleksey Alekseevich, False Aleksey Petrovich, False Peter Petrovich, etc.), about the key importance of the history of the conflict between Emperor Peter III and Empress Catherine II for the escalation of social conflict and reanimate imposture during the reign of Catherine II (Pugachev, False Ioanna Antonovich, Princess Tarakanova). The article opens a series of publications devoted to the problems of the political history of Russia in the XVIII century.

Keywords: Catherine II, Peter III, Byzantium, imposture, Pugachev, Tamerlane.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Arts, and Archaeology at the Catholic University of Louvain, Professor at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Full Member of T. V. Barsov Society for the Study of Canon Law (Barsov Society) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso- labore@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. Hellenistic Origins of the Political Tradition of Imposture and its Spread in Russia in the 17th-18th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 21–32.

Специалистам в области изучения римского права хорошо известно, что важнейшим элементом византийской политической культуры, начавшей свое формирование еще в Древнем Риме, были военные перевороты, а также в определенной степени связанные с военными переворотами феномен так называемого самозванчества.

Самозванчество как метод политической борьбы, по-видимому, зародилось еще в эллинистическом мире. Например, македонский самозванец Андриск (Лже-Филипп), родившийся согласно Аммиану Марцеллину в валяльной мастерской (Amm. Marc. XIV. 11. 33), в 150 г. до Р. Х. провозгласил себя сыном македонского царя Персея (179–168 до Р. Х.) и начал борьбу против Рима, которая закончилась разгромом самозванца войсками претора Квинта Цецилия Метелла (188–115 до Р. Х.) в ходе так называемой Четвертой Македонской войны (150–148 до Р. Х.)¹. Позднее, в 126 г. до Р. Х. в Египте объявился самозванец Лже-Александр, возможно, сын купца, выдававший себя за сына и наследника селевкидского царя Антиоха VII Сидета (138–129 до Р. Х.). С помощью египетского царя Птолемея VIII Эвергета (145–116 до Р. Х.) самозванец смог завоевать часть Сирии, где правил в течении трех лет (до 123 г. до Р. Х.) под именем Александра II Забины, в то время как другой частью страны управляла египетская принцесса и селевкидская царица Клеопатра Тея (164–121/120 до Р. Х.)². Таким образом, можно предполагать, что самозванчество было заимствовано, если так можно выразиться, римлянами под влиянием политических традиций греко-македонских государств эллинистического Востока.

В Римской империи самозванчество впервые появилось еще в период гражданской войны 68–69 гг. по Р. Х. и выразилось в выступлении Лже-Неронов (Tacitus Hist. II, 9; Cassius Dio LXVI, 19, 3b; Zonarae Epitome 1870, III, 55; Suetonius VI, 57). Позднее Константин Великий (306–337) приказал сфабриковать фальшивую генеалогию своего отца, тетрарха Констанция Хлора (293–306), в которой Константин объявлялся племянником Императора Клавдия II Готского, в то время как сам Клавдий II, по слухам, был незаконным сыном Гордиана III, рожденным от некоей прекрасной гетеры, обучавшей юного Императора любовным утехам для последующего бракосочетания с благородной матроной.

Самозванчество как политическое явление расцвело в Восточной Римской империи и проявлялось в правление Императоров Ираклия (610–641), Льва III Исавра (717–741), Михаила II Травла (820–829), Алексея I Комнина (1081–1118), Исаака II (1185–1195) и Алексея III (1195–1203) Ангелов, и наконец, и Михаила VIII Палеолога (1259–1282)³.

Ираклий боролся с самозванцем Лже-Феодосием, выдававшим себя за спасшегося августа Феодосия, старшего сына Императора Маврикия (582–602) и Императрицы Константины. Эта борьба осложнялась вооруженным вмешательством Сасанидского Ирана и Аварского каганата⁴. Впрочем, Пауль Шпек полагал, что этот претендент самозванцем не был, но был подлинным августом Феодосием, которого объявил

¹ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxford: Clarendon Press, 1941. P. 757–807, 1136.

² Ibid. P. 60, 69, 724, 824, 854.

³ Speck P. Eine Gedächtnisfeier am Grabe des Maurikios. Die Historiae des Theophylaktos Simokates: der Auftrag; der Fertigstellung; der Grundgedanke // Varia IV. Beiträge von S. Kotzabassi und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 12). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1993. S. 175–254; Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. T. II: Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III; T. III: Die Αλόστασις Ῥώμης και Ἰταλίας und der Liber Pontificalis. (Ποικίλα Βυζαντινά, 20). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2003. S. 514; Chalandon F. Les Commènes. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Commène (1081–1118). Paris, 1900. P. 62–63, 149–154.

⁴ Speck P. Die Interpretation des *Bellum Avaricum* und der Kater Μεχλημπέ: Der Protest des Patriarchen Sergios gegen die Heirat des Herakleios mit Martina // Varia II. Beiträge von A. Berger, L.-A. Hunt, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 6). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1987. S. 374–375; Ludwig Cl. Kaiser Herakleios, Georgios Pisides und die Perserkriege // Varia III. Beiträge von W. Brandes, S. Kotzabassi, Cl. Ludwig und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 11). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1991. S. 73–128.

самозванцем придворный историк и пропагандист Ираклия Феофилакт Симокатта⁵. Лже-Феодосий был официально признан персидским шахом Хосровом II Парвизом (591–628)⁶ и даже коронован в Ктесифоне несторианским католиком Сабришо Г.

Лев III Исавр противостоял самозванцу Лже-Тиберию из Пергама, объявившему себя спасенным сыном Императора Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711) и Императрицы Феодоры Хазарской. Он получил поддержку омейядского халифа Хишама ибн Абдуль-Малика (723–743)⁸.

Михаил II Травл лишь благодаря помощи болгарского хана Омуртага (814–831) смог одолеть мятежника Фому Славянина, провозгласившего себя спасшимся от ослепления сыном Императрицы Ирины (780–802), Константином VI (780–797)⁹.

Византийские самозванцы Лже-Диогены, выдававшие себя за сыновей ослепленного Императора Романа IV Диогена (1068–1071), были подробно описаны дочерью Императора Алексея I Комнина (1081–1118) — принцессой Анной (1083–1153/1154), причем Анна Комнина противопоставляла их притязаниям на престол реальный факт усыновления своего отца Императрицей Марией Аланской, супругой Михаила VII Дуки (1071–1078) и Никифора III Вотаниата (1078–1081), которая стала несостоявшейся свекровью принцессы Анны¹⁰. Алексей I Комнин вынужден был бороться с четырьмя самозванцами: Лже-Михаилом (Ректором), ставленником Роберта Гвискара, Лже-Диогеном I, ставленником половецких ханов Боняка и Тургоркана, Лже-Диогеном II — норманским рыцарем из войска Боэмунда Тарентского¹¹, и Лже-Диогеном III или же «Девгеневицем» древнерусских летописей, креатурой киевского великого князя Владимира Мономаха (1113–1125). Питер Франкопан выдвинул предположение о том, что Лже-Диоген I в действительности был настоящим сыном Императора Романа IV — Львом Диогеном, который был предательски захвачен и ослеплен по приказу Анны Далассины и впоследствии оклеветан Анной Комниной¹². Учитывая определенную синхронность заговора Никифора Диогена (1094 г.) и выступления Лже-Диогена I (1094/1095 г.), подобное предположение могло бы быть не лишено оснований, если бы не одно обстоятельство: претендент опирался исключительно на половецкую военную помощь и практически не имел сторонников среди византийской военной аристократии, что довольно странно для наследника Императора-военачальника Романа IV, который к тому же имел собственный опыт военной службы.

Норманнский историк и монах Ордерики Виталий упоминает в своем произведении самозванца Лже-Диогена II, который воевал против ромеев вместе

⁵ *Speck P.* Eine Gedächtnisfeier am Grabe des Maurikios... S. 175–254.

⁶ *Ps. Sebeos.* Histoire d'Héraclius. Trad. par F. Macler. Paris, 1904. P. 61–62.

⁷ *Nöldeke Th.* Die von Guidi herausgegebene Syrische Chronik. Wien: F. Tempsky, 1893. S. 15–16; *Histoire nestorienne inédite (Chronique de Séert).* Paris: Brepols, 1907. P. 519–520.

⁸ *Theophanis Chronographia / Hrsg. von K. De Boor.* Vol. I. Leipzig, 1883. S. 411; *Mitrofanov A.* The Lord's gift transformed into a tiger. A hypothesis regarding the fate of the Empress Theodora of Khazaria (705–711) // *Byzantinische Zeitschrift.* 2023. № 116 (1). S. 165–184; *Speck P.* Kaiser Leon III... S. 514.

⁹ *Speck P.* Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus. B. I–II. München, 1978; *Lemerle P.* Thomas le Slave // *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines.* 1965. Vol. 1. P. 255–297.

¹⁰ *Annae Comnenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis.* B. I. Berlin, New York, 2001. S. 91; *Skoulatos B.* Les personnages byzantins de l'Alexiade: Analyse prosopographique et synthèse. Louvain-la-Neuve and Louvain: Bureau du Recueil Collège Érasme and Éditions Nauwelaerts, 1980. P. 192–194.

¹¹ *Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // *Harvard Ukrainian Studies.* 1988/1989. Vol. 12/13 (Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine). P. 414–429.

¹² *Frankopan P.* Unravelling the Alexiad: Who was 'Devgenevich' of the Russian Primary Chronicle and 'Pseudo-Diogenes' of the Greek sources? // *Byzantine and Modern Greek Studies.* 2005. Vol. 29. Issue 2. P. 147–166.

с норманнскими рыцарями Боэмунда Тарентского в 1105–1107 гг.¹³ Анна Комнина об этом самозванце не упоминает, но не исключено, что он был норманнским рыцарем, некогда служившим Императору Роману IV, а затем, после 1071 г., — Русселю де Байоло или Филарету Варажуни. По крайней мере мы знаем, что норманны, преданные Филарету, после его падения в 1086 г. перешли на службу к сельджукам и таким образом дожили до прибытия крестоносцев, участников Первого Крестового похода (1096–1099). Как отмечает в своих исследованиях В. В. Прудников, норманны пытались закрепиться в Анатолии на протяжении всей второй половины XI в., и участие норманнских рыцарей в Первом крестовом походе, приведшее к основанию Антиохийского княжества, не было серией спонтанных территориальных захватов, но стало закономерным следствием многолетней норманнской экспансии¹⁴. С этой точки зрения появление очередного самозванца Лже-Диогена в войсках Боэмунда Тарентского в период второй войны Алексея I Комнина с норманнами не представляется собой ничего невероятного.

Исаак II Ангел (1185–1195) и его брат Алексей III (1195–1203) подавляли выступления трех самозванцев — Лже-Алексеев Комнинов в Малой Азии¹⁵, а Михаил VIII Палеолог (1259–1282) воевал с Лже-Иоанном IV Ласкарисом, сторонников которого пытался использовать Карл Анжуйский¹⁶.

Итак, кто же такой византийский самозванец? Самозванец в Византии — это прежде всего тот, кто претендует на Императорскую порфиру, выдавая себя за представителя Императорской династии: либо за покойного Императора, либо за его родственника, чаще всего сына. Именно таким образом проявило себя самозванчество в Византии, где наследование верховной власти, как и в Древнем Риме, чаще всего определялось волеизъявлением армии и сената. Военные перевороты, характерные для византийской истории, стимулировали развитие самозванчества, ибо что можно было легче всего противопоставить в ходе борьбы за власть грубой военной силе? Разумеется, если не аналогичную военную силу, то хотя бы Императорское происхождение — реальное или мнимое.

В эпоху раннего Возрождения феномен самозванчества стал широко известен также и в Западной Европе. В 1354 г. купец из Сиены, известный под именем Джанино Бальони (1316–1363), объявил себя выжившим королем Франции Иоанном I Посмертным (1316), сыном Людовика X Сварливого (1314–1316) и Клеменции Венгерской, появившимся на свет после кончины отца, но в действительности прожившим лишь пять дней¹⁷. Самозванец опирался на поддержку итальянского политика Кола ди Риенцо (1313–1354) и после пленения короля Франции Иоанна II Доброго (1350–1364) англичанами в битве при Пуатье (19 сентября 1356 г.) смог начать борьбу за корону. Он посетил двор венгерского короля Лайоша I (1342–1382), племянника королевы Клеменции,

¹³ Orderici Vitalis *Historiae Ecclesiasticae Libri tredecim* / Éd. par A. Le Prevost. Vol. 4. Paris, 1845. P. 212; Kazhdan A. *Rus'-Byzantine Princely Marriages...* P. 414–429. «Filius Diogenis Augusti aliosque de graecis seu thracibus illustres secum habebat; quorum querela de Alexio imperatore qui per proditionem illis antecessorum stemmata suorum abstulerat magis ad iram contra eum feroces francos incitabat». Отметим, что французский издатель «Церковной истории» Ордерика Виталия, Огюст Ле Прево, ошибочно отождествляет этого самозванца с Лже-Михаилом (Ректором) — самозванцем времен экспедиции Роберта Гвискара (1081–1082).

¹⁴ Прудников В. В. *Deus adiuvá. Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв.* М., 2019. С. 79–146; *Его же. Норманны в Малой Азии в XI–XII вв.* Дисс... канд. истор. наук. М., 2016. С. 88–141.

¹⁵ Nicetae Choniatae *Historia* / Hrsg. von J. L. Dieten. Bd. I. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 11). Berlin, New York, 1975. S. 420–423.

¹⁶ Pachymérés G. *Relations historiques*. Par A. Failler. Vol. I. Paris: Les Belles Lettres, 1984. P. 259–267; Geanakoplos D. J. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: a Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1959. P. 145, 181, 195.

¹⁷ Monmerqué L. *Dissertation historique sur Jean Ier, roi de France et de Navarre; suivie d'une Charte par laquelle Nicolas de Rienzi reconnaît Giannino, fils supposé de Guccius, comme roi de France, et d'autres documents relatifs à ce fait singulier*. Paris: Chez Tabary, 1844. P. 7–36.

и получил официальное признание своих прав. Затем Лже-Иоанн при помощи сторонников знаменитого парижского престопа Этьена Марселя смог нанять небольшую наемную армию, во главе которой был поставлен беглый английский рыцарь Жан де Верней, и атаковал Прованс. Но в 1361 г. самозванец был разбит и схвачен папскими войсками. Позднее появилось еще несколько Лже-Иоаннов.

Вероятно, феномен самозванчества распространился во Франции и Италии в эту эпоху под византийским политическим влиянием, источником которого был Неаполь, ибо там при дворе короля Роберта Мудрого (1309–1343) и его дочери королевы Джованны I (1343–1382), представителей Анжуйского дома, проживала титулярная латинская Императрица Константинополя Екатерина де Валуа-Куртене (1308–1346), окруженная учеными греками-униатами¹⁸.

Несколько ранее самозванчество проявилось в Англии: в 1318 г. некий Джон Дейдрас из Паудерхема объявил себя истинным королем Эдуардом II (1307–1327) и намеревался доказать свои права в поединке с правящим монархом. В следующем столетии во Франции получила известность самозванка Жанна дез Армуаз (?–1446/1449), выдававшая себя за спасшуюся Жанну д'Арк (1412–1431), которая, хотя и не была королевской особой, но прославилась как воительница и «Kingmaker» при Карле VII (1429–1461). В Англии против Генриха VII Тюдора (1485–1509) поднял восстание самозванец Перкин Уорбек (1474–1499), выдававший себя за Ричарда Шрусбери, герцога Йоркского, младшего сына короля Эдуарда IV (1461–1470) и Елизаветы Вудвилл, исчезнувшего в застенках Тауэра вместе с маленьким братом Эдуардом V в 1483 г.

В России самозванчество как серьезное политическое явление распространилось позднее, только на излете Средневековья, вскоре после того, как русские государи (Иван III (1462–1505) и затем его внук Иван IV (1533–1584)) громогласно заявили о себе как о наследниках автократоров Восточной Римской Империи в XVI в. Но при этом распространение самозванчества в России приобрело такой размах в следующем столетии, по сравнению с которым средневековое византийское самозванчество явно померкло. Вообще история России XVII в. предлагает исследователю богатейшую портретную галерею самозванцев, главное место среди которых, конечно же, занимают самозванцы Смутного Времени Лже-Дмитрий I (Гришка Отрепьев) и Лже-Дмитрий II (Тушинский вор). По подсчетам современных специалистов, с 1601 по 1700 г. в России так или иначе действовало 29 (!) самозванцев, из которых 16 человек (55%) были порождением Смутного Времени¹⁹.

На исходе XVII столетия борьба между будущим Императором Петром Великим (1682–1725) и правительницей царевной Софьей Алексеевной (1682–1689) продемонстрировала важнейшую роль, которую теперь играли в политической жизни России вооруженные силы — потешная лейб-гвардия Петра и верные Софье стрельцы²⁰. Примечательно, что в 1698 г. сторонники Софьи обвинили в самозванчестве самого царя Петра: дескать, «немцы» в Голландии опоили настоящего Петра, а Петр, вернувшийся из великого посольства, был подмененным самозванцем. Подобное обвинение укрепляло в их собственных глазах сомнительную легитимность царевны.

Победа Петра над сестрой в 1689 г. и успешное подавление Петром стрельцкого бунта в 1698 г. предопределили выход России из культурной изоляции и ее дальнейшее становление как Империи и военно-морской державы. Петр Великий создал регулярную армию и флот, разгромил армию шведского короля Карла XII (1697–1718), считавшуюся непобедимой, при Полтаве (1709 г.), одержал победу в морском сражении при Гангуте на Балтике (1714 г.), и в ходе Великой Северной войны превратил отсталую Московию в мощное современное государство²¹.

¹⁸ Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Т. I. СПб., 1893. С. 29–72.

¹⁹ Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.: опыт системно-статистического анализа // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 290–353.

²⁰ Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. С. 15–70.

²¹ Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996. С. 16–159; *Его же*. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Якорь, 2018. С. 15–625.

Через пять месяцев после заключения Ништадтского мира, 5 (16) февраля 1722 г. Император издал «Устав о наследии престола». Петр, ссылаясь на прецедент великого князя Ивана III (1462–1505), провозгласил, в сущности, византийский принцип престолонаследия, исходя из которого правящий государь должен сам назначать себе наследника. Византийское право содержало древнюю римскую норму (Cassius Dio LXIX. 20. 1–5), по которой Император имел право усыновить любого подданного, что давало усыновленному право претендовать на престол (Procopius BP I. XI. 5–29). Вероятно, подобный законодательный акт Петра был обусловлен глубокой депрессией Императора, который после казни царевича Алексея Петровича (1690–1718) и кончины младенца-царевича Петра Петровича (1715–1719) не видел в своей семье никого, кто мог бы стать достойным наследником и продолжателем его преобразований. Исходя из положений «Устава» Петра только тот Император, который был назначен завещанием своего предшественника, мог считаться легитимным государем. С этой точки зрения традиционный спор о формальной легитимности тех или иных преемников Петра, правивших в России до 1797 г., не имеет никакого смысла, ибо сам Петр назначить себе наследника не успел, и формальная преемственность была нарушена после его кончины в 1725 г. Это обстоятельство привело после смерти Петра к серьезной политической борьбе за престол между «партией Петра» и «партией» царицы Евдокии Лопухиной (1669–1731), решающую роль в которой стала играть Императорская гвардия. В 1725 г. гвардейцы во главе с А. Д. Меньшиковым (1673–1729) возвели на престол вдову Петра — Императрицу Екатерину I (1725–1728). Так петровская гвардия заявила о себе, по меткому выражению Э. С. Радзинского, как о первом русском парламенте, функции которого она будет исправно исполнять вплоть до 1825 г.

Трагическая судьба наследников Петра Великого привела к возрождению самозванчества: после казни царевича Алексея Петровича в июне 1718 г.²² (24 июня / 5 июля) началась «эпопея» Лже-Алексеев (Иван Минацкий и прочие). Скоропостижная кончина младенца-царевича Петра Петровича год спустя спровоцировала появление в 1732 г. самозванца Лже-царевича Петра — драгуна Лариона Стародубцева. В 1732 г. Стародубцев объявил себя сыном Петра и Екатерины I царевичем Петром Петровичем и отправился собирать войска в приволжские степи. Лже-Петр был быстро схвачен войсками Императрицы Анны Иоанновны (1730–1741) и казнен. Вместе с ним был казнен другой самозванец, Тимофей Труженик, выдававший себя за спасшегося царевича Алексея Петровича. Распространение самозванчества было тревожным знаком для Императрицы Анны Иоанновны, легитимность которой ставилась под сомнение социальными низами и маргинальными слоями, поддерживавшими самозванцев. Вскоре после кончины Анны Иоанновны в 1741 г. гвардейцы осуществили военный переворот в пользу дочери Петра Великого — Елизаветы Петровны. Они свергли легитимного, назначенного предшественницей Императора Ивана VI Антоновича, и его мать, правительницу Анну Леопольдовну. Маленький Император вскоре был отправлен в Холмогоры, где был разлучен с родителями, а затем заточен в Шлиссельбургскую крепость, где в 1764 г. убит дежурными офицерами при неудачной попытке освобождения подпоручиком В. Я. Мировичем. В последующие десятилетия стали появляться самозванцы, объявлявшие себя спасенным Иваном Антоновичем (Матвеев, Тимофей Курдилов), однако следует отметить, что реальной опасности для престола эти личности не представляли и остались в истории в качестве курьезного недоразумения, подобно последним самозванцам, выдававшим себя в середине XIX в. за великого князя Константина Павловича (1779–1831).

²² Еще в октябре 1715 г., в период похорон жены царевича Алексея, Шарлотты Кристины Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715), Петр Великий писал сыну, что тот «не выказывает склонности государственным делам», и убеждал исправиться, в противном случае грозясь не только отстранить его от наследования, но и похуже: «...Ежели жени, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу яко уд гангренный, и не мни себе, что я сие только в устастку пишу — воистину исполню, ибо за Мое Отечество и люд живота своего не жалел и не жалею, то како могу Тебя непотребного пожалеть».

Иван Антонович был убит в царствование Императрицы Екатерины Великой (1762–1796). Незадолго перед этим трагическим событием Екатерина II, урожденная принцесса София Августа Фридерика Анхальт-Цербстская, свергла 28 июня 1762 г. мужа, Императора Петра III, после чего вскоре он был убит при странных обстоятельствах сторонниками Екатерины в Ропшинском дворце.

С чем была связана столь трагическая судьба Петра III? Как она повлияла на очередной рецидив самозванчества в России? История несчастного брака Екатерины Алексеевны и Петра Федоровича хорошо известна благодаря «Запискам» Екатерины Великой, в которых описывается специфика личности будущего Императора Петра III.

Первый конфликт между новобрачными иллюстрирует известная записка Петра Федоровича Екатерине Алексеевне, написанная по-французски в 1746 г., в которой Петр просит Екатерину более не делить с ним ложе из-за мнимых измен великой княгини. Данная записка была отправлена Петром Екатерине через лакея — карла Андрея, но была перехвачена Якобом Штелином и до адресата не дошла. Как убедительно доказал О. А. Иванов, обвинение Петра в адрес Екатерины было ложным, основанным на слухах, а написание записки преследовало цель спровоцировать скандал при дворе, в результате которого Екатерина была бы отослана на родину, брак Петра и Екатерины был бы расторгнут, или же, в крайнем случае, на родину был бы отослан сам Петр, искренне ненавидевший страну, Императором которой ему суждено было стать²³. Впоследствии конфликт между супругами только усугублялся. Рождение у пары в 1754 г. сына — великого князя Павла Петровича (1754–1801) лишь добавило масла в огонь, так как Петр не верил в собственное отцовство, а придворные сплетни называли настоящим отцом Павла фаворита Екатерины С. В. Салтыкова (1722–1784).

Впрочем, существует и иная интерпретация отношений Петра и Екатерины в этот период, основанная на критическом сопоставлении двух редакций «Записок» Екатерины. М. М. Сафонов полагает, в частности, что во второй половине 1740-х гг. (1746–1747 гг.) отношения Петра и Екатерины были гораздо более теплыми, чем было принято ранее считать на основании второй редакции «Записок». Известно, что в это время Екатерина принимала добровольное и активное участие в военных «играх» Петра, выучилась превосходно ездить верхом, стрелять уток, заряжать мушкет и владеть шпагой. Кроме того, Екатерина даже финансировала «комнатную гвардию» Петра Федоровича, выискивала средства на приобретение оружия и амуниции, из-за чего оказывалась в долгах и вызывала нарекания Императрицы Елизаветы Петровны. Исследователь делает подобный вывод на основании новой интерпретации обеих редакций «Записок», которые сообщают о подлинном характере военных «игр» Петра и Екатерины как бы между строк. Петр и Екатерина пытались создать при Малом дворе в Ораниенбауме небольшое воинское подразделение из лакеев и камер-пажей, на которое можно было бы положиться в том случае, если бы Императрица Елизавета Петровна изменила свои планы относительно завещания и решила передать престол заключенному Ивану Антоновичу или кому-либо из его братьев. Военные знания и навыки были прочно усвоены Екатериной в этот период и сослужили ей важную службу 28 июня 1762 г.²⁴

Прав М. М. Сафонов в своих предположениях или нет, но несмотря на столь тесное сотрудничество в 1740-е гг., впоследствии отношения супругов действительно испортились. К сожалению, причины этого обстоятельства М. М. Сафонов видит исключительно в стремлении молодой Екатерины к самодержавной власти, которое она будто бы проявляла с первых лет пребывания в России, занимаясь политическими интригами. Данный вывод исследователь делает, основываясь на противопоставлении двух редакций «Записок» и обвиняя Екатерину в попытках хитро сфальсифицировать

²³ Иванов О. А. Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007. С. 544–546.

²⁴ Сафонов М. М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59; *Его же*. «Полк Его Высочества». Как Густав Румберг стал Карлом Ивановичем Лаухом // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.

предысторию своего восхождения на престол. Если в первой редакции Екатерина изобразила себя невинной, наивной, но живой девочкой, попавшей в сети завистливой Императрицы Елизаветы, то во второй — она представила себя «пятнадцатилетним философом» и «рыцарем», стоявшим над схваткой придворных партий. Однако историк забывает одно элементарное обстоятельство: человеку с возрастом, по мере приобретения жизненного опыта, свойственно меняться. Различия двух редакций «Записок» Екатерины в действительности могли быть обусловлены вовсе не хитроумным стремлением коварной Императрицы сознательно фальсифицировать историю своей молодости, а естественным изменением восприятия ушедших лет. С высоты приобретенного опыта государственного управления и под влиянием изменившихся жизненных приоритетов Екатерина на завершающем этапе своей жизни могла отдавать дань ностальгии по минувшему или оказаться жертвой собственной памяти. В 1770-е гг. Екатерина писала первую редакцию «Записок» под впечатлением от блистательных побед ее армии и флота, в атмосфере обожания фаворитов, и неизбежно видела себя в прошлом невинной резвящейся нимфой, которой в награду за перенесенные страдания было обещано великое будущее. Двадцать лет спустя, в середине 1790-х гг., т. е., фактически перед смертью, Екатерина пыталась беспристрастно по-философски оценить свое далекое прошлое, поэтому и изобразила себя «пятнадцатилетним философом» и «рыцарем», уже в юные годы постигшим тщету интриг.

С нашей точки зрения, исследователь ищет фальсификацию там, где ее нет и быть не могло. Неужели кто-нибудь мог поверить в то, что семнадцати-восемнадцатилетняя девушка, к тому же иностранка, уже в 1746–1747 гг. начала реализацию хитроумного плана, который таил реальную угрозу обожаемой гвардейцами Императрице Елизавете Петровне, а «комнатная гвардия» Петра Федоровича могла померяться силами с закаленными в боях преображенцами, семеновцами и измайловцами? То обстоятельство, что в конце 1750-х гг. повзрослевшая Екатерина уже включилась в борьбу за власть, не является открытием и находит закономерное объяснение при сопоставлении личных качеств Екатерины и ее супруга. Оскорбление Екатерины уже вступившим на престол Петром, который выкрикнул за столом перед всеми придворными в адрес Императрицы «Дура!», весьма симптоматично²⁵. Подобные факты Екатерине совершенно не нужно было фальсифицировать, они были у всех перед глазами.

Факты говорят о том, что после восшествия на престол Петр III немедленно заключил мир и союз со своим кумиром — прусским королем Фридрихом Великим (1740–1786), перечеркнув все победы русской армии, одержанные в ходе Семилетней войны.

Теперь Петр III был намерен передать русскую армию в распоряжение Фридриха II (1740–1786) для борьбы против вчерашних союзников²⁶. Подобная политика воспринималась тогда офицерством, и, в частности, гвардией, как открытое предательство тех жертв, которые принесла Россия на алтарь победы.

Но может быть Петр III был просто миротворцем? Подобное наивное предположение легко опровергается дальнейшими действиями этого Императора. Петр III начал подготовку военного похода против Дании — старинного союзника России в противостоянии со Швецией, во имя интересов маленького Шлезвиг-Голштейнского герцогства, намереваясь использовать в новой войне русских солдат в качестве пушечного мяса. Одновременно Петр III, по слухам, высказывал пожелание развестись с Екатериной и заточить ее в монастырь, а затем жениться на любовнице — Елизавете Воронцовой (1739–1792), которая в перспективе могла родить Петру Федоровичу нового наследника и тем самым устранить из порядка престолонаследия маленького великого князя Павла Петровича.

Данные обстоятельства подталкивали Екатерину, не желавшую становиться новой Евдокией Лопухиной, к решительным действиям, которые были подготовлены уже хотя бы тем, что обворожительная Екатерина, превосходно говорившая по-русски,

²⁵ Бильбасов В. А. История Екатерины второй. Т. I–II. Берлин, 1900. Т. I. С. 468; Т. II. С. 3.

²⁶ Там же. Т. I. С. 465–466.

обладавшая к тому же редкой начитанностью и пронизательным умом, была кумиром многих как при дворе, так и в среде гвардейского офицерства²⁷. В мае 1762 г. Екатерине только что исполнилось тридцать два года. Стройная и грациозная красавица с черными слегка вьющимися волосами, большими небесно-голубыми глазами, нежным голосом, ровным обхождением, но с сильным характером и немецким упорством завоевала сердца тех, кто штыками и шпагами добывал победу на залитых кровью полях Цорндорфа и Кунерсдорфа. Доблестный офицер Григорий Орлов (1734–1783), к весне 1762 г. уже бывший фаворитом Екатерины, а также его братья принимали активное участие в подготовке переворота. И хотя правительство Петра III успело издать ряд важных законодательных актов, имеющих отношение к внутриполитическим преобразованиям, роль самого Императора в разработке этих актов не вполне ясна, а сами преобразования, в частности, упразднение Тайной Канцелярии, Манифест от 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства, прекращение преследования старообрядцев, парадоксальным образом не способствовали росту популярности Императора ни в гвардии, ни при дворе²⁸.

История июньского переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину, хорошо известна благодаря запискам Якоба Штелина (1709–1785) и воспоминаниям Е. Р. Дашковой (1743–1810)²⁹, поэтому нет необходимости подробно на нем останавливаться.

Как отмечала Е. Р. Дашкова, Екатерина обосновала легитимность переворота следующим образом: «Я обязана своим восшествием [на престол] Всемогущему Богу и избранию моими подданными»³⁰. «Божьим всемогущим благословением и всемогущим явным желанием всех сынов Отечества Российского, мы вступили 28-го числа благополучно на самодержавный престол всероссийский», — извещала Екатерина генерал-поручика Петра Панина в письме от 28-го июня 1762 г.³¹

Заключение

Таким образом, самозванчество как способ политической борьбы за власть, по-видимому, впервые появилось в греко-македонских государствах эллинистического мира и было заимствовано римлянами. Римские политические традиции определили развитие византийской политической системы в период Средневековья, и самозванчество занимало в этих традициях видное место. Получив некоторое весьма ограниченное распространение в Европе в эпоху позднего Средневековья (XIV–XV вв.), возможно, под византийским влиянием, самозванчество расцвело в России, начиная с эпохи Смутного Времени, и оставалось отличительной чертой русской политической культуры XVII–XVIII вв. до тех пор, пока Императрица Екатерина Великая (1762–1796) не нанесла военное поражение наиболее активному и влиятельному самозванцу XVIII столетия — Емельяну Пугачеву, выдававшему себя за убитого сторонниками Екатерины Императора Петра III.

²⁷ Там же. Т. II. С. 5–7.

²⁸ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992. С. 57–82.

²⁹ Записки Штелина. Карл Петр Ульрих, (впоследствии Петр Федорович). Герцог Шлезвиг-Гольштинский // Утро. 1868. Т. 3. С. 309–362; Dashkova E. The Memoirs of the Princess Dashkova Lady of Honour to Catherine II, by W. Bradford. London, 1840. P. 72–102.

³⁰ Dashkova E. The Memoirs... P. 101.

³¹ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 3, с приложениями. М., 1891. Прил. 230; Анисимов М. Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М.: Академический проект, 2020. С. 817–869.

Источники и литература

Источники

1. Записки Штелина. Карл Петр Ульрих, (впоследствии Петр Федорович). Герцог Шлезвиг-Голштинский // Утро. 1868. Т. 3. С. 309–362.
2. Император Иоанн Антонович. 1740–1764 // Русская старина. 1879. Т. XXIV. С. 497–508; XXV. С. 291–306; Т. XXVI. С. 493–506.
3. Annae Commenae Alexias / Hrsg. von D. R. Reinsch, A. Kambylis. B. I–II. Berlin, New York, 2001.
4. *Catherine II. Mémoires de l'impératrice Catherine II écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen.* Londres, 1859.
5. *Dashkova E. The Memoirs of the Princess Dashkova Lady of Honour to Catherine II, by W. Bradford.* Vol. I–II. London, 1840.
6. Histoire nestorienne inédite (Chronique de Séert). Paris: Brepols, 1907.
7. *Michel Psellos. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Éd. par E. Renauld.* T. I–II. Paris, 1926–1928.
8. Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von J. L. Dieten. Bd. I. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 11). Berlin, New York, 1975.
9. *Nöldeke Th. Die von Guidi herausgegebene Syrische Chronik.* Wien: F. Tempsky, 1893.
10. Orderici Vitalis Historiae Ecclesiasticae Libri tredecim / Éd. par A. Le Prevost. Vol. 4. Paris, 1845.
11. *Pachymères G. Relations historiques.* Par A. Failler. Vol. I. Paris: Les Belles Lettres, 1984.
12. *Ps. Sebeos. Histoire d'Héraclius.* Trad. par F. Macler. Paris, 1904.
13. Theophanis Chronographia / Hrsg. von K. De Boor. Vol. I. Leipzig, 1883.

Литература

14. *Анисимов Е. В.* Время Петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.
15. *Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 1998.
16. *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия и Семилетняя война. М.: Академический проект, 2020.
17. *Бильбасов В. А.* История Екатерины второй. Т. I–II. Берлин, 1900.
18. *Веселовский А. Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. Т. I. СПб., 1893.
19. *Гребенщикова Г. А.* Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. II: Секретные экспедиции русского флота. СПб.: Остров, 2020.
20. *Иванов О. А.* Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта. М.: Центрполиграф, 2007.
21. *Иванов О. А.* Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1996. № 2. С. 36–38; № 3. С. 25–28.
22. *Иванов С. А.* Византия Екатерины Великой // *Quaestio Rossica.* 2021. Vol. 9. № 2. С. 666–678.
23. *Каменский А. Б.* «Под сенью Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992.
24. *Кочережко С. С.* Некоторые вопросы восприятия Екатерины II восстания Е. И. Пугачева. 1773–1775 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 58–71.
25. *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996.
26. *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Якорь, 2018.
27. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
28. *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 3, с приложениями. М., 1891.

29. Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая Гвардия, 2003.
30. Прудников В. В. Норманны в Малой Азии в XI–XII вв. Дисс... канд. истор. наук. М., 2016.
31. Прудников В. В. Deus adiuvans. Норманские рыцари в Анатолии XI–XII вв. М., 2019.
32. Сафонов М. М. Екатерина II – солдат Петра III // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 41–59.
33. Сафонов М. М. К истории убийства Петра III (Е. Р. Дашкова и Ф. В. Ростопчин) // Die Deutschen in Sankt Petersburg. Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века). 2011. № 6. С. 34–54.
34. Сафонов М. М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113–128.
35. Сафонов М. М. «Полк Его Высочества». Как Густав Румберг стал Карлом Ивановичем Лаухом // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 16–37.
36. Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.: опыт системно-статистического анализа // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 290–353.
37. Chalandon F. Les Commènes. Études sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I: Essai sur le règne d'Alexis Ier Commène (1081–1118). Paris, 1900.
38. Frankopan P. Unravelling the Alexiad: Who was 'Devgenevich' of the Russian Primary Chronicle and 'Pseudo-Diogenes' of the Greek sources? // Byzantine and Modern Greek Studies. 2005. Vol. 29. Issue 2. P. 147–166.
39. Geanakoplos D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: a Study in Byzantine-Latin Relations. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1959.
40. Kazhdan A. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13 (Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine). P. 414–429.
41. Lemerle P. Thomas le Slave // Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. 1965. Vol. 1. P. 255–297.
42. Ludwig Cl. Kaiser Herakleios, Georgios Pisides und die Perserkriege // Varia III. Beiträge von W. Brandes, S. Kotzabassi, Cl. Ludwig und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 11). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1991. S. 73–128.
43. Mitrofanov A. The Lord's gift transformed into a tiger. A hypothesis regarding the fate of the Empress Theodora of Khazaria (705–711) // Byzantinische Zeitschrift. 2023. № 116 (1). S. 165–184.
44. Monmerqué L. Dissertation historique sur Jean Ier, roi de France et de Navarre; suivie d'une Charte par laquelle Nicolas de Rienzi reconnaît Giannino, fils supposé de Guccius, comme roi de France, et d'autres documents relatifs à ce fait singulier. Paris: Chez Tabary, 1844.
45. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxford: Clarendon Press, 1941.
46. Skoulatos B. Les personnages byzantins de l'Alexiade: Analyse prosopographique et synthèse. Louvain-la-Neuve and Louvain: Bureau du Recueil Collège Érasme and Éditions Nauwelaerts, 1980.
47. Speck P. Eine Gedächtnisfeier am Grabe des Maurikios. Die Historiai des Theophylaktos Simokates: der Auftrag; der Fertigstellung; der Grundgedanke // Varia IV. Beiträge von S. Kotzabassi und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 12). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1993. S. 175–254.
48. Speck P. Die Interpretation des *Bellum Avaricum* und der Kater Μεχλεμπέ: Der Protest des Patriarchen Sergios gegen die Heirat des Herakleios mit Martina // Varia II. Beiträge von A. Berger, L.-A. Hunt, R.-J. Lillie, Cl. Ludwig und P. Speck. (Ποικίλα Βυζαντινά, 6). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 1987. S. 374–375.
49. Speck P. Kaiser Konstantin VI. Die Legitimation einer fremden und der Versuch einer eigenen Herrschaft. Quellenkritische Darstellung von 25 Jahren byzantinischer Geschichte nach dem ersten Ikonoklasmus. B. I–II. München, 1978.
50. Speck P. Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis. T. II: Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III; T. III: Die Απόστασις Ῥώμης και Ἰταλίας und der Liber Pontificalis. (Ποικίλα Βυζαντινά, 20). Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2003.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Диакон Максим Гошев

**Международная и межцерковная деятельность
настоятеля подворья Антиохийской Церкви в Москве
епископа Василия (Самахи) в 1948–1962 гг.**

УДК 94(47+57)+[271.2+271.21(569.1)]-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_33
EDN GIQDVX

Аннотация: В статье на основании опубликованных и архивных материалов рассматриваются обстоятельства возобновления в 1948 г. подворья Антиохийского Патриархата в Москве и его деятельность при первом настоятеле — клирике Антиохийской Церкви, архимандрите, впоследствии епископе Василии (Самахе). Епископ Василий проявил себя как энергичный и умелый церковный дипломат, принимал участие во всех ключевых контактах между Русской Православной Церковью и Антиохийским Патриархатом в годы служения настоятелем подворья. Антиохийский патриарх Александр III (Тахан) вел двойную игру. Уверяя руководство СССР и Московского патриарха в преданности интересам Советского Союза и Русской Православной Церкви, и получая крупные денежные суммы на церковные нужды из Москвы, Предстоятель Антиохийской Церкви взаимодействовал с американцами и принимал от них деньги. В такой непростой политической ситуации епископ Василий выступал посредником между главами двух братских Церквей. Однако, и про свои личные интересы настоятель подворья не забывал. Сама его хиротония во епископа не была согласована с Московским патриархом Алексием I, что чуть не привело к отстранению от должности новоявленного епископа и отправке его в Антиохию. Впрочем, епископ Василий оказал большое влияние на развитие отношений между двумя братскими Церквями, и в годы его настоятельства, подворье стало важным каналом связи высшей иерархии Московского Патриархата и Антиохийской Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Антиохийский Патриархат, Патриарх Алексей I (Симанский), Патриарх Антиохийский Александр III (Тахан), Патриарх Антиохийский Феодосий VI (Абурджели), епископ Василий (Самаха), митрополит Гор Ливанских Илия (Карам), Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, Георгий Григорьевич Карпов.

Об авторе: **Диакон Максим Евгеньевич Гошев**

Магистр теологии, аспирант кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии.

E-mail: maksingoshev@gmail.com

Для цитирования: Гошев М. Е., диак. Международная и межцерковная деятельность настоятеля подворья Антиохийской Церкви в Москве епископа Василия (Самахи) в 1948–1962 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 33–44.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Deacon Maxim Goshev

**The Activity of the Renewed metochion of the Church
of Antioch in Moscow During the Years of the Abbacy
of Bishop Basil (Samakhi) in 1948–1962**

UDC 94(47+57)+[271.2+271.21(569.1)]-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_33
EDN GIQDVX

Abstract: Based on published and archival materials, the article examines the circumstances of the resumption of the metochion of the Antiochian Patriarchate in Moscow in 1948 and its activities under the first rector – cleric of the Antiochian Church, Archimandrite, and subsequently Bishop Basil (Samakha). Bishop Basil proved himself to be an energetic and skillful church diplomat, and took part in all key contacts between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Antioch during his years as rector of the metochion. Patriarch Alexander III of Antioch (Tahan) was playing a double game. Assuring the leadership of the USSR and the Moscow Patriarch of their devotion to the interests of the Soviet Union and the Russian Orthodox Church, and receiving large sums of money for church needs from Moscow, the Primate of the Church of Antioch interacted with the Americans and accepted money from them. In such a difficult political situation, the EP. Basil acted as an intermediary between the heads of the two fraternal Churches. However, the abbot of the compound did not forget about his personal interests either. His very consecration as bishop was not coordinated with Patriarch Alexy I of Moscow, which almost led to the removal of the newly-appointed bishop from office and his sending to Antioch. However, Bishop Basil had a great influence on the development of relations between the two fraternal Churches, and during the years of his abbacy, the metochion became an important channel of communication between the highest hierarchy of the Moscow Patriarchate and the Church of Antioch.

Keywords: The Russian Orthodox Church, The Patriarchate of Antioch, Patriarch Alexy I (Simansky), Patriarch Alexander III of Antioch (Tahan), Patriarch Theodosius VI of Antioch (Aburgeli), Bishop Basil (Samakha), Metropolitan of the Mountains of Lebanon Elijah (Karam), Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, Georgy Grigorievich Karpov.

About the author: **Deacon Maxim Evgenievich Goshev**

Master of Theology, postgraduate student of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: maksimgoshev@gmail.com

For citation: Goshev M. E., Deacon. The Activity of the Renewed metochion of the Church of Antioch in Moscow During the Years of the Abbacy of Bishop Basil (Samakhi) in 1948–1962. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 33–44.

* Photos are taken from open sources.

В 2023 г. исполнилось 175 лет со дня основания и 75 лет со дня возобновления деятельности подворья Антиохийской Православной Церкви в Москве. Появление представительства Антиохийского Патриархата на канонической территории Русской Православной Церкви стало возможным благодаря просьбе прибывшего в Москву в 1842 г. с целью сбора пожертвований на нужды бедствовавшей Антиохийской Церкви митрополита Илиопольского Неофита¹ и живому отклику на эту просьбу митрополита Московского Филарета (Дроздова)².

Подворье при Вознесенско-Ипатьевской церкви в Москве просуществовало с 1848 г. вплоть до закрытия в 1930 г.³ В этот период подворье было каналом связи между иерархами Антиохийского Патриархата и Русской Православной Церковью, послужило усилению русского влияния на Ближнем Востоке.

К началу Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь уже на протяжении нескольких лет не занималась международной деятельностью. В докладе председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова в ЦК ВКП(б) говорится о том, что к 1935–1936 гг. связь Русской Церкви с заграницей была полностью прекращена. Однако, в годы Великой Отечественной войны ситуация изменилась. Для советского государства было важно установить добрые отношения с союзниками по борьбе с фашистской Германией — Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Руководству этих государств была небезразлична судьба Русской Церкви. И. В. Сталин учел возможности, которыми обладала Православная Церковь в делах внешней политики и ее объединяющую роль в противостоянии фашистам⁴.

В 1945 г. было принято решение об открытии подворья Антиохийского Патриархата в Москве, что было связано с участием делегации Антиохийской Церкви во главе с патриархом Антиохии и всего Востока Блаженнейшим Александром III (Таханом) в заседаниях Поместного Собора Русской Православной Церкви, на котором был избран на патриаршество митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский)⁵.

Весьма интересны для понимания религиозного уровня советского народа того времени воспоминания, сопровождавшего в 1945 г. Антиохийского патриарха в поездке в СССР, иеродиакона Василия (Самахи), который рассказывал, что «русский народ как был и прежде, является примером набожности и религиозности. Однажды, я шел по улицам Москвы, одетый в мою восточную монашескую одежду, которая обращала

Патриарх Московский и всея Руси
Алексий I (Симанский)

¹ Алексеев А. Антиохийское Патриаршее подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 6. С. 59–60.

² Алексий (Абдель-Керим), архим. Антиохийское Патриаршее подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1965. № 3. С. 56–57.

³ Пятнов П. В. Меншикова башня — «сестра Ивана Великого» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 101.

⁴ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 283.

⁵ Василий (Самаха), архим. Антиохийский Патриархат и его взаимоотношения с Русской Православной Церковью // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 5. С. 65.

на меня внимание всех. Меня остановила толпа рабочих, чистящих снег на улице и поздоровались со мною по-русски. Я ответил слабым ломанным русским языком, но, к счастью, оказался среди них один, который понимал по-французски, и мы разговорились... Узнав, что я родом из Сирии, поблизости с Иерусалимом, они были глубоко умилены и с жаром спрашивали меня о святом граде и выразили желание не только побывать там для поклонения святому гробу, но также, чтобы получить горсть той земли, по которой ходили пророки и апостолы. И я подумал: как больно и стыдно нам, так близко живущим от Иерусалима и никогда не думающим посетить его, тогда, как этот народ, которого обвиняют в безбожии, так жаждет получить хотя бы одну горсть земли из этого священного Иерусалима!»⁶

Большое значение для открытия подворья имел и тот факт, что в период с 14 ноября по 11 декабря 1947 г. Советский Союз посетил митрополит Гор Ливанских Илия (Карам), в сопровождении архимандрита Василия (Самахи). Хорошо известно, что в это время уже началась арабо-израильская война, которая затронула и православных христиан, проживавших на Ближнем Востоке. Митрополит Илия был принят как дорогой и важный гость, поскольку руководство СССР и Московская Патриархия тогда активно готовилась к празднованию 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви и Совещанию Глав Православных Церквей 1948 г.⁷

Из письма Патриарха Алексия I к Г. Г. Карпову от 20 ноября 1947 г. известно, что двумя днями ранее, 18 ноября 1947 г. глава Русской Церкви беседовал с митрополитом Ливанским Илией (Карамом).

Патриарх Антиохийский
Александр III (Тахар)

В ходе общения выяснилось, что Антиохийский Патриархат к этому времени был изолирован от греков. Вселенский патриарх Христофор и американская дипломатия убеждали Антиохийского патриарха Александра III отделиться от Московского Патриарха и войти в союз с греками. В этой ситуации требовались решительные действия. Щедрая материальная поддержка и открытие подворья, которое традиционно являлось центром для сбора пожертвований на нужды Антиохийской Церкви становились условием для укрепления дружбы между Русской и Антиохийской Церквями и поддержки антиохийскими иерархами политической и церковной линии Москвы⁸. Митрополит Илия (Карам) убедил руководство СССР и Московского Патриарха в идейном тяготении Антиохии к России и выражал надежду на продолжение тесных дружественных отношений⁹.

О выделении храма для подворья Г. Г. Карпов сообщил патриарху Алексию 17 декабря 1947 г. В ведение Московской Патриархии было передано церковное здание, располагавшееся по адресу: Телеграфный переулок, дом 15а¹⁰.

В 1948 г. деятельность подворья Антиохийской Церкви была возобновлена при храмах архангела Гавриила и св. Феодора Стратилата на Чистых Прудах. Подворье

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.

⁷ *Джабер Аби Джабер*. Илия (Карам), митрополит Гор Ливанских // Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 283–284.

⁸ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 58–59 об.

⁹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1953 гг. Т. 1. М., 2009. С. 336–337.

¹⁰ Там же. С. 235–236.

было передано митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) антиохийской церковной делегации, в составе митрополита Эмесского Александра — главы делегации, а также митрополита Гор Ливанских Илии (Карама) и архимандрита Василия (Самахи), который и стал настоятелем возобновленного подворья¹¹.

Архимандрит Василий родился в 1918 г. в Ливане. Окончил Ливанский начальный колледж. В 1942 г. был назначен личным секретарем патриарха Александра III (Тахана)¹². После назначения на должность настоятеля подворья он приступил к изучению русского и церковно-славянского языков, а затем поступил Московскую Духовную Академию, которую закончил в 1953 г. со степенью кандидата богословия. Найдя широкую поддержку в лице советской власти, молодой и деятельный церковный дипломат вскоре устроил жизнь подворья должным образом¹³.

Так, в 1949–1950 гг. была произведена реставрация храмов подворья. Главным образом, труды реставраторов были направлены на восстановление Меньшиковой башни, которая в 1941 г. была повреждена вражескими самолетами. Восстановительные работы велись на основе особого макета их старых деталей. Работу курировали специалисты Отдела Государственной Охраны памятников архитектуры г. Москвы¹⁴.

С открытием подворья возобновилась важная традиция в деле церковной дипломатии — обмен визитами глав и делегаций Антиохийской и Русской Церквей. Встречи высшей иерархии двух братских Церквей способствовали укреплению отношений и оказывали значительное влияние на решение важных вопросов мировой политики.

По благословию Московского патриарха Алексия I в конце июня — начале июля 1950 г. была совершена поездка в Дамаск делегации Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) и в сопровождении архиепископа Ермогена (Кожина) и Управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Николая (Колчицкого)¹⁵.

Архимандрит Василий (Самаха) принимал активное участие во встрече гостей на сирийской земле. Впечатляет тот факт, что глава Антиохийской Православной Церкви — патриарх Александр III, в свои 82 года, не просто принял делегацию, как это положено в рамках официальных визитов, но лично сопровождал гостей в Седнайский монастырь к чтимой Седнайской иконе Божией Матери и молился за совместным богослужением 2 июля в кафедральном соборе Дамаска, на котором председательствовал митрополит Григорий (Чуков). В богослужении участвовал и архимандрит Василий. В ходе визита, митрополит Григорий вручил патриарху Александру докторский крест с дипломом доктора богословия *honoris causa* и диплом почетного члена Московской Духовной Академии и произнес слово, в котором выразил надежду на скорое наступление мира в регионе¹⁶.

В марте 1951 г. патриарх Алексий I получил письмо от главы Антиохийской Церкви, в котором Патриарх Александр сообщал о своем желании встретиться с Московским Патриархом и провести отпуск на юге СССР. Однако, до этого Предстоятель Антиохийской Церкви планировал отдыхать в Бразилии. Более того, по информации миссии СССР в Ливане он подвергался обработке со стороны англичан и американцев, а также получил приглашение от богатых арабов, которые обещали ему финансовую поддержку.

Благодаря мерам, которые были приняты миссией СССР в Ливане Александр III отказался от поездки в Бразилию. 20 июля 1951 г. он прибыл в Москву в сопровождении митрополита Александра (Джиха) и келейника Дмитрия Баша, а 24 июля отправился в Одессу, где отдыхал на даче Московской Патриархии вплоть до 22 августа.

¹¹ Алексеев А. Антиохийское Патриаршее подворье в Москве... С. 64.

¹² Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 743.

¹³ Алексеев А. Антиохийское Патриаршее подворье в Москве... С. 64.

¹⁴ Харламов П. Антиохийское подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 1. С. 25–26.

¹⁵ Панченко К. А. Александр III // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 505.

¹⁶ Гермоген (Кожин), архиеп. Миссия дружбы // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 9. С. 43–45.

Стоит отметить, что изначально, прибытие в Москву глав Антиохийской, Грузинской, Болгарской и Румынской Церквей был приурочен к престольным торжествам Троице-Сергиевой лавры дню памяти прп. Сергия Радонежского — 18 июля. 23 июля 1951 г. главы прибывших в Москву Церквей совместно подписали текст «Обращения к христианам всего мира»¹⁷.

Несмотря на значительную финансовую поддержку со стороны Москвы, Патриарх Александр все же пытался вести двойную игру, обсуждая возможное сотрудничество с Константинопольским патриархом. В июле 1951 г. Г. Г. Карпов составил докладную записку на имя И. В. Сталина, Г. М. Маленкова и В. М. Молотова, в которой сообщил, что в 1950 г. патриарх Александр получил из СССР 20 тыс. долларов. В 1951 г. патриарх Алексей планировал снять со своего счета некоторую денежную сумму и передать ее Антиохийскому патриарху, однако Совет по делам Русской Православной Церкви в интересах государства принял решение передать деньги позднее, когда прояснится позиция, которую займет патриарх Александр III в отношении Русской Церкви после поездки в Грецию¹⁸.

Важной заботой Антиохийского Первосвященителя была постройка храма в Новой части Дамаска. 7 марта 1952 г. в ходе беседы с заместителем Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшевым архимандрит Василий сообщил, что он передал поручение патриарха Александра патриарху Алексию об оказании помощи на строительство нового храма. В Новый Дамаск из старой части города переселилось около 200 семей православных христиан, но ввиду отсутствия там храма, религиозные нужды этих людей обслуживало католическое духовенство, что справедливо тревожило главу Антиохийской Церкви.

По мнению архимандрита Василия (Самахи) на строительство храма необходимо было выделить около 100 тыс. долларов. Однако сумма была нужна не сразу, ее можно было получить частями. Также архимандрит Василий сообщил, что его посетил поверенный в делах греческого посольства и спрашивал верно ли, что патриарх Александр получил 20 тыс. долларов от Московского Патриарха, на что архимандрит Василий ответил, что деньги получены не были, но что патриарх Алексей обещал выделить такую сумму Антиохийской Церкви¹⁹.

Очевидно, что Совет по делам Русской Православной Церкви питал большой интерес к патриарху Александру, поскольку он был единственным из восточных патриархов, с помощью которого можно было бороться с кознями американцев и англичан, а также пытаться использовать восточных патриархов в собственных интересах. В октябре 1952 г. патриарх Александр отказался от новой поездки в СССР, однако направил вместо себя антиохийскую делегацию, которая посетила Советский Союз в мае-июне 1953 г.²⁰ Делегация прибыла в СССР в составе трех митрополитов: Хауранского Афанасия, Епифанийского Игнатия и Эмесского Александра²¹. 21 мая представители Антиохийского Патриархата приняли участие в совершении Всенощного бдения на подворье Антиохийской Церкви в Москве²².

Из отчета о работе Иностранного отдела в Совете по делам Русской Православной Церкви известно, что этот визит был отмечен как наиболее важное мероприятие для укрепления взаимоотношений между Русской и Антиохийской Церквями. Помимо Москвы, члены делегации посетили Ленинград, Киев и Одессу, познакомились с церковной жизнью в СССР, работой духовных учебных заведений, культурой и кинематографом, а также хозяйственной жизнью страны²³.

¹⁷ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 578–582.

¹⁸ Там же. С. 591–592.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 984. Л. 6.

²⁰ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 643–644.

²¹ Там же. С. 702.

²² Посланные Великой Апостольской Церкви. (К пребыванию в СССР делегации Антиохийской Православной Церкви) // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 6. С. 13.

²³ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 701–703.

8 ноября 1952 г. патриарх Алексей был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Высокая награда была присвоена ему за выдающуюся патриотическую деятельность в годы Великой Отечественной войны, а также в связи с 75-летием. Архимандрит Василий передал поздравление Московскому патриарху от имени Антиохийского патриарха Александра III по случаю получения высокой государственной награды²⁴.

Со смертью И. В. Сталина в марте 1953 г. разгорелась борьба за высшую власть в государстве внутри руководства коммунистической партии. В этих условиях, международная деятельность отошла на второй план. В 1953–1954 гг. внешняя деятельность Русской Церкви проводилась в рамках предварительно намеченных планов. По мнению Совета по делам Русской Православной Церкви, наиболее важными были контакты с Антиохийским Патриархатом²⁵.

В это сложное время, когда в Советском Союзе велась борьба за власть, архимандрит Василий продолжал свои труды по укреплению отношений между Русской и Антиохийской Церквями, и кроме того, даже защищал на международной арене авторитет СССР и Русской Православной Церкви.

В своем письме от 23 июня 1953 г. Карпов сообщил советскому дипломату В. А. Зорину, что 12 июня 1953 г. состоялась встреча архимандрит Василия (Самахи) с главой Отдела внешних церковных сношений митрополитом Николаем (Ярушевичем). В ходе беседы, о. Василий рассказал владыке Николаю о своей встрече с поверенным в делах греческого посольства, который имел поручение от греческого правительства узнать мнение настоятеля подворья Антиохийского Патриархата о том, существуют ли в Москве монастыри и не препятствует ли правительство СССР поступать в монастыри молодым людям. Архимандрит Василий ответил греческому поверенному, что сам в течение долгого времени проживает в стенах Троице-Сергиевой лавры, где много молодых монахов. Также, о. Василий сказал о том, что он знает о поступлении новых монахов в Киево-Печерскую лавру, Одесский монастырь и другие, и что монастырей на территории СССР немало²⁶.

Традиция обмена визитами продолжалась. В июле 1954 г. делегация Московского Патриархата совершила поездку в Ливан для участия в торжествах по случаю пятидесятилетия служения Антиохийского патриарха Александра в архиерейском сане. Делегацию возглавил архиепископ Белорусский и Минский Питирим (Свиридов). В аэропорту гостей встречали митрополиты Ливанский Илия (Карам) и Хомский Александр (Жиха), а также приехавший несколько ранее настоятель подворья в Москве архимандрит Василий. В ходе поездки

Митрополит Гор Ливанских
Илия (Карам)

²⁴ Приветствия Святейшему Патриарху Алексею в связи с 75-летием и получением им Правительственной награды: от настоятеля Антиохийского подворья в Москве архимандрита Василия // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 11. С. 12.

²⁵ Чумаченко Т. А. Совет по делам РПЦ и Московская Патриархия в решении внутривосточных задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 107.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1105. Л. 138.

представители Русской Церкви провели встречи с президентом Сирийской республики — Хашимом аль Атасси и Антиохийским патриархом Александром III²⁷.

Однако к этому времени, несмотря на тесные отношения Антиохийского Патриархата и Русской Православной Церкви, нарастала так называемая американская угроза, которая заключалась в том, что Антиохийский патриарх, получая крупные суммы из Америки, мог поменять курс с СССР на США и с Русской Церкви на Константинопольский Патриархат.

7 августа 1954 г. архимандрит Василий (Самаха) в беседе с посланником СССР в Ливане делился мнением, что власти Ливана считали его неблагонадежным, что на особом счету числится у них он, митрополит Илия (Карам) и Антиохийский патриарх Александр III, которых ливанские власти считали «красными». На особом счету указанные иерархи были и у американских властей, которые путем финансовых подачек пытались влиять на главу Антиохийской Церкви.

Так, по рассказу о. Василия в 1954 г. прибыл на Ближний Восток американский митрополит Антоний, который привез с собой 40 тыс. американских долларов и хотел передать эти средства на строительство здания Антиохийской Патриархии. Тогда патриарх Александр согласился с этим предложением, но, когда об этом стало известно архимандриту Василию, то он, по его словам, напомнил Антиохийскому патриарху, что всем известно о том, что Патриарх уже начал строительство нового здания для патриархии и что верующие считают это его заслугой.

По мнению архимандрита Василия, могла возникнуть опасность того, что если патриарх берет деньги американского митрополита, то строительство патриархии народ будет считать только заслугой американцев. Этот аргумент подействовал на Предстоятеля Антиохийской Церкви, однако, он все же не отказался от американских денег, но решил, что использует их на другие цели. Говоря об этом, о. Василий сделал выводы, что «Патриарх стал менее устойчив, что он легко поддается обработке, и чтобы держать его на правильном пути, с ним нужно обращаться поостроже». При этом о. Василий отметил, что глава Антиохийской Церкви старался не вызывать своим поведением претензий патриарха Алексия, и что он очень беспокоится, когда чувствует, что патриарх Алексий испытывает недовольство по поводу его действий²⁸.

Антиохийский патриарх Александр продолжил курс на тесное сотрудничество с Русской Православной Церковью. С 17 августа по 12 сентября 1954 г. состоялась его очередная поездка в Москву. Вместе с главой Антиохийского Патриархата в СССР прибыли митрополиты Триполийский Феодосий (Абурджели), Захлесский и Баальбекский Нифон (Саба) и Гор Ливанских Илия (Карам). В ходе визита высокие гости посетили Москву, Ленинград, Киев и Одессу²⁹, а также приняли участие в праздновании векового юбилея подворья Антиохийского Патриархата в Москве³⁰. По мнению Совета по делам Русской Православной Церкви, визит восточных гостей способствовал повышению авторитета Московского Патриархата на Ближнем и Среднем Востоке и разрушению ложных представлений о жизни в СССР³¹.

В письме от 6 сентября 1954 г. патриарх Алексий сообщил Г. Г. Карпову, что глава Антиохийской Церкви в ходе визита проявлял симпатию и преданность Русской Церкви, однако, перед отъездом его смущали корреспонденты разговорами о гонениях на религию и верующих в СССР. Речь идет об опубликованной 24 июля 1954 г. в газете «Правда» статье под названием «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду». Антиохийский патриарх сообщил патриарху Алексию, что в ходе посещения СССР убедился, что дело обстоит иначе, чем его рисуют враги Советского

²⁷ Талызин В. На юбилейных торжествах // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 9. С. 66–69.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1216. Л. 198–199.

²⁹ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1953–1970 гг. Т. 2. М., 2010. С. 72–73.

³⁰ Братское посещение // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 10. С. 10.

³¹ Письма патриарха Алексия I... Т. 2. С. 72–73.

Союза, а также, что по возвращении он будет писать и говорить об этом³².

Весьма любопытны события, которые определили хиротонию Василия (Самахи) во епископа. С самого начала пребывания в СССР он добивался рукоположения в епископский сан. Однако Московская Патриархия не желала, чтобы во главе подворья находился епископ. Более того, во время визита делегации Антиохийского Патриархата в СССР Московский и Антиохийский патриархи договорились, что архимандрит Василий не будет посвящен в епископский сан. В нарушение договоренностей, 13 февраля 1955 г. Антиохийский патриарх Александр телеграфировал в Москву о уже случившемся рукоположении Василия (Самахи) во епископа. Патриарх Алексей справедливо счел это жульничеством. Приветствуя нового епископа, он просил прислать на московское подворье нового настоятеля. Только после беседы с Г. Г. Карповым патриарх Алексей дал временное согласие на пребывание епископа Василия в должности настоятеля подворья³³.

Показательна и ситуация с так называемым меморандумом, который передал находившийся в 1956 г. в Москве митрополит Илия (Салиби) митрополиту Николаю (Ярушевичу). Владыка Илия просил оказать финансовую помощь Антиохийскому Патриархату в размере 300 тыс. долларов в год. Совет по делам Русской Православной Церкви запросил мнение посольства СССР в Сирии о разумности выделения такой крупной суммы. В результате оказалось, что в большинстве случаев деньги присваивались патриархом и митрополитами³⁴.

Известно, что в годы настоятельства на подворье, епископ Василий принимал участие и в обсуждении вопросов, связанных с открытием представительства Московского патриарха при патриархе Антиохийском. Так 23 марта 1956 г. он обратился к патриарху Алексию I с письмом, в котором он выразил свои идеи по поводу учреждения представительства. К 1956 г. число русскоязычных прихожан увеличилось до 25 человек, однако, по мнению владыка Василия, назначение священника для такого незначительного количества прихожан было бы непрактично. Он считал, что следовало назначить официального представителя, но не в Бейрут, где с 1946 г. существовало подворье, а в Дамаск, который был культурным и административным центром, так как там располагалась резиденция Антиохийского патриарха и проходили заседания Священного Синода. Информация была передана в Министерство иностранных дел СССР заместителю министра В. С. Семенову³⁵.

Мнение епископа Василия об открытии представительства в Дамаске было учтено. Однако, предложение настоятеля подворья Антиохийского Патриархата назначить в качестве представителя Московского Патриарха при патриархе Антиохийском иеромонахе Леониде (Полякова) — образованного, молодого и энергичного священника, было отвергнуто Г. Г. Карповым. По мнению Карпова, иеромонах Леонид по своим компетенциям на эту должность не подходил. В результате только спустя два года, в 1958 г. было открыто представительство в Дамаске. Представителем патриарха

Г. Г. Карпов

³² Там же. С. 78–80.

³³ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1324. Л. 16–17.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 38.

³⁵ Новоторцева А. М. Условия и начало Ближневосточного периода служения митрополита Иоанна (Вендланда) в качестве представителя Русской Православной Церкви при Патриархе Антиохийском // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 3. С. 5.

Московского при Патриархе Антиохийском был назначен архимандрит Иоанн (Вендланд), который не имел рвения к заграничному служению, но по уровню своего образования вполне соответствовал для занятия внешней церковной деятельностью³⁶.

10 октября 1957 г. Антиохийский патриарх Александр прибыл в Москву с очередным визитом и до 3 ноября был на отдыхе в Сочи. Перед отъездом на Родину он побывал на приеме в Кремле и у Московского патриарха³⁷. В мае 1958 г. патриарх Великой Антиохии принял участие в торжествах по случаю 40-летия восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви³⁸. Вскоре после возвращения в Дамаск патриарх Александр скончался³⁹.

К концу 50-х гг. XX в. руководство советского государства было недовольно результатами участия Русской Церкви во внешней политике, а также руководством международной деятельностью Церкви со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви. По итогам встречи глав Православных Церквей по случаю 40-летия возобновления патриаршества в Русской Церкви в мае 1958 г., только Московская Патриархия одобрила участие в экуменической деятельности и сотрудничество с Всемирным Советом Церквей. Впоследствии, возобладала линия власти, которая привела к новому витку гонений на духовенство и мирян⁴⁰.

В феврале 1959 г. проходили торжества по случаю 110-летия со дня основания подворья Антиохийского Патриархата в Москве. Патриарх Алексий I молился с епископом Василием (Самахой) о развитии братских отношений Русской и Антиохийской Церквей. За особый вклад в церковную и общественную деятельность по сближению позиций патриархатов епископ Василий был отмечен церковным знаком равноапостольного князя Владимира⁴¹.

В июле 1959 г. Москву посетил новоизбранный Предстоятель Антиохийской Церкви патриарх Феодосий VI. В ходе визита он был принят Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым. В ходе встречи было достигнуто соглашение что делегации Русской и Антиохийской Церкви не будут участвовать в предстоящем католическом Вселенском Соборе. Для этой же цели в ноябре-декабре 1960 г. делегация Московского Патриархата во главе с патриархом Алексием I совершила поездку в страны Ближнего Востока. Однако в связи с решением хрущевского руководства Русская Церковь направила наблюдателей на собор в Ватикане, что привело к снижению авторитета Русской Православной Церкви среди Православных Церквей⁴². Церковь представлялась советской власти в качестве инструмента во внешней политике. Именно с этим была связана такая позиция советского руководства. Положение дел изменилось только в связи с отставкой Н. С. Хрущева в 1964 г.

Служение епископа Василия в качестве настоятеля подворья Антиохийского Патриархата в Москве подходило к концу. Его ждало возвращение на Родину и многолетнее служение в пределах Антиохийского Патриархата. В марте 1962 г. владыка Василий был избран на митрополичью кафедру Хауранской епархии в Сирии. Вскоре он был переведен на кафедру Востронскую и Гор Арабских. После возвращения в Сирию неоднократно посещал Москву, был награжден высшими наградами Русской Православной Церкви. В 1999 г. ушел на покой и вскоре скончался⁴³.

³⁶ Там же. С. 7–9.

³⁷ Письма патриарха Алексия I... Т. 2. С. 192–193.

³⁸ Чумаченко Т. А. Совет по делам РПЦ и Московская Патриархия... С. 112.

³⁹ Панченко К. А. Александр III // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 505.

⁴⁰ Чумаченко Т. А. Совет по делам РПЦ и Московская Патриархия... С. 123.

⁴¹ К 110-летию Антиохийского подворья в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 3. С. 7.

⁴² Чумаченко Т. А. Отношения Московской Патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. С. 119–120.

⁴³ Агеев Д., свящ. Архив протоиерея Алексия Остапова: публикация избранных документов // Церковный историк. 2021. № 1 (5). С. 131.

Епископ Василий (Самаха), будучи настоятелем подворья Антиохийского Патриархата в Москве в 1948–1962 гг., зарекомендовал себя в качестве деятельного и талантливого церковного дипломата. После назначения на должность, он активно изучал русский и церковно-славянский языки, завершив получение образования окончанием Московской Духовной Академии в 1953 г. со степенью кандидата богословия. Молодой и энергичный представитель Антиохийского Патриарха получил мощную поддержку со стороны советского государства, что, безусловно, способствовало успеху его служения. По окончании в 1950 г. реставрации храмов подворья, епископ Василий активно занялся восстановлением прерванной традиции обмена визитами глав и делегаций Русской и Антиохийской Православных Церквей. Настоятель новообразованного подворья сам активно участвовал во всех ключевых контактах между двумя братскими Церквями. За время своего служения епископ Василий внес большой вклад в развитие взаимоотношений Русской Православной Церкви и Антиохийского Патриархата. Епископу Василию приходилось балансировать между интересами и позициями двух патриархов, а также правительств СССР, Сирии и Ливана, и он делал это умело.

Источники и литература

1. Агеев Д., *свящ.* Архив протоиерея Алексея Остапова: публикация избранных документов // Церковный историк. 2021. № 1 (5). С. 118–273.
2. Алексеев А. Антиохийское Патриаршее подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 6. С. 58–65.
3. Алексий (Абдель-Керим), *архим.* Антиохийское Патриаршее подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1965. № 3. С. 56–62.
4. Братское посещение // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 10. С. 10–13.
5. Василий (Самаха), *архим.* Антиохийский Патриархат и его взаимоотношения с Русской Православной Церковью // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 5. С. 54–69.
6. Гермоген (Кожин), *архиеп.* Миссия дружбы // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 9. С. 43–45.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 66. Материалы по Антиохийской Патриархии.
8. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 984. Материалы по Антиохийской Патриархии.
9. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1105. Переписка МИД СССР по вопросам заграничной деятельности церкви по Ближнему и Среднему Востоку.
10. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1216. Переписка с МИД по внешним связям Московской Патриархии с Православной Церковью в странах Ближнего и Среднего Востока.
11. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1324. Переписка с МИД по внешним связям Московской Патриархии с Православной Церковью в странах Ближнего и Среднего Востока. Т. I.
12. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1333. Докладные записки Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Т. III.
13. ГАРФ. Ф. Р.-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 58–59 об. Письма Патриарха Алексея в Совет по делам РПЦ.
14. Джабер Аби Джабер. Илия (Карам), митрополит Гор Ливанских // Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 283–284.
15. К 110-летию Антиохийского подворья в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 3. С. 7.
16. Новоторцева А. М. Условия и начало Ближневосточного периода служения митрополита Иоанна (Вендланда) в качестве представителя Русской Православной Церкви при патриархе Антиохийском // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 3. С. 4–14.

17. *Панченко К. А.* Александр III // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 700.
18. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1953 гг. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 847 с.
19. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1953–1970 гг. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 671 с.
20. Посланники Великой Апостольской Церкви. (К пребыванию в СССР делегации Антиохийской Православной Церкви) // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 6. С. 11–26.
21. Приветствия Святейшему Патриарху Алексию в связи с 75-летием и получением им Правительственной награды: от настоятеля Антиохийского подворья в Москве архимандрита Василия // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 11. С. 12.
22. *Пятнов П. В.* Меншикова башня — «сестра Ивана Великого» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 98–102.
23. *Талызин В.* На юбилейных торжествах // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 9. С. 66–69.
24. *Харламов П.* Антиохийское подворье в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 1. С. 25–26.
25. *Чумаченко Т. А.* Отношения Московской Патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. С. 117–122.
26. *Чумаченко Т. А.* Совет по делам РПЦ и Московская Патриархия в решении внутривнутриполитических задач хрущевского руководства: 1953–1958 гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 107–123.
27. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 480 с.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Ю. Е. Кондаков

Секта А. П. Дубовицкого

УДК 94(470+571)+271.2-79-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_45
EDN CTCZTF

Аннотация: Деятельность секты подполковника А. П. Дубовицкого не была исследована и не получила подробного освещения в исторической литературе. Это была одна из сект, порожденная политикой главы духовной сферы России князя А. Н. Голицына. В XXI в. в научный оборот введены новые материалы, позволяющие оценить место секты Дубовицкого в ряду религиозных объединений того времени. Дубовицкий был участником масонского движения, его наставники принадлежали к группе розенкрейцеров. Родственные связи были у Дубовицкого с членами Авиньонского общества. В разное время члены Общества оказывали ему поддержку. Основой учения секты Дубовицкого стала идеология Библейского общества. Документы Комитета министров показывают, что расследование секты Дубовицкого имела большое значение для контрреформ 1824 г. А. А. Аракчеев хотел использовать секту, куда входили военные, для нанесения удара по своему сопернику А. Н. Голицыну. Дело должно было быть передано для расследования в Комитет общей безопасности, расследовавшей в 1807 г. деятельность Авиньонского общества. Комитет мог расследовать и дело пастора И. Госснера, ставшее основой интриги весны 1824 г. Александр I смог защитить своего друга А. Н. Голицына и прекратил расследования дела секты Дубовицкого. По распоряжению императора дело было передано духовным властям, а Дубовицкий заключен в монастырь. Деятельности сект, порожденных пропагандой Библейского общества, консерваторам не удалось придать политического значения.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, император, Святейший Синод, Комитет министров, Министерство духовных дел и народного просвещения, Библейское общество, Комитет общей безопасности, Авиньонское общество, секта, скопцы, хлысты.

Об авторе: **Юрий Евгеньевич Кондаков**

Доктор исторических наук, доцент, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: urakon@rambler.ru

Для цитирования: Кондаков Ю. Е. Секта А. П. Дубовицкого // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 45–54.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Yuri E. Kondakov

A. P. Dubovitsky's Sect

UDC 94(470+571)+271.2-79-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_45
EDN CTCZTF

Abstract: Activities of the sect of Lieutenant Colonel A. P. Dubovitsky was not investigated and did not receive detailed coverage in historical literature. This was one of the sects generated by the policy of the head of the spiritual sphere of Russia, Prince A. N. Golitsyn. In the 21st century New materials have been introduced into scientific circulation that make it possible to assess the place of Dubovitsky's sect among the religious associations of that time. Dubovitsky was a participant in the Masonic movement, his mentors belonged to the Rosicrucian group. Dubovitsky had family ties with members of the Avignon Society. At various times, members of the Society provided him with support. The basis of the teachings of Dubovitsky's sect was the ideology of the Bible Society. Documents of the Committee of Ministers show that the investigation into the Dubovitsky sect was of great importance for the counter-reforms of 1824. A. A. Arakcheev wanted to use the sect, which included the military, to strike at his rival A. N. Golitsyn. The case was to be referred for investigation to the Committee of General Security, which investigated the activities of the Avignon Society in 1807. The committee could also investigate the case of Pastor I. Gossner, which became the basis of the intrigue in the spring of 1824. Alexander I was able to protect his friend A. N. Golitsyn and stopped investigating the Dubovitsky sect. By order of the emperor, the case was transferred to the spiritual authorities, and Dubovitsky was imprisoned in a monastery. Conservatives failed to attach political significance to the activities of the sects generated by the propaganda of the Bible Society.

Keywords: Russian Orthodox Church, Emperor, Holy Synod, Committee of Ministers, Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, Bible Society, Committee of General Security, Avignon Society, sect, eunuchs, Khlysty.

About the author: **Yuri Evgen'yevich Kondakov**

Russian State Pedagogical University A. I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: urakon@rambler.ru

For citation: Kondakov Y. E. A. P. Dubovitsky's Sect. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 45–54.

* Photos are taken from open sources.

Александр Петрович Дубовицкий (1782–1848) подполковник, помещик, за свою религиозную деятельность в 1824 и 1833 гг. отбывал заключение в монастырях. Обращение к биографии Дубовицкого поможет дополнить информацию о сектах первой половины XIX в. и борьбе с ними. В действительности таких религиозных объединений, куда бы входили представители дворянства и духовенства было очень немного. Знаем мы о них благодаря перевороту в духовно-религиозной жизни России 1824 г., когда часть сектантов подверглась репрессиям. Власти обратили внимание на деятельность обществ В. Ю. Крюденер и Е. Ф. Татариновой, был выслан пастор И. Е. Госснер, а некоторые его последователи отданы под суд. Были заключены в монастыри руководители отдельных групп: Дубовицкий, есаул Е. Н. Котельников и священник Феодосий Левицкий. Религиозное общество А. Н. Голицына император взял под защиту и расследование по его поводу провести не удалось.

А. П. Дубовицкий

Дореволюционные исследователи связывали переворот 1824 г. и «аракчеевщину» со слабостью Александра I и его желанием отойти от дел. В контексте современных исследований более вероятно, что перед предстоящей войной с Турцией император постарался консолидировать общество и на время избавиться от тех, кого считали «иностранными агентами». С этим было связано запрещение масонских лож и тайных обществ 1822 г., высылки из С.-Петербурга и заключение в монастыри руководителей сектантов. Репрессии должны были носить временный и умеренный характер. После войны религиозные узники были бы освобождены, но все изменила смерть Александра I.

Дубовицкому посвящены только два исследования конца XIX в. В. И. Жмакина и Н. Ф. Дубровина (переиздана в виде книги в 2009 г.)¹. Обе статьи были скорее собранием материалов, авторы не давали ссылки на источники своей информации и воздерживались от оценок. По сведениям этих исследователей в 1809 г. Дубовицкий уволился от службы, в 1821 г. смерть жены заставляет его поменять образ жизни, посвятив ее религиозным вопросам. Дубовицкий знакомится с сектой Е. Ф. Татариновой, в 1822 г. из государственных крестьян двух сел Рязанской губернии он создает религиозное общество. В 1823 г. на него поступают доносы духовных и светских властей, в начале 1824 г. начинается следствие. По указу императора Дубовицкого заключают в монастырь, свою вину он отрицает. Сохранился отчет о поведении Дубовицкого от июля 1824 г. настоятеля монастыря архимандрита Гедеона. Он доносил митрополиту Серафиму (Глаголевскому), что Дубовицкий присутствует на каждой службе, еженедельно причащается, единственное его занятие состоит в чтении Св. Писания и Св. Отцов. «Образ его мыслей согласен с учением православной церкви, а в поступках его замечается повиновение, кротость и пламенное желание подражать святым отшельникам в умерщвлении плоти и в занятии внутренней молитвой»². В 1826 г. Дубовицкого выпускают на свободу, но он остается под наблюдением. Он вновь собирает религиозное общество

¹ Жмакин В. И. Подполковник А. П. Дубовицкий и его жизнь по монастырям (1824–1842) // Русский архив. 1894. Кн. II. № 7. С. 175–208; Дубовин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 33–64; № 11. С. 3–43; № 12. С. 51–93; 1896. Т. 85. № 1. С. 5–51; № 2. С. 225–263.

² Дубовин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 519.

и в 1833 г. заключается в монастырь, где пробыл до 1842 г. Отданный сыну на поруки, последние годы жизни он провел в своем имении.

В литературном произведении «На горах» (1881 г.) П. И. Мельников-Печерский изобразил семью Дубовицкого под именем Луповицких. Автор считал, что они разделяли взгляды хлыстов и скопцов и в своем доме собирали разновидность скопческого корабля. Подобное мнение базировалось на воспоминаниях современников. Дело в том, что учение сект Е. Ф. Татариновой и Дубовицкого во время следствия рассмотрению не подвергалось, и вердикт о его особенностях и принадлежности вынесен не был. По аналогии эти секты считались разновидностью учения хлыстов и скопцов, со схожими практиками и особыми духовными песнями. Дубовицкого обвиняли даже в том, что при его участии проводились оскпления. Якобы с этой целью он обучил своих дочерей акушерскому искусству, а сына отдал в Медико-хирургическую академию. Все эти обвинения были безосновательны. Можно согласиться только с тем, что в некоторых мистических практиках народных сект, Татаринова и Дубовицкий видели знакомые черты учения их собственных обществ.

Сегодня сведений по биографии Дубовицкого собрано гораздо больше. Он провел детство в поместье Рязанской губернии, потом имение перешло к его матери и после 1815 г. он бывал там редко. В 16 лет Дубовицкий был зачислен в Преображенский полк. В течение карьеры он поменял много мест службы, но в отставку в звании подполковника вышел по Преображенскому полку. В 1809 г. он впал в немилость у императора за злоупотребления комиссионеров при перевозке государственной казны, за которую отвечал Дубовицкий. Больше добиться возвращения на службу он не смог, лишь в 1817 г. было приказано считать его уволенным по собственному желанию. По сведениям А. И. Серкова Дубовицкий «находился под покровительством А. А. и М. А. Ленивцевых». В 1806 г. по рекомендации П. С. Лихонина (?–1826) Дубовицкий вступил в московскую масонскую ложу «Нептун». В 1812 г. его посвящают в степень мастера³. В 1814 и 1816 гг. Дубовицкий посещал ложу «Умиряющего сфинкса» в С.-Петербурге⁴. Все эти контакты были связаны с масонами «Розенкрейцерской» системы, которым был свойственен крайний мистицизм.

Наиболее устойчивые и важные связи у Дубовицкого установились с членами «Авиньенского общества». Из россиян первым вошел в Общество адмирал С. И. Плещеев (1752–1802) в Авиньоне в 1788 г. Одними из первых, вступивших в Общество С.-Петербурга, стали братья Ленивцевы, наставники Дубовицкого. Вступил в Общество вместе со своими родственниками воспитанник Плещеева (его предполагаемый внебрачный сын) А. А. Волков (1779–1833). Дочь Волкова была женой П. И. Озерова (1776–1843), вся семья которого так же вошла в Общество. В 1806 г. Дубовицкий женился на сестре Озерова Марии Ивановне. Видимо не случайно, второй женой в 1830 г. Дубовицкого стала сестра Лихонина, как и А. А. Ленивцев (?–1818), входившего в петербургскую секцию Ордена золотого и розового креста. Ложа «Умиряющего сфинкса», которую посещал Дубовицкий, была одновременно связана с розенкрейцерами и «Авиньенским обществом». Дубовицкий мог стать членом Общества в 1807 г., от которого списка принятых лиц не сохранилось. В дальнейшем члены «Авиньенского общества» поддерживали Дубовицкого. Он переписывался с Р. А. Кошелевым (1749–1827) и А. Н. Голицыным (1773–1844), в период гонений ему оказывали помощь полицмейстер Москвы А. А. Волков и сенатор П. И. Озеров. У Дубовицкого имелась большая библиотека «мистической» и масонской литературы из 200 томов, частично сохранившаяся в Государственном архиве Рязанской области⁵. Розенкрейцеры хранили память о Дубовицком. В дневнике В. С. Арсеньева 18 декабря 1856 г. есть упоминания о разговоре о «Веригах Дубовицкого»⁶. Таким образом у Дубовицкого была богатая база для формирования не ортодоксальных религиозных взглядов.

³ Серков А. И. Энциклопедический словарь. Русское масонство. М., 2000. С. 1030.

⁴ Там же. С. 1107.

⁵ Серков А. И. История русского масонства XIX века. М. 2000. С. 20–21.

⁶ Арсеньев В. С. Воспоминания и дневник. СПб., 2005. С. 301.

Авиньонское общество имело ключевое влияние на духовно-религиозную политику России второго десятилетия XIX в. Это объясняется тем, что члены Общества А. Н. Голицын и Р. А. Кошелев вовлекли в свой круг Александра I. Общество образовалось в Берлине в 1779 г. Несмотря на то, что четверо из пятерых его основателей были масонами, Общество не имело отношения к масонскому движению. На разных этапах структура и учения Общества менялись, но всегда основным его направлением являлась теургия. В 1805–1806 гг. в С.-Петербурге был выпущен манифест Общества. В нем указывалось, что задача Общества состоит в подготовке ко Второму Пришествию. Избранные члены Общества имеют «корреспонденцию с Небом, которая состоит в слове или голове ясном и понятном... и в видениях и откровениях пророческих, причем не только ангелы и святые..., но и сам Господь иногда является и говорит с ними»⁷. Во время деятельности в Германии и Франции в Обществе были пророки, которые получали послания от «Неба» — «оракулы». Для этого был разработан специальный каббалистический метод. Каждому члену Общества присваивалось в виде имени трехзначное число. Первую цифру выбирал сам посвящаемый, вторая соответствовала его ангелу, третью определял Бог. После проведения обряда посвящения, новый член Общества мог задавать вопросы «Небу». Текст переводился в цифры, затем после определенных манипуляций ответы в виде цифр опять переводились в текст. Иногда это было несколько страниц пространных рекомендаций. В первый период существования Общества вопросы задавались по поводу алхимии. Но алхимические эксперименты потерпели неудачу и Общество перешло к другой организации. После этого, чаще всего, вопросы имели личный характер.

Был разработан очень сложный обряд посвящения в Общество. Подготовка занимала 40 дней поста и молитв. Посвящение проводилось на вершине горы, при помощи магических кругов. Управлял Обществом «совет семи», куда входили «король», «канцлер», «великая мать» и «пророки». В период Великой французской революции в Обществе было введено три степени посвящения и открыт храм, где проводились обряды. На всех этапах деятельности Общества одним из его руководителей был польский дворянин Т. Лещиц-Грабянка (1740–1807). Находясь в Авиньоне Общество установило связи с Германией, Англией, Польшей, Римом, Россией. Им интересовались венценосные особы и лидеры масонского и эзотерических движений. Хотя в Общество был посвящен С. И. Плещеев, но привлечь в его ряды наследника российского престола Павла Петровича не удалось.

В начале XIX в. оставшиеся лидеры Авиньонского общества начали перебираться в Россию. Первой в С.-Петербург переехала «Великая Мать» общества Лемер Де Атеньи (Дотиньи), она поселилась в доме жены умершего С. И. Плещеева Н. Ф. Плещеевой (1768–1855), а затем поступила на службу к любовнице Александра I М. А. Нарышкиной. Затем в С.-Петербург приехал канцлер общества Лефорт (Ле Форт), он стал воспитателем детей Плещеевой. В августе 1805 г. в С.-Петербург прибыл и сам Грабянка⁸. За два года возрожденное Общество расширилось до 60 человек⁹. Дворяне вступали в Общество целыми семьями, туда вошли масоны из ложи «Умирающего сфинкса» во главе с А. Ф. Лабзиным (1866–1825). Такая активность Общества привлекла внимание властей, недовольны ей были и масоны, опасавшиеся конкуренции. В 1807 г. для расследования деятельности Общества было возбуждено дело в только что основанном Комитете для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия (Комитет общей безопасности). Грабянка был арестован и умер во время следствия в Петропавловской крепости, с его ближайших сотрудников были взяты объяснения. Допросы русских членов общества

⁷ Пытин А. Н. Масонство в России. М., 1997. С. 328.

⁸ Кондаков Ю. Е. Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX вв. М., 2018. С. 135.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1163. Оп. 1. Д. 16 (в). Дело о графе Грабянке, секретаре Симонине и о слуге Леймане. Список «Общества Грабянки» 1805–1806. Л. 408.

не проводились. Во время следствия Грабянке предъявлялись обвинения в том, что его Общество вынашивало политические планы, а он претендовал на польскую корону. Об опасности тайных обществ мартинистов и иллюминатов императору сообщил создатель Комитета общей безопасности Н. Н. Новосильцев.

Несмотря на смерть лидера и преследования, Общество не прекратило своего существования. Собрания узкого круга последователей проходили в доме Н. Ф. Плещеевой, при участии А. А. Ленивцева и Р. А. Кошелева. Вскоре к ним присоединился и друг императора, обер-прокурор Св. Синода А. Н. Голицын¹⁰. Верность своему увлечению Авиньонским обществом Голицын сохранил до конца жизни. После войны 1812 г. он привлек в свое сообщество и императора Александра I. На посту главы духовно-религиозной сферы России Голицын проводил идеи Авиньонского общества о скором Втором Пришествии и пророчествах. В идеологии Российского библейского общества доминировала доктрина о соединении христианских исповеданий. На пост первоприсутствующего члена Св. Синода был назначен масон-розенкрейцер митрополит Михаил (Десницкий), а Св. Синод был включен в Министерство духовных дел и народного просвещения. Вершиной деятельности Авиньонского общества в России стало пребывание в С.-Петербурге в 1819–1821 гг. пророчицы Терезы-Маргариты Буш (1759–1822). Буш стала постоянной участницей тайных собраний Р. А. Кошелева, А. Н. Голицына и Александра I. В письме 29 декабря 1819 г. Буш описывала особые церемонии, проведенные с участием императора. По ее словам, начиная с Рождества (25 декабря) в Зимнем Дворце трижды тайно служили литургию. Одна служба была проведена для Александра I, другая для Голицына и Кошелева, третья по католическому обряду. На всех трех Буш исполняла обязанности священника. Это была подготовка к тому, что Буш благословила императора на великую миссию и вручила золотую коробочку, которую он должен был носить на шее¹¹. Предсказания Буш не оправдались, мероприятия Голицына вызвали негодование влиятельных групп российского общества. 1 августа 1822 г. в России была запрещена деятельность масонских лож и тайных обществ. Противники князя Голицына перешли к активным действиям. На политическую арену вышло движение русской православной оппозиции. Его деятелям А. А. Аракчееву, митрополиту Серафиму (Глаголевскому), архимандриту Фотию (Спаскому), М. Л. Магницкому удалось добиться видимой смены внутривнутриполитического курса, получившего в исторической литературе название «аракчеевщина».

В 20-х гг. Аракчеев стал главным докладчиком императору дел Государственного совета и Комитета министров. Он использовал эту должность как орудие для борьбы со своими противниками. Материалы дела Дубовицкого показывают, как формировалась интрига, приведшая к отставке А. Н. Голицына и расформированию его учреждений. Существование Авиньонского общества не было секретом для высших государственных чиновников, было известно, что оно имеет продолжение в кругу Голицына и Кошелева. Деятели Русской православной оппозиции полностью разделяли взгляды Н. Н. Новосильцева на то, что любые тайны общества преследуют революционные цели. Архимандрит Фотий неоднократно писал императору о том, что масоны и сектанты планируют сокрушить алтари и престолы. Впоследствии родилась версия о восстании декабристов, как масонском заговоре. В эту концепцию очень хорошо вписывалась секта подполковника Дубовицкого, куда входили военные. В распоряжении Комитета министров были письма Дубовицкого к А. Н. Голицыну. Следствие выявило, что по рекомендации Кошелева Дубовицким в слуги был принят П. Бильов. Четыре года он служил у известной европейской пророчицы В. Ю. Крюденер и охотно включился в пропаганду учения Дубовицкого¹². Все это позволяло связать Дубовицкого с Авиньонским обществом.

¹⁰ Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 74–79.

¹¹ Collis R., Bayer N. Initiating the Millennium: The Avignon Society and Illuminism in Europe. Oxford, 2020. P. 206–216.

¹² Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 508.

В фонде Комитета министров в Российском государственном историческом архиве удалось обнаружить журналы заседаний, посвященных секте Дубовицкого. Документы показывают, что в декабре 1823 г. на Дубовицкого поступили доносы духовных и светских властей Рязанской губернии. 5 февраля 1824 г. на заседании Комитета министров А. А. Аракчеев сделал доклад по этому вопросу и познакомил министров с отобранными у Дубовицкого бумагами. «Между поселянами присоединились к сей секте находящиеся в отпуску: из Бобруйской крепости 3-го Пионерского батальона унтер офицер Михайло Соловьев, из Новгородской губернии 3 Гренадерской артиллерийской бригады 4 батарейной роты бомбардир Егор Старыхин»¹³, — сообщал Аракчеев. Не смотря на все старания Аракчеева Комитет не нашел в бумагах Дубовицкого «ничего противного государственной религии, но так как он вводил особое богослужение и утверждал о равенстве людей» было решено потребовать от него объяснения. Принято было и другое ключевое решение: все бумаги внести в «Комитет 13 января 1807 г.», чтобы Комитет потребовал от Дубовицкого тетради и бумаги, которые он раздавал крестьянам.

Если бы дело о секте Дубовицкого было передано в Комитет общей безопасности, членом которого был А. А. Аракчеев, его легко можно было бы привязать к делу об Авиньонском обществе. Туда могли быть привлечены материалы обществ Е. Ф. Тариновой и пастора Е. И. Госснера. Можно было выявить их учение, связи и круг вовлеченных лиц. С 1812 г. Комитет общей безопасности практически не работал. Ему поручались лишь единичные малозначительные дела. В 1819 г. там велось одно дело, в 1820 г. — два дела, в 1821 г. — одно дело, в 1822 г. — два дела. В 1823 г. Комитет активизировался и рассматривал сразу четыре дела¹⁴. В 1824 г. дела в Комитете не велись, это было вызвано решением Александра I. На журнале заседания Комитета министров по приказу императора Аракчеев наложил резолюцию: «Государь император, рассмотрев мнение генерала Балашева заключил, что по сим обвинениям Дубовицкий оказался не столь виновным, как можно было предположить по первоначальным донесениям и все дело не представляет важности. По сему его величество не находит нужным передавать сего дела в Комитет 13 января 1807 г. и изволит передать его здешнему митрополиту на рассмотрение, до окончательного заключения митрополита повелевает отправить Дубовицкого в дом обер-полицмейстера, где он будет содержаться по доставлению его сюда, объяснения Дубовицкого должны быть прочтены в Комитете министров»¹⁵. 9 февраля приказание императора было передано Аракчеевым Комитету министров.

Решение Александра I принципиально изменило ход интриги оппозиционеров. Дело Дубовицкого было передано на рассмотрение митрополита Серафима. Срочно понадобился другой повод для атаки на учреждения А. Н. Голицына. Основой обвинений была сделана готовящаяся к изданию в С.-Петербурге книга пастора И. Е. Госснера «Евангелие от Матвея», содержащая комментарии к Евангелию. Это дело расследовалось в Комитете министров, Сенате, Государственном

Johannes Gossner
geb. 14. Dec. 1778.
gest. 30. März 1840.
Coblenz 24. 15. 11.

Пастор И. Е. Госснер

¹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 357. Особый журнал Комитета министров, 3 февраля 1824 г. Л. 2.

¹⁴ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Комитет охранения общественной безопасности при Государственном совете.

¹⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 357. Особый журнал Комитета министров, 3 февраля 1824 г. Л. 1–3 (на полях документа).

совете¹⁶. По воле императора и оно было «спущено на тормозах». Вопрос об ответственности Голицына не ставился, но Министерство духовных дел и народного просвещения было расформировано, а работа Библейского общества приостановлена. Члены Авиньонского общества следствии не коснулись.

20 февраля 1824 г. митрополит Серафим предоставил в Комитет министров свое мнение о секте Дубовицкого. 26 февраля оно было оглашено Аракчеевым: «Хотя подполковник Дубовицкий и употребляет все усилия свои, что бы отклонить от себя имя фанатика и сектатора, но само дело изобличает его в том и другом, поелику в письмах своих к титулярному советнику Михаилу Татаринову и к генерал-адъютанту Балашеву он довольно ясно называет себя миссионером, посланным от Бога и приписывает себе особенный, полученный им от Бога дар передавать любовь и самые глубокие христианские истины людям грубым всякого пола и возраста. Преосвященный Митрополит, излагая доводы, на Священном Писании основанные, что Дубовицкий есть не миссионер, посланный от Бога, а фанатик и энтузиаст и что он присвоил себе честь публичного проповедника и учителя истины вопреки точным словам Священного Писания». Митрополит писал, что если бы Дубовицкий делал наставления крестьянам в Св. Законе это могло бы его извинить, но он «отторгнул православных села Горлова и других селений крестьян от Святой Церкви, и вселил в них суеверие и ересь. Сие доказывается тем, что он завел новую секту, дал сей наименование истинных и внутренних поклонников Богу, ввел в секту свою новые обряды и какие то новые стихами составленные духовные песни, которые никогда в Церкви нашей не были употребляемы, и наконец тем, что как последователи его, а наипаче девки, признают его за Божественного человека, так и сам он считает себя за Миссионера, посланного от Бога»¹⁷.

Митрополит Серафим предлагал: «1) предписать Епархиальному архиерею, что бы он употребил пастырское попечение касательно обращения к Святой Церкви крестьян села Горлова и других селений, коих Дубовицкий отгнул от нее. 2) Самого Дубовицкого послать в какой-либо дальний и уединенный Монастырь на покаяние, предписать Настоятелю Монастыря сего никуда его не отпускать и в свободное время от Богослужения, к которому он Дубовицкий всегда должен приходить, занимать его чтением Слова Божия и Святых Отцов. Сверх сего Настоятель тщательно наблюдать должен за образом мыслей его и поступков, и что заметит в нем доброго, или худого, о том через каждые три месяца иметь рапорты Епархиальному Архиерею, а по окончании года Архиерей сей должен доносить Митрополиту с мнением своим, приложив и рапорты настоятельские, Митрополит же сообщать тогда все дело Генералу от Артиллерии Графу Аракчееву для доклада Его Императорскому Величеству. 3) Довольствоваться Дубовицкого в монастыре братскою трапезою, с платою за сие в год до 200 руб. из его имущества. 4) Если когда-либо угодно будет Государю Императору уволить Дубовицкого из монастыря то обязать его строжайшей подпискою, отнюдь не распространять вредного лжеучения своего, и отдать под надзор Полиции».¹⁸ На документе написано: «Государь Император изволил со всем согласиться и возложить исполнение на Министра духовных дел и народного просвещения. Сообщено 15 марта 1824 г. Государь изволил читать в церкви стоя 18 марта 1824 г.»¹⁹ В марте Дубовицкий был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь Новгородской епархии, где содержался до августа 1827 г.²⁰

Отзыв митрополита Серафима был опубликован Н. Ф. Дубровиным в сокращенном варианте. Из него был удален пункт согласно которого митрополит должен

¹⁶ Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. С. 139–177; *Его же*. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – начала XIX вв. СПб., 2011. С. 303–318; *Его же*. Эзотерическое движение в России конца XVIII – первой половины XIX вв. М., 2018. С. 607–626.

¹⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 357. Особый журнал Комитета министров, 26 февраля 1824 г. Л. 402.

¹⁸ Там же. Л. 404–405.

¹⁹ Там же. Л. 401, 405 (на полях документа).

²⁰ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты. СПб., 2009. С. 516.

был сообщать А. А. Аракчееву, для передачи императору, сведений о поведении Дубовицкого. Это позволяет предположить, что заключение Дубовицкого должно было носить краткосрочный и временный характер. После того, как страсти вокруг отставки А. Н. Голицына улеглись, император бы освободил заключенного. Точно так же все привлеченные к «делу И. Е. Госснера» наказания не понесли, а сам пастор выехал за границу, получив денежное пособие от императора.

При освобождении из монастыря Дубовицкий дал подписку о том, что не будет распространять своего лжеучения, принадлежать к секте и вмешиваться в религиозные дела, его не касающиеся.²¹ Но он вновь повел религиозную пропаганду в С.-Петербурге и в Москве, где создал уже четко оформленную секту. Эта деятельность окончилось в 1833 г. его десятилетней ссылкой в различные монастыри.

Исследователи отмечали, что следствие так и не выявило основ учения секты Дубовицкого. Как показывают материалы Комитета министров такая задача и не ставилась. Дубовицкий нужен был членам движения Русской православной оппозиции для того, чтобы повести атаку на учреждения А. Н. Голицына. Были установлены связи Дубовицкого с Авиньонским обществом куда входили Голицын и Р. А. Кошелев. Аракчеев планировал передать дело Дубовицкого в Комитет в 1807 г. занимавшийся делом Грабянки. Таким образом, можно было проследить и источники других сект и религиозных обществ, распространявшихся из окружения Голицына. Однако Александр I защитил своих друзей. Учреждения Голицына были расформированы, но никто из его сотрудников не пострадал. В качестве жертв патриотической общественности император отдал Дубовицкого, священника Феодосия Левицкого и есаула Е. Н. Котельникова. Расследованием ереси последнего занимался специальный комитет, состоявший из Аракчеева, митрополита Серафима и архимандрита Фотия (Спаского).

Секты и религиозные общества, находившиеся под покровительством Голицына, имели общие черты, соответствовавшие учению Авиньонского общества. Это была уверенность в скором Втором Пришествии, вера в пророков и убежденность в недостаточности учения Православной Церкви. Эти позиции сближали сектантов с хлыстами и скопцами и некоторыми направлениями масонства. Построенная на подобной основе новая государственная идеология не могла быть одобрена клиром Русской Православной Церкви (хотя ее поддерживали отдельные представители клира). В этом плане уже давно подлежит переосмыслению термин «аракчеевщина». В действительности смысл этого понятия соответствует деятельности А. Н. Голицына в 1817–1822 гг., когда под его руководством формировалась государственная идеология. В этот период Аракчеев выполнял отдельные поручения императора, не оказывая влияния на внутреннюю политику. «Голицыновщина» противоречила национальным интересам страны. Надо отдать должное лидерам движения русской православной оппозиции, сумевшим убедить императора изменить курс. В этом плане «аракчеевщина» 1822–1825 гг. может рассматриваться как прогрессивное и положительное явление. Ошибкой православных оппозиционеров являлось то, что вслед за консервативными

Митрополит
Серафим (Глаголевский)

²¹ Там же. С. 523–525.

публицистами Франции, они были убеждены в том, что за сектами и религиозными обществами скрываются революционеры. Еще столетие декабристы ассоциировались в общественном сознании с масонским заговором. Как показывает опыт XXI в., чуждая российскому обществу идеология разлагает его не хуже, чем революционные организации. В этом плане дело безобидной, на первый взгляд, секты Дубовицкого приобретает более серьезное значение. По словам Спасителя: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф 10:28).

Источники и литература

Источники

1. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1163. Оп. 1. Комитет охранения общественной безопасности при Государственном совете.
2. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 16 (в). Дело о графе Грабянке, секретаре Симонине и о слуге теле Леймане. Список «Общества Грабянки» 1805–1806.
3. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 357. Особый журнал Комитета министров.

Литература

4. *Арсеньев В. С.* Воспоминания и дневник. СПб.: Изд-во Н. И. Новикова, 2005.
5. *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 33–64; № 11. С. 3–43; № 12. С. 51–93; 1896. Т. 85. № 1. С. 5–51; № 2. С. 225–263.
6. *Дубровин Н. Ф.* Наши мистики-сектанты. СПб.: ДНК, 2009.
7. *Жмакин В. И.* Подполковник А. П. Дубовицкий и его жизнь по монастырям (1824–1842) // Русский архив. 1894. Кн. II. № 7. С. 175–208.
8. *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998.
9. *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб.: Элек-Сис, 2014.
10. *Кондаков Ю. Е.* Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII — начала XIX вв. СПб.: Ганга, 2011.
11. *Кондаков Ю. Е.* Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX вв. М.: Касталия, 2018.
12. *Пытин А. Н.* Масонство в России. М.: Век, 1997.
13. *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. М.: Изд-во Н. И. Новикова, 2000.
14. *Серков А. И.* Энциклопедический словарь Русское масонство. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
15. *Collis R., Bayer N.* Initiating the Millennium: The Avignon Society and Illuminism in Europe. Oxford, 2020.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

А. Б. Григорьев

**К вопросу о библиотеке Михаила (Десницкого),
митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского**

УДК 271.2-726.1:027.1(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_55
EDN HMOVDW

Аннотация: Проблематика формирования библиотечного фонда духовных семинарий и академий за счет наследования или покупки книжных собраний выдающихся архиереев только недавно начала получать свое освещение в отечественном библиотековедении. Тем интереснее исследовать историю получения библиотечного собрания митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского библиотекой Вифанской духовной семинарии с опорой на архивные материалы, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Рассмотрение этих материалов позволяет нам познакомиться с литературными предпочтениями владыки, сформировавшими его богословские воззрения, заново рассмотреть многие исторические оценки его личности, задать новые вопросы о его ближайшем окружении и проследить по архивным документам процесс приобретения и первичного описания и каталогизации экземпляров изданий, а также оценить вероятную возможность идентификации их в современном собрании Российской государственной библиотеки.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, библиотековедение, Вифанская православная духовная семинария, митрополит Михаил (Десницкий Матфей Михайлович), митрополит Никанор (Клементьевский Николай Степанович), свт. Филарет Московский (Дроздов Василий Михайлович), архиепископ Феодотий (Озеров Федор Адрианович), священник Тихон Васильевич Пермский, Десницкий Сергей Иванович, Лилеев Иван Иванович.

Об авторе: **Антон Борисович Григорьев**

Старший научный сотрудник Музея книги Российской государственной библиотеки, научный сотрудник Научного центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: grig_anton@mail.ru

Для цитирования: Григорьев А. Б. К вопросу о библиотеке Михаила (Десницкого), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 55–61.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Anton B. Grigorev

**On the Issue of the Library of Mikhail (Desnitsky),
Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg**

UDC 271.2-726.1:027.1(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_55
EDN HMOWDW

Abstract: The problem of forming the library collections of theological seminaries and academies through the inheritance or purchase of book collections of outstanding bishops has only recently begun to receive coverage in domestic library science. It is all the more interesting to explore the history of the acquisition of the library collection of the Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg by the library of the Bethany Theological Seminary, relying on archival materials stored in the OR RSL. Consideration of these materials allows us to get acquainted with the literary preferences of the bishop, which shaped his theological views, re-examine many historical assessments of his personality, ask new questions about his immediate environment and trace the process of acquisition and primary description and cataloging of copies of publications using archival documents, as well as assess the probable possibility of identifying them in the modern collection of the Russian State Library.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, library science, Bethany Orthodox Theological Seminary, Metropolitan Michael (Desnitsky Matthew Mikhailovich), Metropolitan Nikanor (Klementyevsky Nikolay Stepanovich), St. Philaret of Moscow (Drozdov Vasily Mikhailovich), Archbishop Theodotius (Ozerov Fedor Adrianovich), priest of Perm Tikhon Vasilievich, Desnitsky Sergei Ivanovich, Lileev Ivan Ivanovich.

About the author: **Anton Borisovich Grigorev**

Senior researcher at the Book Museum of the Russian State Library, researcher at the Scientific Center for the History of Theology and Theological Education at St. Tikhon's Orthodox University.
E-mail: grig_anton@mail.ru

For citation: Grigorev A. B. On the Issue of the Library of Mikhail (Desnitsky), Metropolitan of Novgorod and St. Petersburg. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 55–61.

* Photos are taken from open sources.

24 марта 1821 г. отошел ко Господу первенствующий член Св. Синода митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, Эсгляндский и Финляндский Михаил (Матфей Михайлович Десницкий), один из самых ярких и неоднозначных архиереев Александровской эпохи. По его письменному завещанию значительные суммы были пожертвованы монастырям Черниговской епархии и Черниговскому архиерейскому дому на поминование, впрочем, часть этих средств была по определению Св. Синода от 10–21 апреля 1821 г. переадресована Александро-Невской лавре¹. Владыка Михаил представлял собой редкий в истории Русской Церкви тип архиерея, выходца из белого духовенства. Жена и трое детей его скончались к 1799 г.² После их кончины и принятия о. Матфеем монашеского пострига в живых оставался его сын Сергей Матвеевич (родился около 1785 г.), который, в свою очередь был женат на Елизавете Христофоровне Гедвичевой и имел девять детей, как минимум двое из которых (Александр Сергеевич и Надежда Сергеевна) были рождены до смерти своего преосвященного деда³. Тем не менее, книги митрополита, среди которых были дорогие и редкие издания, достались членам рода, которые не были прямыми наследниками петербургского владыки. Через три года после его кончины, 19 апреля 1824 г., к ректору Вифанской семинарии Никанору (Клементьевскому) и через него к московскому архиепископу Филарету (Дроздову) обратился один из родственников митрополита Михаила коллежский ассессор Московской губернской казенной палаты Сергей Иванович Десницкий, который изъявил желание «быв родственником, но не наследником покойного митрополита Михаила... из любви и душевной преданности к сему незабвенному архипастырю я приобрел покупкою пол-библиотеки его, содержащей русские книги... Вменил себе уделить из оных сто экземпляров для Спасо-Вифанской семинарии»⁴. Объяснил Сергей Иванович это свое намерение тем, что когда-то учился в этой семинарии и теперь желает отблагодарить ее за преподанное ему воспитание и образование. Одновременно с Сергеем Ивановичем к архимандриту Никанору обратился другой наследник почившего митрополита, священник подмосковного села Чашниково Тихон Васильевич Пермский, даривший Спасо-Вифанской семинарии уже «двести экземпляров, на латинском, немецком и французском диалекте, книг»⁵ из библиотеки митрополита Михаила.

О щедром даре неотлагательно (30 апреля 1824 г.) была составлена докладная на имя архиепископа Филарета, за подписью архимандрита Никанора, инспектора семинарии Феодотия (будущий архиепископ Симбирский и Сызранский) и секретаря Филиппа Измайлова⁶.

Митрополит Михаил (Десницкий)

¹ Галкин А. К. Михаил (Десницкий) // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 629.

² Митрополит Михаил (в миру Матвей Михайлович Десницкий) на кафедре с 1818 по 1821 гг. URL: <https://vn-eparhia.ru/svyatiteli-novgorodskoj-zemli/152-svyatiteli-novgorodskoj-zemli-xviii-vek/964-mikhail-desnitskiy-mitropolit-novgorodskij> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Десницкие: древо рода. URL: <https://rgfond.ru/rod/88929> (дата обращения: 29.11.2023).

⁴ Центральный Государственный архив Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 427. Оп. 1. № 233. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 13.

С митрополитом Михаилом (Десницким) святителя Филарета, в те годы Санкт-Петербургского викария, связывала совместная работа в секретном комитете по делам раскольников⁷. Объединяла их и неприязнь последних лет жизни митрополита к князю А. Н. Голицыну⁸ и, конечно, труды Библейского общества и комиссии духовных училищ по переводу Св. Писания. Очевидно, что святителю тоже было небезынтересна судьба библиотеки Десницкого, поэтому по определению Комиссии духовных училищ от 3 ноября 1824 г. пожертвование Сергея Ивановича Десницкого и о. Тихона Пермского было передано в библиотеку Вифанской семинарии⁹.

Следует отметить некоторые аспекты совершившегося акта. Сергей Иванович Десницкий был на тот момент коллежским асессором, а, следовательно, имел высшее образование, выслужил потомственное дворянство, имел склонность к духовному чтению и был благочестивым и благонамеренным человеком, иначе бы не прилагал столько усилий сначала к получению книг митрополита, а затем к передаче их в семинарию. Книги он приобрел у наследников Десницкого специально для сохранения библиотеки и для последующего дара. Однако, ровное число (100) экземпляров наводит на мысль, что подарено было не все. Книги отбирались специально, и не факт, что самим стряпчим. И здесь на первый план выходит второй благодетель — о. Тихон Васильевич Пермский — получивший свою часть библиотеки по наследству, причем ту часть собрания, которая предполагала не просто любовь к духовному чтению, но обладание специальным образованием и хорошее знание иностранных языков. Такое образование можно было получить, например, в духовной академии, но в списках выпускников академий ни Тихон Васильев, ни Тихон Пермский (есть вариант, что фамилия священника образована от места рождения или по другой мотивации и присвоена в семинарии, как было и с самим Десницким) не значится. Между тем, связь о. Тихона не только с митрополитом Михаилом, но и с митрополитом Платоном (Левшиним) неоспорима. Место служения о. Тихона — Никольский храм в селе Чашниково — место рождения митрополита Платона, место службы его отца. Первое упоминание о. Тихона Пермского в документах относится к 1818 г., когда он вместе со старостой Львом Кузьминым установил «колокол в 730,9 кг, отлитый на средства г. Березина», а потом в 1845 г. он же ладил «большой благовестник, весом в 3412 кг»¹⁰. В 1861 г. в храме свт. Николая уже упоминается другой уже настоятель, следовательно он служил священником на приходе Никольского храма около 40 лет. Кто же был о. Тихон Пермский? Кем приходился он высшим иерархам Русской Церкви? Не мог ли он быть номинальной фигурой, скрывшей своим именем более звучные исторические имена? Он не оставил после себя письменных трудов и скудную информацию о нем можно найти только в сохранившихся приходских книгах села Чашниково.

В качестве одной из версий можно было бы предположить, что посланцы семинарии вышли на родственников митрополита Михаила и уговорили их передать библиотеку, как это было, к примеру, с библиотекой епископа Нижегородского Дамаскина (Семенова-Руднева), но формулировки докладов убеждают нас, что дар был добровольным.

Переходя к вопросу о воззрениях руководства Вифанской семинарии на комплектование своей библиотеки, необходимо отметить пристальное внимание комплектователей к архиерейским собраниям, так как именно у архиереев и ученого монашества находились зарубежные издания святоотеческих трудов и работ современных богословов как общехристианского, так и инославного (в основном полемического,

⁷ Серебрякова Ю. В. Из бумаг святителя Филарета (Дроздова) периода работы первого секретного комитета по делам о расколе (1820–1823) // Филаретовский альманах. Вып. 7. М.: ПСТГУ, 2011. С. 51.

⁸ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 198.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 427. Оп. 1. № 233. Л. 14.

¹⁰ Волкова Н. А. Никольский храм в Чашниково. URL: <https://proza.ru/2021/03/13/1312> (дата обращения: 29.11.2023).

филологического или исторического) содержания. Помимо этого, многие архиереи, стремясь быть в курсе современных тенденций развития церковного и светского сообщества, достаточно активно скупали русские издания, в основном современные им. Предпочтение отдавалось ведущим типографиям того времени: Новикова, Редигера, Типографической компании и др. Старопечатные русские книги в этих собраниях попадались редко — мода на их приобретение придет позже из старообрядческой среды. Одним словом, за книжными собраниями почивших архиереев пристально следили, прежде всего уполномоченные скупщики семинарских и академических библиотек. Многие архиереи, зная об этом, завещали свои книги конкретным семинариям (это потом стало своего рода традицией), но митрополит Михаил этого не сделал, возможно из-за неожиданной и ранней кончины. Впрочем, как известно, и с его денежными вкладами «на помин души» чиновники Св. Синода обошлись весьма вольно. Дальнейшая судьба книг из библиотеки Вифанской семинарии хорошо известна — после закрытия Спасо-Вифанской обители они были переданы в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, ныне Российскую государственную библиотеку.

Итак, вся коллекция была разделена на русскую и иноязычную части и в таком виде была передана библиотекарю Вифанской семинарии профессору Ивану Ивановичу Лилееву, которому было поручено внести новые поступления в библиотечный реестр.

В реестр российских изданий вошли святоотеческие сочинения свт. Григория Паламы, прп. Максима Исповедника, свт. Амвросия Медиоланского, сщмч. Дионисия Ареопагита, свт. Димитрия Ростовского, прп. Нила Сорского, свт. Иоанна (Максимовича), философские и богословские трактаты западноевропейских философов Эразма Роттердамского и Доминика Карачиоли, сочинения богословов и гомилетов XVII–XVIII вв. — иеромонаха Макария (Петровича), патриарха Хрисанфа Нотара, Кристиана Геллерта, произведения современников и коллег владыки Михаила — митрополита Платона (Левшина), свт. Филарета (Дроздова), епископа Амвросия (Орнатского), архимандрита Поликарпа (Гайтаникова) и др. Несколько выделяет библиотеку петербургского митрополита большое количество изданий проповедей. В основном он приобретал «слова» своего викария Филарета (Дроздова), среди других — не только видные гомилеты (архиепископ Лаврентий (Бакшевский), архимандрит Павел, архимандрит Августин и др.), но и собрания сочинений студентов различных церковных и светских учебных заведений (Харьковского университета, Санкт-Петербургской Духовной Академии, Московской Духовной Академии, Российской Академии наук), что свидетельствует не только о гомилетических пристрастиях владыки, но и о его внимании к подрастающему поколению проповедников.

Нет в отобранных книгах ни одной работы по истории масонства, хотя митрополит и позиционировался во многих историко-биографических исследованиях, как видный масон. Можно сравнить его реестр с реестром архиепископа Московского Сильвестра (Страгородского), который масоном не был, но имел в собрании добрый десяток книг по этому предмету.

Не чужд был владыка и поэзии, хотя в этом увлечении он не оригинален — Ломоносов, Хвостов, Сладковский, Слово о полку Игореве были стандартным набором любителя отечественной поэзии. Граф Дмитрий Хвостов был по какой-то причине очень любим русскими архиереями, и его книги мы видим почти в каждом собрании.

Реестр русскоязычных книг¹¹, как уже было сказано выше, насчитывает 100 позиций. В нем приводится название издания, большей частью не полностью. Автор отдельно не выделяется, а иногда и вообще не упоминается, но зато дается место издания и год. Описание экземпляра отсутствует. Создается впечатление, что книги, подаренные Сергеем Десницким, описывались на скорую руку — по титульному листу или надписи на переплете. Например: «Собрание сочинений Макария в Москв. 1786 г. В 1, 2, и 3 част.» Или «Хрисанфа беседы в Моск. 1784. 1, 2 час.». Экземпляры не имеют

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 427. Оп. 1. № 233. Л. 2–5.

эклибриса или владельческого автографа, которые позволили бы атрибутировать их именно к числу книг владыки Михаила. Таким образом, идентификация имеющихся в наличии книг или невозможна, или носит предположительный характер. Отличительным признаком не остается разве только что штемпель Вифанской духовной семинарии. Однако и он не дает точной уверенности в идентификации. Иногда несколько экземпляров указанной книги имеют штемпель Вифанской семинарии. В некоторых случаях реестры приобретенных коллекций сопровождалось описанием переплетов, но здесь Лилеев не счел необходимым указать эту информацию.

Зарубежное собрание чрезвычайно интересно. Оно содержит книги Арндта, еще одного любимца русских архиереев; протестантского теолога Иоанна Герхарда, известного в России со времен свт. Иоанна (Максимовича); Готфрида Арнольда и Якова Шпенера — приверженцев так называемого внутреннего христианства и пиетизма; Иоганна Хюбнера — географа и историка; мистиков и масонов Игнациуса Фесслера, одного из руководителей масонской ложи в Санкт-Петербурге, который мог быть лично знаком с Десницким, и Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга, необычайно популярного писателя в русском обществе первой четверти XIX в.; визионера и прорицателя, основателя Филадельфийского общества Томаса Бромли; проповедника Эмануэля Томпсона (Сонтوما), химика Амвросия Мюллера, историков философии пастора Иоганна Якоба Брукера и Фридриха Христиана Баумейстера. Завершают реестровый список неизменные в собраниях конца XVIII — начала XIX в. Цицерон, Корнелий Непот и Гораций Флакк. Итого — 77 немецких, 65 французских и 58 латинских изданий.

Попытка идентификации книг из реестра священника Тихона Пермского тоже предоставляет широкое поле для исследования. Несмотря на то, что здесь Лилеев счел нужным указать авторство и распространенный вариант заглавия (например: «Biblia durch D. Martin Luther verteuscht. Basel, 1665», которую можно условно идентифицировать как редкую лютеранскую Библию с комментариями вождя гугенотов Пола Туссена (1572–1634), изданную швейцарским печатником Мангольдтом; или «Johann Arndens. Postilla. Leipzig et Görlitz, 1734» — издание лейпцигского печатника Марше с предисловием лютеранского теолога и гимнографа Иоганна Якоба Рамбаха), значительного числа изданий в собрании Российской государственной библиотеки нет, а те, которые удалось обнаружить, большей частью принадлежат к числу трофейных экземпляров. Совершенно невероятно, что сотрудники Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, взяв русские издания конца XVIII — начала XIX вв., не обратили внимание на редкую иностранную коллекцию книг XVII или даже XVI вв., тем более, что следы аналогичных собраний в наших фондах достаточно легко отыскать. Поневоле напрашивается версия, что европейская часть книг митрополита Михаила была утрачена Вифанской библиотекой до событий Октябрьской социалистической революции. Впрочем, это предмет более подробного исследования, чем предполагается в статье.

Завершая статью необходимо отметить, что личность митрополита Михаила (Десницкого) как яркого представителя Павловской, а затем и Александровской эпохи во многом открывается при исследовании его библиотечного собрания. Это был пастырь, увлеченный внутренней, скрытой христианской жизнью, пиетизмом, психологизмом и христианской мистикой, но и, вместе с тем, талантливый церковный организатор, одаренный проповедник и христианский ученый, стремящийся находиться в русле актуальных вопросов европейского богословия своего времени со всеми его достоинствами и недостатками.

Источники и литература

Источники

1. Центральный Государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 427. Оп. 1. № 233. Переписка с наследником митрополита Михаила Сергеем Десницким и донесения ректора семинарии Московскому архиепископу и правлению Московской Духовной Академии о пожертвовании для семинарской библиотеки 300 книг из библиотеки митрополита Михаила.

Литература

2. Волкова Н. А. Никольский храм в Чашниково. URL: <https://proza.ru/2021/03/13/1312> (дата обращения: 29.11.2023).

3. Галкин А. К. Михаил (Десницкий) // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 624–630.

4. Десницкие: древо рода. URL: <https://rgfond.ru/rod/88929> (дата обращения: 29.11.2023).

5. Митрополит Михаил (в миру Матвей Михайлович Десницкий) на кафедре с 1818 по 1821 гг. URL: <https://vn-eparhia.ru/svyatiteli-novgorodskoj-zemli/152-svyatiteli-novgorodskoj-zemli-xviii-vek/964-mikhail-desnitskij-mitropolit-novgorodskij> (дата обращения: 29.11.2023).

6. Серебрякова Ю. В. Из бумаг святителя Филарета (Дроздова) периода работы первого секретного комитета по делам о расколе (1820–1823) // Филаретовский альманах. Вып. 7. М.: ПСТГУ, 2011. С. 50–74.

7. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Е. Ю. Галимова

**Становление первых храмов Кронштадта
в XVIII — первой половине XIX вв.**

УДК 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_62
EDN NYSNKR

Аннотация: Кронштадт в XVIII в. активно развивался, превращаясь в мощнейшую военную крепость на северо-западе России. В городе базировался Балтийский флот, поэтому проживало много моряков. Для удовлетворения религиозных потребностей военнослужащих по распоряжению Петра I в Кронштадте появились первые храмы. Однако при их строительстве часто возникали различные финансовые и административные трудности. Автор исследует процесс возведения и развития храмов, их роль в объединении прихожан и морально-нравственном воспитании. Анализ исторического опыта по становлению храмов для военнослужащих является особо актуальным в наши дни, когда государство предпринимает определенные шаги в направлении поддержки реализации прав военнослужащих на вероисповедание.

Ключевые слова: Богоявленская церковь, первые кронштадтские храмы, утраченные храмы, собор св. ап. Андрея Первозванного, император Петр I.

Об авторе: **Екатерина Юрьевна Галимова**

Кандидат технических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

E-mail: galim81@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6650-4148>

Для цитирования: Галимова Е. Ю. Становление первых храмов Кронштадта в XVIII — первой половине XIX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 62–67.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Ekaterina Y. Galimova

**The Formation of the First Temples of Kronstadt
in the XVIII – First Half of the XIX Centuries**

UDC 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_62
EDN NYSNKR

Abstract: Kronstadt actively developed in the 18th century, turning into the most powerful military fortress in the north-west of Russia. The Baltic fleet was based in the city, so many sailors lived. To meet the religious needs of the military, by order of Peter I, the first churches appeared in Kronstadt. However, during their construction, various financial and administrative difficulties often arose. The author explores the process of construction and development of temples, their role in the unification of parishioners and moral education. An analysis of the historical experience in the formation of temples for military personnel is especially relevant today, when the state is taking certain steps towards supporting the realization of the rights of military personnel to worship.

Keywords: Church of the Epiphany, the first Kronstadt churches, lost churches, the Cathedral of St. Andrew the First-Called, Emperor Peter I.

About the author: **Ekaterina Yurievna Galimova**

Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer at St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

E-mail: galim81@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6650-4148>

For citation: Galimova E. Y. The Formation of the First Temples of Kronstadt in the XVIII – First Half of the XIX Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 62–67.

* Photos provided by the author.

Кронштадт в начале XVIII в. был стратегически важной морской крепостью. Он застраивался вместе с Петербургом. 13 июля 1718 г. в присутствии императора Петра I был освящен деревянный храм во имя св. апостола Андрея Первозванного¹. Он располагался в купеческой слободе, в западной части острова. В восточной части, которая находилась на возвышенности, поэтому среди местных жителей именовалась «горою», проживало более 10000 служащих. Чтобы добраться до храма, они должны были пройти через лес, в котором часто происходили разбойные нападения и грабежи.

Императору Петру I донесли о потребности кронштадтских моряков в новом храме, и 13 июля 1722 г., находясь в Астрахани, он подписал указ «о построении в морской Слободе Храма, во имя Св. Богоявления Господня»². При жизни император не успел приступить к воплощению своего указа в жизнь.

Церковь была заложена в 1728 г. по указу императора Петра II, в котором говорилось, что строить нужно «по подобию прочих святых церквей без всякого по-своему смыслению приложениа или умаления»³. Следовательно, архитектура церкви была достаточно скромной. Для строительства церкви были присланы мастера из петербургского Адмиралтейства. Строили по чертежам архитектора И. К. Коробова, для которого этот проект стал первой самостоятельной работой.

Богоявленская церковь,
И. К. Коробов, 1720-е гг. (Гусаров А. Ю.
Утраченные храмы Петербурга.
СПб.: Паритет, 2014. С. 122)

Церковь стояла на Госпитальной улице, которую со временем стали называть в честь церкви Богоявленской. Строение имело крестообразную форму и вмещало 1300 человек⁴. Церковь венчала семиярусная колокольня, которая была хорошо видна судам, плывущим по заливу, и использовалась ими для пеленга. Фундамент был бутовый, местного изготовления, а стены сделали из мачтовых деревьев, скрепленных пиястрами. Часовой механизм был привезен из Голландии. Шпиль завершался золотым

крестом и ангелом, который показывал направление ветра. Один колокол был отлит в 1644 г., а второй в 1720 г. в Амстердаме⁵. Освященный антиминс был передан в храм 13 мая 1730 г.⁶, иереем стал Савва Бычковский.

На убранство церкви казенных денег не хватило, поэтому было собрано пожертвование от местных жителей. Сбор средств осуществлялся с 1728 по 1734 гг. Стены выкрасили голубой краской. Украшением церкви стали резные иконостас и балдахин над престолом, выполненные мастером Иваном Антоновым⁷. Поскольку храм сооружался в первую очередь для моряков, большая часть икон изображала события из Евангелия, связанные с морем. Часть икон пожертвовали в храм прихожане. В церкви хранилось собственноручно выточенное из дерева Петром I

¹ Кронштадтская морская Богоявленская церковь // Вестник военного духовенства. 1892. № 14. С. 434.

² Деревянный храм Богоявления, существовавший более 100 лет в Кронштадте // Морской сборник: журнал Военно-морского флота. 1855. Т. 17. № 8 (август). С. 197.

³ Там же.

⁴ Гусаров А. Ю. Утраченные храмы Петербурга. СПб.: Паритет, 2014. С. 121.

⁵ Деревянный храм Богоявления... С. 199.

⁶ Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 144. Оп. 1. Д. 30. Л. 294, 296–297.

⁷ Деревянный храм Богоявления... С. 199.

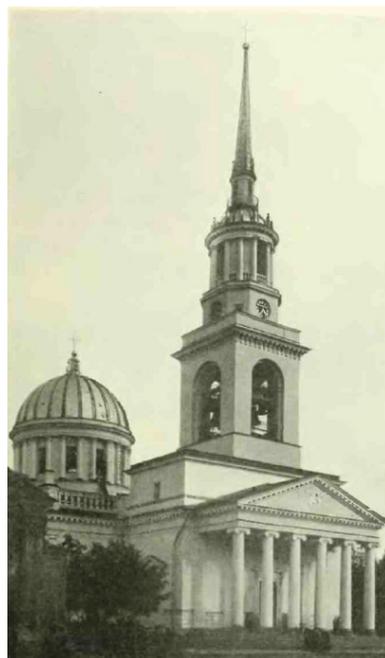
паникадило⁸. К сожалению, оно было утрачено в 1798 г. Из-за взрыва парового склада, располагавшегося неподалеку в Средней гавани, паникадило упало на пол и разбилось. В центре храма висело медное паникадило с надписью на шведском языке, которое было выкуплено по указу Коллегии от 19 декабря 1730 г. у купца Быкова за 280 рублей 54 копейки⁹. Амвон был украшен компасом с резным парусным кораблем в центре, румбы которого были сделаны из разных сортов дерева.

В 1737 г. вокруг церкви сделали ограду и установили 9 фонарей. С каждой из четырех сторон построили ворота. Возвели небольшой бревенчатый домик для сторожей. В память о Петре I на территории церкви росли несколько дубов. Их охраняли до того момента, пока церковь не была разрушена.

От сильных юго-западных ветров колокольня стала постепенно наклоняться, и в 1811 г. на том же фундаменте была построена новая, меньшего размера. Церковь вновь окрасили, на иконах обновили лак и позолоту. Однако здание продолжало ветшать. Службы в церкви проводились до 1840 г., когда с колокольни сорвались часовые гири и проломил пол своего яруса. Здание церкви было разобрано в 1841 г. На его месте 23 сентября 1862 г. будет построен и освящен каменный храм, простоявший до 1932 г.

Деревянный храм св. ап. Андрея Первозванного просуществовал с 1718 до 1742 гг. и был разобран по причине сильной ветхости. К сожалению, не сохранилось никаких изображений первого деревянного храма. В то время велись работы на кронштадтском доковом канале, и по прошению генерал-аншефа Иоганна Людвиг Любераса фон Потта, церковные богослужения перенесли с прежнего места в один из губернских домов¹⁰. По резолюции митрополита Гавриила (Петрова) 22 декабря 1787 г. собор перевели в здание Успенской церкви, которое располагалось примерно в 25 сажнях от места, где впоследствии будет возведен каменный Андреевский собор. Первоначальный проект каменного здания был разработан архитектором Ч. Камероном в 1804 г.¹¹ Затем на место главного адмиралтейского архитектора назначили А. Д. Захарова, под руководством которого проект был доработан¹². Согласно задумке зодчих, архитектурными формами храм должен был напоминать корабль¹³.

Непосредственно строительными работами руководили в разные годы архитекторы А. Л. Витберг, Павлов, А. Н. Акутин. Под руководством последнего была выполнена окончательная отделка здания¹⁴. Строительство производилось на средства морского ведомства. Первоначально площадь перед собором

Собор св. ап. Андрея Первозванного в Кронштадте (Макаров А. И. Морские храмы России // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 23)

⁸ Амирханов Л. И. Город-крепость. От основания до наших дней. М.: Центрполиграф, 2018. С. 95.

⁹ Деревянный храм Богоявления... С. 202.

¹⁰ Кронштадтский Андреевский собор: 1817–LXXV–1892: 26-го августа. Кронштадт, 1892. С. 6.

¹¹ Гусаров А. Ю. Утраченные храмы... С. 112.

¹² Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. III: Петербургская архитектура XVIII–XIX вв. М.: Издание И. Кнебель, 1910. С. 514.

¹³ Там же. С. 513.

¹⁴ Кронштадтский Андреевский собор... С. 9.

была занята старыми деревянными зданиями, в том числе гостиным двором. Время возведения собора совпало с Отечественной войной 1812 г., по этой причине строительные работы затянулись. Здание без крыши простояло 5 лет, в результате в храм проникла сырость, с которой боролись на протяжении длительного периода времени.

Храм и центральный придел освятили 26 августа 1817 г. во имя св. ап. Андрея Первозванного¹⁵. Освящение совершил епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургский Филарет (Дроздов). Собор был однопрестольный, поэтому в нем не служили ранние литургии. Прихожане обратились с ходатайством о сооружении второго придела, который был освящен 15 августа 1820 г. в честь Успения Пресвятой Богородицы¹⁶. Придел располагался в приписанной к собору церкви Владимирской Божией Матери и был временным. В 1827 г. церковь стала подведомственной обер-священнику, поэтому придел упразднили¹⁷. Прихожане и причт обратились к П. М. Рожнову, занимавшему пост кронштадтского военного губернатора. Просьба была удовлетворена, и в 1834 г. по чертежу архитектора Ф. И. Трапезникова был сооружен придел, который освятили в честь свв. апп. Петра и Павла¹⁸. Строили предел на пожертвования прихожан. Освящение совершил обер-священник армии и флота протоирей Г. И. Мансветов в присутствии представителей городского духовенства. Церемонию освящения посетили Кронштадтский военный губернатор и главный командир Кронштадтского порта Ф. В. фон Моллер, член Адмиралтейств-совета контр-адмирал М. П. Коробка, Кронштадтский комендант генерал-майор фон-Клуген, капитан над Кронштадтским портом, капитан первого ранга К. И. Гревенс, капитан первого ранга А. С. Смирнитский, инспектор Штурманского училища капитан-лейтенант М. Г. Стеновой¹⁹, доктор медицины, статский советник П. Н. Франк, руководитель экспедиции поправления Кронштадтского порта контр-адмирал К. Г. Михайловский, генерал-майор С. Н. Муханов, городской голова купец Ф. В. Шабунин и ряд других титулованных лиц²⁰.

На протяжении двадцати лет в соборе не проводилось никаких ремонтных работ. Появился недостаток церковной утвари, в том числе сосудов, праздничного облачения, книг и дарохранильницы. Ремонт внутреннего и наружного убранства выполнили в 1843 г. В 1847 г. на пожертвования купца В. П. Ковина, купца Г. Бритнева, потомственного почетного гражданина П. В. Синебрюхова и других прихожан была нанесена позолота на шпиль и купол²¹. Проект золочения разрабатывал городской архитектор Ф. И. Трапезников.

Во второй половине XIX в. собор будет значительно расширен, пристроят два боковых придела. Дальнейшая судьба храма неразрывно связана с именем св. прав. Иоанна Кронштадтского. 12 декабря 1855 г. он был рукоположен в священники собора св. ап. Андрея Первозванного, где и прослужил 53 года²².

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что при жизни Петра I город Кронштадт активно развивался как стратегическая военная база. Император уделял значительное внимание духовному воспитанию моряков, поэтому инициировал строительство храмов на острове. Население Кронштадта увеличивалось достаточно стремительно. Поэтому к середине XIX в. храмы уже не могли вмещать всех прихожан. Первые церковные здания возводились из дерева и быстро ветшали. Во второй

¹⁵ Попов И. В. Святые Кронштадта // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1998. № 20. С. 112.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кронштадтский Андреевский собор... С. 11.

¹⁸ Гусаров А. Ю. Утраченные храмы... С. 112.

¹⁹ Зеленой А. И. Исторический очерк Штурманского училища 1798–1871. Кронштадт, 1872. С. 27.

²⁰ Кронштадтский Андреевский собор... С. 11–12.

²¹ Там же. С. 12.

²² Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1910. С. 42.

половине XIX в. старые деревянные кронштадтские храмы будут заменены на каменные, вмещающие значительно больше прихожан.

Источники и литература

1. *Амирханов Л. И.* Город-крепость. От основания до наших дней. М.: Центрполиграф, 2018. 703 с.
2. *Грабарь И. Э.* История русского искусства. Т. III: Петербургская архитектура XVIII–XIX вв. М.: Издание И. Кнебель, 1910. 584 с.
3. *Гусаров А. Ю.* Утраченные храмы Петербурга. СПб.: Паритет, 2014. 368 с.
4. Деревянный храм Богоявления, существовавший более 100 лет в Кронштадте // Морской сборник: журнал Военно-морского флота. 1855. Т. 17. № 8 (август). С. 196–206.
5. *Зеленой А. И.* Исторический очерк Штурманского училища 1798–1871. Кронштадт, 1872. 181 с.
6. Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1910. 855 с.
7. Кронштадтская морская Богоявленская церковь // Вестник военного духовенства. 1892. № 14. С. 433–447.
8. Кронштадтский Андреевский собор: 1817–LXXV-1892: 26-го августа. Кронштадт, 1892. 124 с.
9. *Макаров А. И.* Морские храмы России // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 17–27.
10. *Попов И. В.* Святыни Кронштадта // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1998. № 20. С. 111–126.
11. Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 144. Оп. 1 Д. 40. Контора Санкт-Петербургской партикулярной верфи при Адмиралтейств-коллегии.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

*Священник Вячеслав Савинцев,
священник Дионисий Патрушев*

**Переход священнослужителей Рязанской епархии
в старообрядчество и деятельность духовной консистории
по этому поводу (конец XIX — начало XX вв.)**

УДК 271.2-9:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_68
EDN RGJNRK

Аннотация: В архивном фонде Рязанской духовной консистории было выявлено три дела (конец XIX — начало XX вв.), в которых присутствует информация об уклонении епархиальных клириков в старообрядчество-беглопоповство. Подобного рода случаи не являлись массовыми и их стоит характеризовать экстраординарными. С большой долей вероятности, можно констатировать, что священников, в первую очередь, старообрядчество привлекало не как поиск истины, а как средство улучшения своего материального положения, а также, не исключался фактор стремления клирика уйти от власти епископата. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать выявленный архивный материал о переходе священнослужителей в старообрядчество, и показать реакцию духовной консистории на указанное явление. Большинство архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Рязанская епархия, духовная консистория, священнослужители, старообрядчество, беглопоповцы, церковь, религия, раскол, история.

Об авторах: **Священник Вячеслав Александрович Савинцев**

Кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент кафедры Церковной истории Коломенской духовной семинарии.

E-mail: adaniram@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Священник Дионисий Юрьевич Патрушев

Магистр богословия, благочинный Восточного округа г. Рязани, ключарь Екатерининского храма г. Рязани.

E-mail: veshurtap1984@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6512-8071>

Для цитирования: Савинцев В., свящ., Патрушев Д., свящ. Переход священнослужителей Рязанской епархии в старообрядчество и деятельность духовной консистории по этому поводу (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 68–75.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

*Priest Vyacheslav Savintsev,
Priest Dionysius Patrushev*

**Transition of the Clergy of the Ryazan Diocese
into the Old Believers and Activity of the Theological
Consistory on this Occasion (late 19th – early 20th Century)**

UDC 271.2-9:930.2

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_68

EDN RGJNRK

Abstract: In the archive fund of the Ryazan Theological Consistory, three cases (late XIX – early XX c.) were identified, in which there is information about the evasion of diocesan clerics in the Old Believers – Beglopovtsy. Such cases were not widespread and are worth describing as extraordinary. It is highly probable that the priests, first of all, were attracted by Old Believers not as a search for truth, but as a means of improving their financial situation, and that the factor of the cleric's desire to leave the bishop's power was not excluded. This article tries to analyze the revealed archival material, about the transition of priests to Old Believers, and show the reaction of the theological consistory to the said phenomenon. Most archival documents are first introduced into scientific circulation.

Keywords: Ryazan diocese, theological consistory, clergy, Old Believers, Beglopovtsy, church, religion, schism, history.

About the authors: **Priest Vyacheslav Alexandrovich Savintsev**

Candidate of theology, candidate of historical sciences, associate professor of the de-partment of church history of Kolomna theological seminary.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Priest Dionysius Yurievich Patrushev

Master of Theology, Dean of the Eastern District of Ryazan, Key Keeper of the St. Catherine Church in Ryazan.

E-mail: veshurtap1984@yandex.ru

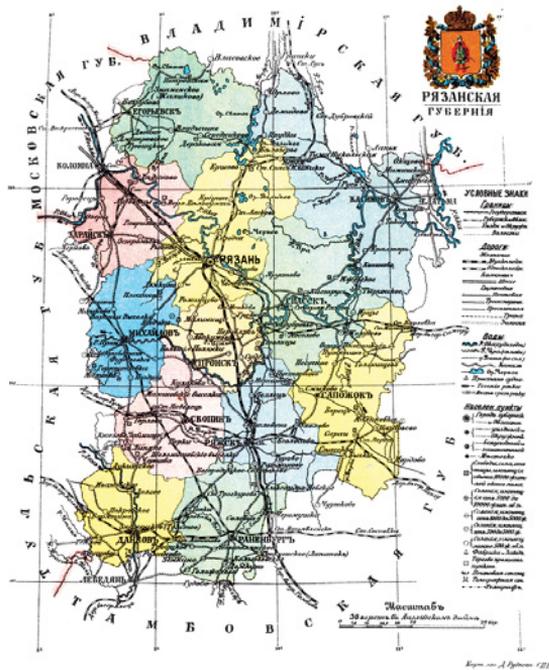
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6512-8071>

For citation: Savintsev V., priest., Patrushev D., priest. Transition of the Clergy of the Ryazan Diocese into the Old Believers and Activity of the Theological Consistory on this Occasion (late 19th – early 20th Century). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 68–75.

* Photos are taken from open sources.

В судопроизводственной практике Рязанской духовной консистории¹ проходило разбирательство дел разного характера. Дела касались разнообразных сфер жизни клириков епархии. Консистория разбирала споры между клириками и мирянами, также и между самими клириками, расследовала случаи обвинения клириков в неблаговидных поступках (пьянство, прелюбодеяние, блуд), выявляла нарушения в ведении приходской документации (исповедных росписей, метрических и обыскных книг и проч.). Но, вероятно, самыми резонансными процессами были дела, связанные с переходом священников в старообрядчество, которые заканчивались запрещением клириков в священнослужении и, как следствием, лишением сана. Поскольку, Устав духовных консисторий 1841 г. предписывал, что если клирик перешел из православия в ересь или раскол, то такого наказывали лишением сана и исключением из духовного звания², другого правового взыскания к священнослужителю и не могло быть применимо.

Стоит заметить, что с момента отделения ревнителю старого обряда от Православной Церкви в середине XVII в. до образования в лоне старообрядчества согласий наблюдался значительный приток к ним «беглых» православных священнослужителей, не согласных с религиозной политикой Российской империи. С периода четкого разделения самих старообрядцев на согласия во второй половине XVIII – начале XIX в., и в особенности начиная с эпохи императора Николая I, численность «беглых» священнослужителей существенно уменьшилась. В настоящее время в архивном фонде Рязанской консистории выявлено несколько дел, описывающих указанное явление. Анализ этих дел и будет представлен в настоящей статье.

Рязанская губерния в начале XX в.

Известно, что старообрядцы-беспоповцы категорически отрицали священство, и поэтому православным клирикам путь в это согласие был закрыт. Старообрядцы-поповцы «австрийского согласия» не принимали из православия священников в сущем сани. Одним из условий приема было перекрещивание кандидата и возможное дальнейшее рукоположение. Поэтому для «беглого» православного клирика оставался переход только в одно согласие – к беглопоповцам, где предварительно приносилось покаяние и отречение от «никонианской ереси» (хотя существовал и иной взгляд – прием через миропомазание). Необходимо отметить, что на Рязанщине не получило широкого распространения согласие старообрядцев-беглопоповцев, существовали лишь небольшие общины, которые и содержали попеременно «беглых», т.е., бывших православных священников. Примечательно, что случаи

¹ Рязанская консистория осуществляла свою деятельность в период с 1744 по 1917 гг. Консистория являлась основным церковным органом епархиального судопроизводства над клириками и мирянами.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI, отд. 1: 1841. СПб., 1842. С. 245, № 14409.

ухода священнослужителей Рязанской епархии в сектантство в настоящее время пока не выявлены.

Итак, во второй половине XIX — начале XX столетий известно три случая перехода священнослужителей Рязанской епархии к беглопоповцам-старообрядцам. Это клирики Сергей Иляхинский, Александр Плавтов и Иоанн Яблонев.

О первом священнослужителе известно немного. Сергей Иляхинский (предположительно перешел к старообрядцам в начале XX в.) первоначально служил в с. Хламове Пронского благочиния Рязанской епархии (округ неизвестен). Уход из Православной Церкви был мотивирован либо конфликтом с правящим архиереем (оскорбленное самолюбие), либо материальным расчетом, поскольку староверы щедро платили своим священникам. Священник Сергей был замечен в Нижнем Новгороде в 1908 г. на соборе беглопоповцев при решении вопроса об избрании собственного архиерея для их согласия. Иляхинский возглавил партию противников этого проекта. Основным аргументом его протеста был тезис, согласно которому, не для того «они бежали от архиереев господствующей церкви, чтобы и здесь снова попасть в их кабалу»³. Приблизительно в 1910 г. Иляхинский был запрещен Рязанской консисторией в священнослужении.

Про Плавтова документы сохранили более подробную информацию. Александр Васильевич Плавтов, из семьи священнослужителя, родился в 1845 г. По окончании Рязанской духовной семинарии в 1875 г. архиепископом Алексием (Ржаницыным) был рукоположен в священный сан и определен клириком в приход с. Красное Егорьевского уезда. В 1877 г. назначен настоятелем в храм с. Пирочи Зарайского уезда. 22 мая 1896 г. запрещен в священнослужении и назначен псаломщиком в приход с. Мостья Ряжского уезда. На момент запрета в его семействе было четверо детей⁴. Вероятно, в это время у Плавтова созревает план перехода к старообрядцам-беглопоповцам.

Привлекает внимание то, что у священника Александра конфликт с Рязанским епархиальным начальством начался задолго до «бегства» к староверам. Уже через несколько лет после рукоположения (в 1880 г.) Плавтов был оштрафован на 60 руб. за небрежное ведение приходской документации. В 1883 г. за оскорбление прихожанки на несколько недель подвергался прещению в священнослужении. В 1890 г. на три недели был сослан в Иоанно-Богословский монастырь (Рязанский уезд) за незаконное венчание⁵.

Сделаем небольшое отступление по поводу «незаконного венчания». В Синодальный период истории Русской Церкви венчание должно было совершаться в соответствии с установленными церковным законом правилами (достижение брачующимися совершеннолетия, согласие на брак родителей, не состояние в родстве, венчание людей своего прихода и прочее), если правила не соблюдались, то венчание являлось незаконным. Устав обговаривал следующие виды наказания за подобное преступление: если священник с диаконом повенчал несовершеннолетних, то обоим грозила ссылка в монастырь, священнику — «на половину того времени, сколько не доставало брачавшимся до гражданского совершеннолетия», а диакону — на половину срока священника, без снятия обоих с места служения. За повторное преступление обоих клириков снимали с места служения и определяли в причетники на полгода и более. Если не происходило исправления духовных лиц и они после понесенной епитимии продолжали совершать незаконные венчания, то их могли лишить сана и определить в дьячки. Наказывались (по усмотрению консистории) даже клирики, которые не участвовали в венчании, но знали о нарушении и не донесли епархиальному начальству. Если священник совершил венчание, но не произвел брачного обряда, и впоследствии выяснилась незаконность брака, то клирик наказывался содержанием в монастыре от трех до шести месяцев. Наказанию подвергались и за венчание

³ Государственный архив Рязанской области (далее — ГАРО). Ф. 627. Оп. 239. Д. 93. Л. 8 об.

⁴ Там же. Оп. 156. Д. 35. Л. 227 об.

⁵ Священник Александр Плавтов совершил венчание молодых людей с соседнего прихода без разрешения родителей брачующихся.

Епископ Мелетий (Якимов)

лиц, состоящих в близком родстве (первые четыре степени) или родстве духовном⁶.

В 1891 г. Плавтов уже на месяц, с запрещением в священнослужении, вновь был сослан в Иоанно-Богословский монастырь за повторное незаконное венчание и за нелегальную продажу оловянного потира (не указано кому, вероятно, старообрядцам). В 1896 г. священник Александр вновь совершает незаконное венчание, за что был запрещен в священнослужении (до совершенного исправления) и определен на должность псаломщика в Зарайский уезд⁷. Из приведенных примеров видно, что Плавтов не стремился следовать установленным церковным правилам, а сам устанавливал себе критерии для проведения венчания.

Еще один немаловажный факт — священник А. Плавтов около 15 лет состоял на должности окружного миссионера братства св. Василия, епископа Рязанского⁸. Но неизвестно, насколько его миссионерская деятельность была плодотворной.

В начале 1897 г. священник Плавтов принимает решение перейти к старообрядцам-беспоповцам (был принят московской общиной). С этого года начинается эпопея «беглого» клирика. Уже летом 1897 г. он был задержан полицией в Калуге при совершении треб у местных ревнителей старого обряда и прислан для проведения расследования в Рязанскую консисторию, которая заключила его в Рязанский Спасский монастырь. Но по закону от 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» Плавтова освободили из заключения, и он незамедлительно выехал в Москву, а оттуда к сибирским собратьям. Еще во время допроса в Калужской духовной консистории священник Александр заявлял, что симпатию к старообрядцам испытывал давно, перешел к староверам добровольно (Плавтова приняли через покаяние) и высказывался довольно критично о своем Рязанском епархиальном начальстве⁹.

Интересные мысли святителя Мелетия (Якимова) по поводу перехода Плавтова к беспоповцам, высказанные в отчете за 1897 г. Св. Синоду. Владыка писал следующее: закон о старообрядцах, принятый в 1883 г., «преследует, без сомнения, прекрасную цель удержать беглопоповцев от перехода в австрийское священство, немощным, склоняющимся в сторону последнего по причине «оскудения бегствующего священства». Предполагается также возможность привлечения путем дарования раскольникам бегствующего священства (свободного исполнения служб и треб. — *авторы*) в лоно православной церкви многих заблудших чад ее. Но таких благих результатов можно было бы ожидать в том лишь случае, если бы переходили к раскольникам благонамеренные иереи, отличающиеся духом любви и мира, а не ненавистники церкви, озлобленные и нетрезвые вроде Плавтова, который корысти ради будет питать в своей раскольнической пастве враждебные чувства к православной церкви»¹⁰.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI, отд. 1: 1841. СПб., 1842. С. 246–247, № 14409, п. 199–201.

⁷ ГАРО. Ф. 627. Оп. 156. Д. 35. Л. 194 об.–195.

⁸ Там же. Л. 181.

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1689. Л. 40.

¹⁰ Там же. Л. 40–40 об.

Также любопытно наблюдение о священнике Александре Плавтове, сделанное в начале XX в. одним из миссионеров братства св. Василия. Миссионер писал, что Плавтов перешел к староверам «будто бы из-за каких-то неприятностей, грозивших ему даже судом. У раскольников, несмотря на пьяный образ жизни и даже какие-то антиканонические поступки, ему живется, по-видимому, сытно и привольно. При приезде к Рязанским беглопоповцам на нем видели такую дорогую одежду и беглопоповцы устраивали ему такую торжественную встречу, что «ему позавидовал бы сам архиерей»¹¹.

В итоге, священник Александр Плавтов, находящийся под запретом с 1896 г., 4 марта 1908 г. за систематический отказ о принесении покаяния в связи с переходом к старообрядцам-беспоповцам Рязанской консисторией был лишен сана. 31 марта Св. Синод утвердил это решение¹². Однако это решение не смутило «беглого» клирика, поскольку Плавтов продолжал именовать себя священнослужителем, но заштатным, Рязанской епархии. Так, в 1913 г. Плавтов, в своем заявлении о регистрации по месту жительства волостному начальству Енисейской губернии, именует себя заштатным священником Рязанской епархии¹³. Дальнейшая судьба Плавтова неизвестна.

Проанализируем третий из известных случаев перехода клирика Рязанской епархии в старообрядчество.

5 декабря 1898 г. в Рязанскую консисторию поступило донесение от пристава 2 Жиздринского стана Калужской губернии (фамилия указана неразборчиво). В нем сообщалось, что 1 декабря 1898 г. к приставу явился крестьянин с. Вербежичи Кургановской волости Константин Семенов (старообрядец) с заявлением о том, что с 30 ноября в его доме проживает «беглый поп» Иоанн Яблонев и правит по их обряду требы. Крестьянин испрашивал законное разрешение на проживание этого человека в их местности. По выяснению было определено, что Яблонев являлся клириком Рязанской епархии и добровольно перешел к беглопоповцам-староверам. Однако, когда было вынесено решение о задержании священника Иоанна, тот удалился из села в неизвестном направлении. Семенов сообщил, что священника они вызвали из Москвы¹⁴.

Иван Иванович Яблонев родился 24 ноября 1863 г. (35 лет) в семье священника. Окончил Рязанскую семинарию (1885 г.). После выпуска в течение трех лет занимал должность псаломщика в храме Входа Господня в Иерусалим г. Рязани. 20 июля 1888 г. архиепископом Феофистом (Поповым) был рукоположен в священный сан и назначен в приход с. Аннино Михайловского уезда. 16 февраля 1897 г. по собственному прошению переведен в приход с. Дурное Пронского уезда, а через несколько месяцев перемещен в с. Коленцы того же уезда, но от перевода отказался и остался без места служения. В семействе у него было пятеро несовершеннолетних детей¹⁵.

23 декабря 1898 г. последовал указ святителя Мелетия (Якимова) о запрещении в служении священника Иоанна Яблонева. На просьбы жены Яблонева Александры Васильевны о выдаче паспорта мужу 11 января 1899 г. Рязанская консистория отказала. Тем не менее, супруга настаивала и в итоге она все же добилась своего, и 22 марта Яблоневу был выдан бессрочный паспорт с пометкой о том, что он запрещенный клирик Рязанской епархии¹⁶.

Узнав о своем прещении, Яблонев 21 июля пишет возмущенное письмо в Рязанскую консисторию, в котором утверждает, что указание в паспорте о его запрещении в служении незаконно и оскорбляет его как гражданина, ограничивая в правах (непознанию каких, поскольку, перейдя в официально не признанную государством религиозную конфессию, он канонически переставал быть клириком государственной церкви

¹¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 239. Д. 93. Л. 8.

¹² Там же. Оп. 156. Д. 35. Л. 173–185 об.

¹³ Там же. Л. 232.

¹⁴ Там же. Оп. 157. Д. 35. Л. 1–2 об.

¹⁵ Там же. Л. 50.

¹⁶ Там же. Л. 7–10 об.

и не имел права совершать какие-нибудь обряды и таинства). Свои выводы Яблонев обосновывал тем, что какого-либо суда над ним еще не было. Основной его просьбой было выдать ему старый паспорт без указаний о запрете. Весьма странно звучит требование священника И. Яблонева, выраженное следующим образом: «Объявить мне: а) сделано ли было запрещение мне в священнослужении и каким образом, б) когда оно сделано и в каком смысле понимать “запрещение в священнослужении”»¹⁷.

Ответ консистории от 23 июля был лаконичным. Было указано, что он запрещен распоряжением епархиального архиерея от 23 декабря 1898 г., в выдаче другого документа ему было отказано, а «слова — “запрещение в священнослужении” имеют прямое значение, и понимать из следует в буквальном смысле»¹⁸.

В апреле 1903 г. Яблонев был взят на заметку Московской консисторией, поскольку совершенно открыто совершал служение у беглопоповцев. Московское епархиальное начальство провело собственное расследование. Следователем был назначен священник Александр Крылов. Дознание шло с 21 апреля по 1 сентября. Копии материалов следствия были переданы в Рязанскую консисторию.

Никто из опрошенных свидетелей (старообрядцев) не отрицал, что священник Яблонев совершал у них службы и требы. Были указаны и места, где он проживал и служил. То же самое подтверждали православные свидетели. Любопытно, Яблонев для доказательства своего священства показывал всем копию из формулярного списка, где не было указано, что он запрещенный клирик Рязанской епархии, паспорт же никому не показывал, ссылаясь на то, что его нет. При допросе сам бывший рязанский клирик сообщил, что перешел к старообрядцам из-за нищенского своего положения, обвинял епархиальное начальство в нежелании участвовать в его жизни (отказывали в назначении на другие места), поэтому решил вместе с семьей перебраться в Саратовскую губернию (1898 г.) и служить у беспоповцев, через полгода перебрался на постоянное жительство в Москву, откуда и ездил по губерниям, служа у старообрядцев. Каким чином его приняли староверы, он не сообщил, сославшись на то, что не помнит, так как был в восторженном состоянии духа.

Показания были взяты также и у жены священника Александры Васильевны Яблоневой. Все ее доводы сводились к тому, что виновато в уходе мужа к старообрядцам Рязанское епархиальное управление, а в особенности епископ Мелетий (Якимов). Именно они погубили Яблонева. Сначала не удовлетворили просьбу о перемещении на другой приход, а в дальнейшем — отправили в запрет. По ее мнению, необходимо было не накладывать прещение в служении, а разрешить (!) свободно перейти к беглопоповцам, тем самым проявить свою архиерейскую мудрость¹⁹.

В сентябре, после проведения следствия, Яблонев исчезает из поля зрения Московской консистории. В итоге никаких репрессивных мер к нему не было применено.

Последнее упоминание о священнике И. Яблоневе относится к 20 ноября 1906 г., когда Московская городская управа запросила о нем сведения у Рязанской консистории. Ответ от 27 ноября был следующим: «...О месте жительства безмездного священника Иоанна Яблонева, новых сведений об адресе того же безмездного священника Яблонева не поступало в консисторию»²⁰.

Проведенный анализ выявленных случаев перехода священнослужителей Рязанской епархии в старообрядчество показывает, что, в основном, «бегство» клирика к староверам было обусловлено исканием материальной выгоды. Так же, немаловажным, был фактор освобождения от «властной опеки» епархиального начальства. Известно, что у старообрядцев-беглопоповцев до революции 1917 г. не существовало епископата, тем более консистории (трехчастная иерархия учреждена была только 4 ноября 1923 г.), управляли общиной соборно (во главе старший священник и уважаемые люди общины), получалось, священник являлся высшей сакральной властью,

¹⁷ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁸ Там же. Л. 13 об.–14.

¹⁹ Там же. Л. 32–51.

²⁰ Там же. Л. 54–54 об.

что не могло не прельстить амбициозного и «недооцененного» клирика. Так, Иляхинский открыто заявлял, что не желает появления у беглопоповцев епископата, поскольку не хотел вновь подчиняться власти епископа, Плавтов самовольно устанавливал для себя церковные правила, не взирая на предупреждения священноначалия, а Яблонев с самого начала своего служения шел в клир зарабатывать деньги, а когда не получилось, то просто сменил «место работы». Он даже не заявлял, что шел к староверам искать истину, а открыто признавался, что материальная нужда послужила причиной ухода из православия. Но всех троих «героев» объединяло одно — тяжелое финансовое положение, которое они существенно исправили за счет богатых спонсоров из среды старообрядцев.

Источники и литература

1. Государственный архив Рязанской области (далее — ГАРО). Ф. 627. Оп. 156. Д. 35. Дело о переходе в раскол священника села Пирочи, Зарайского уезда, [Александра] Плавтова [1897 г.].
2. ГАРО. Ф. 627. Оп. 157. Д. 35. Дело о переходе (о уклонении) в раскол священника (Иоанна) Яблонева села Дурново Пронского уезда [1898–1906 гг.].
3. ГАРО. Ф. 627. Оп. 239. Д. 93. Отчет о состоянии расколо-сектантства и внутренней православной миссии в Рязанской епархии за 1909 г.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI, отд. 1: 1841. СПб., 1842. 924 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1689. Отчет о состоянии Рязанской епархии за 1897 г.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Диакон Николай Борисов

**Отчеты обер-прокурора, епархиального преосвященного
и начальника губернии как источник
по провинциальной церковной истории
(на примере отчетной документации
по Черниговской губернии и епархии)**

УДК 271.2-9:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_76
EDN RPCJJU

Аннотация: При изучении позднесинодального периода в истории Русской Церкви исследователи зачастую используют официальную отчетную документацию второй половины XIX — начала XX вв. К ней можно отнести отчеты обер-прокурора Св. Синода, отчеты о состоянии епархий и отчеты начальников губерний, последние из которых в данной области исследования используются крайне редко. Необходимо отметить, что иногда во всех 3-х видах документации приводится информация об одних и тех же предметах, при этом подобные сведения разнятся в зависимости от типа источника. В данной статье на примере Черниговской губернии и епархии прослеживается, какие сведения о церковной жизни содержатся в отчетах о состоянии губернии и как они соотносятся с данными, предоставляемыми епархиальным начальством и обер-прокурором Синода. Также с учетом специфики каждой группы источников производится попытка определить, какая группа документов дает наиболее точные и достоверные сведения по провинциальной церковной истории.

Ключевые слова: Российская империя, Русская Православная Церковь, обер-прокурор, губернатор, епископ, Черниговская епархия, отчет, приход, паства.

Об авторе: **Диакон Николай Юрьевич Борисов**

Магистр теологии, аспирант, методист кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

Для цитирования: Борисов Н. Ю., диак. Отчеты обер-прокурора, епархиального преосвященного и начальника губернии как источник по провинциальной церковной истории (на примере отчетной документации по Черниговской губернии и епархии) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 76–87.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Deacon Nikolai Borisov

**Reports of the Chief Prosecutor, the Diocesan Bishop
and the Governor of the Province as a Source
for Provincial Church History
(Based on the Example of Reporting Documentation
for the Chernigov Province and Diocese)**

UDC 271.2-9:930.2

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_76

EDN RPCJJU

Abstract: When studying the late synodal period in the history of the Russian Church, researchers often use official reporting documentation from the second half of the 19th – early 20th centuries. These include reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, reports on the state of dioceses and reports of governors, the latter of which are extremely rarely used in this area of research. It should be noted that sometimes all 3 types of documentation provide information on the same subjects, while such information varies depending on the type of source. In this article, using the example of the Chernigov province and diocese, we trace what information about church life is contained in reports on the state of the province and how it correlates with the data provided by the diocesan authorities and the chief prosecutor of the Synod. Also, taking into account the specifics of each group of sources, an attempt is made to determine which group of documents provides the most accurate and reliable information on provincial church history.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, chief prosecutor, governor, bishop, Chernigov diocese, report, parish, flock.

About the author: **Deacon Nikolai Yuryevich Borisov**

Master of Theology, postgraduate student, methodologist of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

For citation: Borisov N. Yu., Deacon. Reports of the Chief Prosecutor, the Diocesan Bishop and the Governor of the Province as a Source for Provincial Church History (Based on the Example of Reporting Documentation for the Chernigov Province and Diocese). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 76–87.

Отчеты губернаторов — важный источник по региональной истории Российской империи. В разное время они привлекали внимание исследователей. Конечно, возникали сомнения по поводу достоверности содержащихся в них сведений, но исследователи всегда отмечали важность данного источника при изучении различных сфер жизни общества имперской России. Видимо, сам характер этого вида, широкий круг приводимых в нём сведений побуждал обращаться к нему, анализировать его содержание. Самое фундаментальное описание губернаторских отчётов как исторического источника было сделано еще в 60–70-е гг. XX в. такими специалистами, как Б. Г. Литвак¹ и Н. П. Дятлова², то есть, на данный момент в исторической науке сложилось представление об их специфике.

В рассматриваемом в данной статье вопросе важны 2 аспекта, раскрытые упомянутыми выше учеными. Во-первых, это история формирования и изменения структуры отчетов начальников губерний во второй половине XIX — начале XX вв., которая помогает определить, какие именно сведения должны содержать данные документы (именно должны, так как существовали случаи отхождения от шаблона). Во-вторых, важно привести время их написания и предоставления в высшие структуры, чтобы понимать, со сведениями на какую конкретную дату имеет дело исследователь. Это особенно важно при сопоставлении сведений по одному и тому же предмету, приводимых и в епархиальных, и в губернских отчетах: при незначительных разночтениях дата может иметь решающее значение для «примирения» данных двух видов.

Что касается формирования структуры, то, в первую очередь, в рамках данного исследования следует упомянуть об «Общем наказе Гражданским Губернаторам» от 3 июня 1837 г., который, по утверждению Б. Г. Литвака, дожил без особых изменений до 1870 г.³ Параграф 319 данного законодательного акта содержал особый формуляр, по которому в дальнейшем должны были составляться подобные документы. Для церковной истории интерес представляют в той или иной степени две статьи: 4-я — «состояние народной нравственности, умножение или уменьшение числа преступлений...», 13-я — «состояние учебных заведений...»⁴

Связано это, прежде всего, с охватом ими сфер жизни Церкви: в ст. 4. вместе с преступлениями приводилось и число раскольников, также могли сообщаться некоторые особо важные происшествия из их жизни. Кроме того, в подпунктах е) и ж) указывалось, какое число лиц присоединено к Православию и просвещено Святым Крещением⁵. Конечно, в этой части отчетов встречаются и сведения о преступлениях священно-, церковнослужителей, преступления, направленные против них, как, например, покушения на убийство, грабежи, а также о преступлениях против Церкви (церковные кражи и богохульство), но такое наблюдается крайне редко в качестве иллюстрации чрезвычайных происшествий в губернии.

В ст. 13 наряду со сведениями о государственных образовательных учреждениях приводились данные о духовной семинарии, духовных уездных училищах и церковно-приходских школах, а также об иноконфессиональных учебных заведениях⁶.

Следует отметить, что подобные сведения редко выходят за рамки статистики, т. е., представляют из себя «сухие» цифры.

¹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX начала XX в. М.: Наука, 1979; *Его же*. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976. М.: Наука, 1977. С. 125–144.

² Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 4–6 февраля 1964 г. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

³ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 146.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 12. Ч. 1. С. 431.

⁵ РГИА (далее — Российский государственный исторический архив). Ф. 1281. Оп. 7. 1866 г. Д. 27. Л. 21–21 об.

⁶ Там же.

Аналогичный характер имеют и связанные с каждой частью отчета ведомости, ежегодно предоставляемые губернаторами как приложение, подкрепляющее числовыми показателями написанное в основной части. Структура подобного дополнения была утверждена циркуляром Министерства внутренних дел 1842 г.⁷ Она была приведена и проанализирована Б. Г. Литваком⁸. Среди них заслуживают внимания следующие ведомости: 3-я — ведомость делам по Губернскому правлению, продолжающимся более трех лет, 15-я — статистические сведения, 23-я — о состоянии народонаселения в губернии, 24-я — о числе и роде преступлений, 25-я — о раскольниках по различным их толкам, 26-я — об иноверцах и 27-я — о замечательных происшествиях, случившихся в губернии. Здесь могут содержаться сведения о делопроизводстве, касающемся священно- и церковнослужителей (№ 3), о количестве каменных и деревянных храмов по губернии (№ 15), о числе лиц, относящихся к духовному сословию с разделением на семьи священнослужителей, семьи церковнослужителей и монашествующих мужского и женского пола (№ 23), о количестве святотатств (№ 24), о раскольниках (№ 25), о числе иноверцев с разделением по уездам и по полу (№ 26) и о пожарах в церквях (№ 27)⁹.

Если сравнивать вышеуказанные отчеты с отчетами епархиальных преосвященных о состоянии епархий, то в них иногда дублируются данные по 4-й (число лиц, присоединившихся к православию) и 13-й (сведения об учебных заведениях) статьях основной части, а также по 15-й (общее число храмов) и 23-й (о числе монашествующих) ведомостях приложения. Другие же сведения подкрепляют епархиальную отчетную документацию описательного характера числами.

Конечно, каждый год могла приводиться разная информация, но отчетность за вторую половину 60-х гг. XIX в. демонстрирует то, что губернское и епархиальное начальство при возможности старалось не дублировать одни и те же сведения. Но даже при маленьком проценте совпадений замечается важная проблема. Она заключается в том, что дублирующиеся данные иногда разнятся. Существенные отличия, как в случае с числом приходских училищ, могут иметь основой разное понимание светским и церковным начальством того, что является приходским училищем, каким критерием должно отвечать данное учебное заведение.

Небольшие различия могут быть связаны, например, с датами составления отчетов, так как составители в разное время имели дело с разными цифрами. Отчет о состоянии губернии должен был предоставляться «Государю Императору, при особом всеподданнейшем рапорте Начальника губернии, к 1 марта каждого года»¹⁰. Естественно, из разных губерний данные документы шли разное время, то есть в зависимости от расстояния и уровня организации почты на местах должна была зависеть и дата составления отчета, а также начало сбора необходимой для его написания информации. В случае с Черниговым, судя по датам составления отчетов и штампам с датой их поступления по назначению, их путь составлял от 5 до 7 дней, то есть формирование данной документации предполагалось не позднее 20-х чисел февраля.

Здесь необходимо упомянуть о нарушениях и ошибках, которые имели место быть при подобном делопроизводстве, как в губернском, так и в епархиальном управлении. Первым, конечно, можно назвать задержку в предоставлении сведений в Министерство внутренних дел и лично императору¹¹. Весьма вероятно, в некоторых случаях канцелярия генерал-губернатора не успевала составить отчет в отведенное время, так как не приходили сведения из местных учреждений. Но бывали случаи, когда губернское начальство не дожидалось подобных «опаздывающих»,

⁷ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т. 1. СПб., 1854. С. 335–374.

⁸ Литвак Б. Г. О достоверности сведений... С. 144.

⁹ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел... С. 337, 340, 358, 368–372.

¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 12. Ч. 1. С. 431.

¹¹ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник... С. 242.

отправляя документацию с объяснением в таких случаях, что сведения не предоставлены, а то и вообще маскируя пробелы приблизительными «точными» данными¹². Следует отметить, что по церковной части данное упущение почти никогда не встречается: духовные консистории исправно предоставляли необходимые данные как для составления губернских, так и для составления епархиальных отчетов.

Такие неполные отчеты губернаторов по причине крайне ограниченного срока предоставления, по мнению Н. П. Дятловой, могли приводить к неудовлетворительной обработке статистических сведений и, как следствие, их недостоверности. Причем, разница была очевидной, когда сравнивали идентичные отчеты в Министерство внутренних дел и в Комитет министров, последний из которых представлялся ровно на 2 месяца позже¹³. За это время губернское руководство успевало собрать большую часть сведений и проанализировать их на предмет достоверности. Конечно, даже в этом случае губернское начальство при составлении отчетов не придерживалось строгой формы, не вносило часть данных в отчетную документацию. Это отступление от норм усложняет труд исследователя в данной области. Например, Б. Г. Литвак указывает, что с 1864 г. в обязанности уездного полицейского управления входит составление ведомостей о находившихся в уездах церквях и монастырях¹⁴. Однако это не нашло отражения в большинстве отчетов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: чтобы составить полный отчет в нужное время необходимо начинать сбор сведений до окончания отчетного года, то есть не на 1 января следующего года, а на начало декабря или середину ноября, что приводило к неточностям в статистике и отталкивающимся от неё текстам самих отчетов.

Именно поэтому в случае с документацией до второй половины 1860-х гг. следует более доверять отчетам, посланным в Комитет Министров к 1 мая, а не в Министерство внутренних дел и императору к 1 марта. Неплохой способ интуитивно наметил Б. Г. Литвак, сравнивая отчет обер-прокурора, основанный на предоставляемых местной духовной консисторией данными, с губернским отчетом¹⁵. Конечно, это упрощенная модель: даже на самом высоком уровне цепи могла быть допущена ошибка, поэтому каждая группа источников должна быть соотнесена с другими группами.

Необходимо отметить, что на основании даты предоставления губернские отчеты могут делиться только до 1867 г., так как по приводимому Н. П. Дятловой циркуляру Министерства внутренних дел срок их предоставления был изменен с 1 марта на 1 мая¹⁶, т.е., теперь обе рассматриваемые группы губернской документации сводились в одну. Это нововведение сохранилось и после издания в 1870 г. «Высочайше утвержденных форм или программ для составления губернаторских отчетов» (для отделенных губерний предоставлялся срок до 1 июля)¹⁷.

Что касается отчетов о состоянии епархий, то ситуация складывалась подобным образом. Изначально предполагалось, что они должны предоставляться к началу нового года или к последним числам января. Указом от 31 декабря 1837 г. предписывалось присылать в синодальную канцелярию ведомости со статистическими данными о состоянии епархии не позже первых чисел февраля¹⁸. Сами отчеты по указам 21 октября 1847 г. и 13 марта 1862 г. предоставлялись до конца января¹⁹. Конечно, за такое время невозможно было собрать сведения о состоянии епархии на 31 декабря. Некоторые архиереи составляли их даже раньше. Например, отчет о состоянии Черниговской епархии за 1865 г. был подготовлен 22 декабря 1865 г.,

¹² Литвак Б. Г. О достоверности сведений... С. 135.

¹³ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник... С. 242.

¹⁴ Литвак Б. Г. О достоверности сведений... С. 137.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник... С. 242.

¹⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 45. Ч. 1. С. 858.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 1343. Л. 16.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1759. Л. 1 об.-2.

а получен в синодальной канцелярии 3 января 1866 г.²⁰ Но были и другие случаи: иногда епархиальные преосвященные присылали их позже, чем обер-прокурор представлял свой отчет²¹. Во избежание подобных недоразумений 23 ноября 1865 г. был издан указ, по которому отчетную документацию о состоянии епархий необходимо было предоставлять к 1 апреля²². То есть отводилось еще 2 месяца, за которые вполне возможно было собрать необходимую документацию для составления отчета, хотя и в этих случаях просрочка подачи была частым явлением.

Таким образом, по срокам, отведенным на предоставление, епархиальная отчетность должна была опережать губернскую на месяц. Это отличие в данном случае не может играть существенной роли при объяснении различий между означенными 2 группами источников. Однако, ситуация, складывавшаяся до 1865 г., ставит под сомнение предложенную Б. Г. Литваком систему проверки: епархиальная отчетность до этого времени была неполной. После же указанной даты такой метод уместен при учете, что отчеты предоставлялись в установленный срок, а такое бывало нечасто.

Здесь следует вернуться к истории формирования структуры губернских отчетов, чтобы определить изменение уровня достоверности источника и сведений, которые дублировались в других группах. По вышеуказанным формам 1870 г. они делились по-прежнему на 2 части, только теперь они представляли собой более короткий документ из 9 пунктов с приложением, именующимся с этого момента обзором губернии. Сам отчет теперь содержал только сообщения, достойные внимания императора, т. е., необычные и чрезвычайные (к этому присовокуплялись выводы о главных нуждах населения и о возможных методах по их удовлетворению), из-за чего его объем значительно сократился. Обзор же, в свою очередь, тоже делился на 2 отдела: разделенное на 6 статей описание различных сторон жизни губернии и 16 ведомостей, подкрепляющих статистическими данными описание²³.

Таким образом, при изучении истории епархии отчет не представляет интерес за исключением описания некоторых интересных случаев и общих замечаний. Например, в случае с Черниговом к ним могут относиться упоминание местного губернатора С. В. Шаховского о том, что для предотвращения антиеврейских погромов в 1881 г. предполагалось использовать духовенство, которое, однако, как и большая часть дворянства не проявляла рвения к этому²⁴. Другим примером может служить мнение о земских школах, высказанное его преемником на губернаторской должности А. К. Анастасьевым: «Земские школы далеки по духу от тех школ, которые действительно нужны народу и ныне устраиваются в виде церковно-приходских школ, которые воспитывали бы молодое поколение... в правилах любви к Богу, Престолу и Отечеству, в твердой вере и чести»²⁵.

Но такие упоминания носят единственный характер, тем более они отражают лишь мнение о том или ином предмете церковной жизни без подкрепления фактическим материалом.

Обзоры же представляют более богатый фактический материал по региональной истории Церкви. В ст. 3 (Общественное благоустройство и благочиние) включались статистические данные о раскольниках с описанием замечательных случаев их присоединения к православию, отношения к местным властям и православному населению, а также характера раскола (по толкам)²⁶. Кроме того, в данном пункте помимо указанного законодательством Черниговские губернаторы приводили сведения о присоединившихся к православию из других исповеданий²⁷. Следует отметить, что в данной

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 40. Ч. 2. С. 183.

²³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 45. Ч. 1. С. 858–865.

²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. 1882 г. Д. 368. Л. 7 об.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 485. Л. 7.

²⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 45. Ч. 1. С. 862.

²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. 1881 г. Д. 368. Л. 27.

статье помещалась информация о числе и роде преступлений, однако в случае с Черниговской губернией здесь не было статистики по количеству преступлений против веры (богоулений и порицаний веры, а также святотатства), сообщение о которой не было обязательным, но в случае с отчетами по Черниговской губернии нашло свое место в прилагавшейся к ней ведомости № 5²⁸.

В ст. 5 (Народное просвещение) сообщалось число духовных учебных заведений (семинарий, мужских и женских училищ) с приведением статистики роста учащихся в каждом из них за год²⁹. Более подробные сведения об этом приводились в ведомости № 8, где также находились данные о числе церковно-приходских школ (школы при церквях и домах священно- и церковнослужителей). При этом все учебные заведения были разделены по принципу местонахождения (в губернском, уездном или заштатном городе, в уезде и пр.)³⁰.

Кроме того, в ведомости лит. А приводились сведения о количестве лиц духовного сословия с разделением на черное и белое духовенство так же с распределением по городам и уездам³¹, в ведомости лит. Б — о числе населения по вероисповеданиям (по данным переписи за год, если таковая проводилась)³², в ведомости лит. В — о раскольниках, в ведомости лит. Г — число православных и неправославных церквей и монастырей, синагог и мечетей³³. Следует отметить, что ведомости под литерами в случае с отчетами по Черниговской губернии можно увидеть крайне редко: губернская канцелярия, видимо, составляла только номерные приложения к статьям.

Таким образом, относительно жизни Черниговской епархии отчетная документация губернии после 1870 г. с незначительными изменениями предоставляет тот же круг информации, что и ранее: участие духовенства в чрезвычайных происшествиях, заслуживающих внимания министров, сведения о раскольниках и иноверцах, об их присоединении к православию, данные о духовных учебных заведениях и церковно-приходских школах, а также о числе преступлений против веры (богоульство и церковные кражи). При этом некоторые части носят описательный характер, не являясь сухой статистикой, что, как минимум может позволить исследователю прояснить некоторые особенности отношения светской власти к епархиальным учреждениям и местному духовенству, а как максимум — дать объективное нешаблонное повествование о тех или иных событиях.

Говоря о статистике, следует рассмотреть, насколько она совпадает с епархиальными данными, приводимыми в отчетах епархиальных преосвященных. Как и раньше, сведения по многим предметам не дублируются, а, скорее, дополняют друг друга, то есть об одних и тех же предметах говорится совершенно разное. В документации за 1870 г. дублируются сведения только по одному предмету: число лиц православного исповедания. По губернскому отчету таковых в отчетном году насчитывалось 1545233 человека³⁴, а по епархиальным данным — 1563106³⁵. С учетом же единоверцев православная паства составляла 1569445 душ обоюбого пола³⁶. Такое расхождение в данных невозможно объяснить ничем, кроме как ошибками при составлении ведомостей.

Но это был первый год составления отчетов по новой форме, новый опыт. Как показывает дальнейшая практика, губернское начальство никогда строго не придерживалось новой программы. Возможно, это было вызвано тем, что губернатор не хотел сообщать то, что доходило до сведения министерств по другим каналам. Поэтому из всех интересующих нас пунктов в отчете за 1871 г. не находится ни одного: исследователь

²⁸ Там же. Л. 45 об.-46.

²⁹ Там же. Л. 31.

³⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 45. Ч. 3. С. 298.

³¹ Там же. С. 285.

³² Там же. С. 286.

³³ Там же. С. 287.

³⁴ Обзор Черниговской губернии за 1870 г. Чернигов, 1871. С. 6–7 (табл.).

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Л. 44.

³⁶ Там же.

на данном уровне располагает только сведениями, которые предоставил в Св. Синод епархиальный преосвященный, но они, к сожалению, не содержат того материала, который должен был сообщаться в отчете губернатора (отчет о состоянии Черниговской епархии в 1871 г. по форме ничем не отличается от отчетов предыдущих лет).

По поводу осведомленности министерств о положении на местах из других каналов следует сделать небольшое отступление, сравнив епархиальные и губернские данные с теми, что приводились в извлечениях из отчета обер-прокурора Св. Синода. По поводу количества монастырей сведения совпадают с теми, что предоставил Черниговский архиерей. Это неудивительно, ведь в отчеты обер-прокурора включались данные из ведомостей, предоставляемых в синодальную канцелярию вместе с отчетами о состоянии епархии.

По поводу числа монашествующих показатели расходятся с губернской документацией: обер-прокурор сообщает о 678 монашествующих, включая послушников и послушниц (280 мужского и 398 женского пола)³⁷. Это в 1,5 раза меньше, чем указано губернатором (1061 человек). Такое расхождение будет сохраняться и в отчетных документах за последующие годы. Проблема видится в том, что епархиальное начальство предоставляло в Св. Синод только сведения о штатных насельниках монастырей, оставляя без внимания число заштатных монахов. Губернатор же указывал общее число насельников, возможно, включая в их число и послушников, и заштатных монахов. Различия особенно касаются женских монастырей, что вполне логично, учитывая всплеск женского монашества в Российской империи: монахинь было больше, нежели предполагалось по штату. Так что подобные различия при тщательной проверке можно объяснить большим количеством заштатных насельников. Таким образом, по этому вопросу следует опираться на цифры губернаторских отчетов, а при рассмотрении штатов монастырей лучше обращаться к информации, содержащейся в отчетах обер-прокурора.

Число лиц православного исповедания в обер-прокурорской документации также совпадает со статистическими данными, приводимыми епархиальным начальством³⁸, а потому не совпадает с губернской отчетностью по данному вопросу. Видимо, главным источником, вызывающим больше доверия, в этом случае считались донесения Черниговского архиерея. Необходимо отметить, что пункт о числе лиц православного исповедания исчезает со страниц отчетов Черниговского губернатора на последующие 30 лет. Следует отметить, что через год после возобновления отчетности по этому вопросу (1896 г.) появляется графа о количестве лиц духовного сословия всех исповеданий³⁹.

Если пытаться объяснить несоответствия, можно прийти к следующему выводу: обер-прокурор не опирался на присылаемые ему приложения к губернаторским отчетам (обзоры), но учитывал внутреннюю документацию по своему «ведомству». В результате получается 2 группы (линии) источников: церковная и светская. Вершина 1-й (канцелярия обер-прокурора) почти не учитывает сведения 2-й (губернскую статистику), хотя имеет их в своем распоряжении. Можно лишь догадываться о причинах недоверия к губернской документации в церковном ведомстве. Получилось так, что на данном этапе советские исследователи и церковное руководство несколькими десятками лет ранее по тем или иным причинам были едины в своем недоверии официальной статистике. Но справедливо ли это? Какая статистика является более точной? Вопрос остается открытым, хотя исследователи советского периода, редко пользовавшиеся церковной статистикой, доверяли ей больше, нежели светской.

Что касается церковно-приходских школ, то здесь дело обстоит намного лучше. В 70-е гг. XIX в. статистика по их количеству с небольшими отклонениями совпадает во всех 3-х видах отчетной документации. В следующее десятилетие данные начинают значительно разниться. Видимо, во избежание подобных различий в статистике почти на 5 лет данные о церковно-приходских школах исчезают со страниц отчетов

³⁷ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. Приложения. СПб., 1872. С. 3, 7.

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ Обзор Черниговской губернии за 1896 г. Чернигов, 1897. С. 15–16.

о состоянии губернии. Также следует отметить, что является совершенно неясным вопрос о различиях по данному пункту между епархиальными отчетами и отчетами обер-прокуроров. В случае с губернаторскими отчетами можно было предположить, что они опирались на другие источники сбора информации. В ситуации с отчетами обер-прокурора такого предположить нельзя, так как они опирались на епархиальную отчетность. Это видно из числа обучающихся в церковно-приходских школах, которое всегда совпадало.

К концу 80-х гг. из отчетов обер-прокурора (К. П. Победоносцева) исчезают статистические данные о количестве церковно-приходских школ, но они вновь появляются в губернской отчетности. При этом до середины 90-х гг. показатели не сильно отличаются от сведений, сообщаемых Черниговским правящим архиереем. Но к 1896 г. наблюдается история, известная с 60-х гг.: губернатор приводит число втрое меньше, нежели местный епископ⁴⁰. Вывод очевиден: возможно, у губернского и епархиального руководства расходились взгляды по вопросу, что из себя должна представлять церковно-приходская школа (губернское руководство поменяло свою позицию, вновь не относя школы грамоты к церковно-приходским). Возможно, канцелярия губернатора перестала опираться на сведения, присылаемые в нее из духовной консистории (в первой половине десятилетия, возможно, было именно так, так как в 1889 г. данные по этому пункту совпадают в обоих отчетах).

Все же в данном случае следовало бы опираться на епархиальную отчетность как более подробную и содержательную, хотя с оглядкой на то предположение, что руководством епархии в эпоху массового открытия церковно-приходских школ при К. П. Победоносцеве могли просто завышаться показатели.

С 1895 г. в отчетах губернаторов приводятся данные о населении губернии по сословиям (духовенство всех исповеданий числится отдельной графой), а также по вероисповеданиям с дублированием их в отчете обер-прокурора, при сравнении со сведениями из которого вновь возникают несоответствия. Например, за 1896 г. губернаторская документация приводит почти на 134 тысячи человек больше, чем обер-прокурор⁴¹. Интересно, что в следующем 1897 г. по сведениям всеобщей переписи населения Российской империи приведена цифра 2129924 православных жителей, включая единоверцев⁴², что на 88 тысяч меньше цифры губернского отчета за тот же год: губернское начальство отчиталось о 2217385 лицах православного исповедания⁴³. При этом ближе к данным переписи стоят числа из отчета обер-прокурора: по нему в 1897 г. в Черниговской губернии было 2091190 православных⁴⁴. Вместе с единоверцами их число приближается к 2100000, а если принять во внимание, что часть старообрядцев могла не учитываться и вноситься в списки как православные и во всеобщей переписи, то сведения в этих двух источниках совпадают. Следует отметить, что Черниговские епархиальные преосвященные после 1870 г., хотя и не сообщали о числе своей паствы, но зато постоянно предоставляли сведения об ее увеличении, так что при суммировании этих данных за предыдущие годы можно также получить определенный результат, с помощью которого возможно проверить информацию из других групп источников.

В результате при проведении проверки представляется более предпочтительным доверять данным переписи и отчета обер-прокурора, хотя, опять же, с оговорками, что оба источника могут содержать ошибки, несмотря на то, что не зависят друг от друга.

⁴⁰ Там же. С. 62; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1653. Л. 67–67 об.

⁴¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. Приложения. СПб., 1899. С. 15; Обзор Черниговской губернии за 1896 г. Чернигов, 1897. С. 16.

⁴² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 48: Черниговская губерния. СПб., 1905. С. 3.

⁴³ Обзор Черниговской губернии за 1897 г. Чернигов, 1898. С. 14.

⁴⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год. Приложения. СПб., 1901. С. 15.

По остальным пунктам отчетности за четверть века можно сделать следующий вывод: в случае со сведениями о раскольниках лучше ориентироваться на неточные епархиальные показатели, если они выше губернских. В случае с присоединившимися к православию следует использовать отчеты обер-прокурора Св. Синода. Вопрос по отражению сведений об учебных заведениях Черниговской епархии (духовной семинарией, уездными училищами и церковно-приходскими школами) нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. На данном этапе более предпочтительным представляется использование церковной статистики (епархиальных и обер-прокурорских отчетов).

Следующее изменение в законодательстве по поводу губернской отчетности произошло 11 апреля 1897 г., когда была принята новая Программа для составления губернаторских отчетов⁴⁵. В данном акте говорилось: «В отчете... должно быть изъяснено в кратком и связном очерке, без излишних цифровых данных и подробностей, чем именно отразился... отчетный год на различных сторонах материальной, умственной и нравственной жизни губернии... предоставляется указывать в отчете важнейшие за отчетный год явления местной жизни»⁴⁶. Как видно, рекомендации по составлению не изменились с 1870 г., но теперь от этой структуры зависели и приложения к всеподданнейшему отчету: «В [нем] должны быть помещены подробно и обстоятельно разработанные статистические данные, служащие подтверждением... изложенных в отчете выводов»⁴⁷.

Можно сказать, что ничего принципиально нового данный законодательный акт не привнес: например, Н. П. Дятлова свидетельствует, что в случае с обзорами Центральный статистический комитет давал указание представлять их в министерства впредь до утверждения новой программы по прежней форме 1870 г., а новая программа за последующие 20 лет так и не была принята⁴⁸.

Следует отметить, что в новых условиях число ведомостей могло варьироваться, но, как показывает практика, подобное происходило и ранее, поэтому в данном случае можно говорить лишь о законодательном закреплении подобного беспорядка, который чаще зависел от личности губернатора, нежели от закона.

Утверждение же такого принципа привело к большому беспорядку и в самих отчетах: многие губернаторы во избежание путаницы продолжали придерживаться старого порядка их изложения, а в отчетности других наблюдался ещё больший разноречивостью. Это не было устранено и после издания в 1901 г. циркуляра, разъясняющего основные требования программы 1897 г.⁴⁹

В случае с отчетами о состоянии Черниговской губернии можно говорить о сохранении формы обзоров образца 1895 г. с небольшими изменениями (с отражением сословной и «вероисповедной» статистики, а также с указанием числа храмов, монастырей и часовен) и изменении формы самих отчетов. При этом сведения о церковной жизни, как и раньше, носят в них единственный характер.

Статистические же данные из разных групп источников в рассматриваемый период все так же не соотносятся между собой. Прогресс в этом вопросе наблюдается в сведениях о духовных учебных заведениях: по семинарии статистика совпадает или незначительно разнится. По церковно-приходским школам соответствие по-прежнему зависит от решения губернского руководства о включении в их число школ грамоты. Сведения о числе лиц православного исповедания продолжают разниться в разных видах отчетности до конца рассматриваемого периода. Это в полной мере касается и статистики по числу рожденных, умерших, количеству браков, а также по числу духовенства. При этом лиц духовного сословия в губернской статистике числится всегда меньше, чем в епархиальной, а число паствы всегда больше.

По поводу духовенства различия можно объяснить тем, что к церковнослужителям епархиальным руководством причислялись исправляющие должность псаломщиков,

⁴⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 17. С. 170–171.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник... С. 234.

⁴⁹ Там же.

не принадлежащие к данному сословию. В данном случае по вопросу о численном составе духовенства следует доверять епархиальной статистике, а вот в случае с разделением по сословным группам необходимо обращаться к губернской документации. Можно заключить, что это не несоответствие, а взаимодополняющие элементы по несколько разным аспектам одного вопроса.

Следует отметить, что до конца существования Российской империи все 3 вида отчетности не претерпели значительных изменений. Их основными отрицательными признаками продолжали оставаться нестабильность предоставляемых сведений (по некоторым пунктам информация то появляется, то исчезает со страниц отчетов), противоречие источников друг другу (возможно, попыткой преодоления этого было разделение между губернским и епархиальным начальством предметов, о которых они будут докладывать в своих донесениях) и проистекающие из вышеназванных пунктов ошибки в статистике. При перепроверке сложно определить, каким сведениям следует доверять. Не облегчает ситуацию и использование отчетов обер-прокурора Св. Синода, так как информация в них противоречит не только губернаторской документации, но и сведениям из епархиальных отчетов. Все 3 вида источников разнятся между собой, хотя данные церковных находятся ближе друг к другу.

Самыми бесспорными на данный период времени оказываются сведения о количестве монастырей, которые всегда совпадают.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: каждая группа источников при введении ее в научный оборот нуждается в перепроверке при помощи параллельной отчетности, а также документов более низкого уровня, т. е., полностью доверять информации из них нет оснований. Если говорить о достоверности, то ближе к реальным цифрам стоят данные из отчетов обер-прокурора и епархиального преосвященного, хотя последние, зачастую, неточны (зачастую в них отмечается увеличение или уменьшение, а не конечная цифра, поэтому в случае с 90-ми гг. XIX в. сложно сверять епархиальные и губернские сведения, суммируя результаты 20 предыдущих лет). Еще одним важным пунктом является специфика каждого конкретного пункта в каждом источнике: светское и церковное начальства по-разному вели учет раскольников, по-разному представляли себе классификацию низших учебных заведений и многие другие вопросы, обер-прокурор, составляющий отчет к концу года, основывался на данных присылаемых ему из епархии ведомостей. Статистика по-прежнему оказывалась бессильной перед решением задач, которые ставило перед ней правительство, но полностью исключать предоставляемые ею сведения является ошибкой.

Правильнее будет использовать церковную отчетность с опорой на даты составления епархиальных отчетов (если отчет составлялся не ранее 2–3-х месяцев нового года, то предпочтение нужно отдавать ему), дополняя ее данные губернской документацией, например, сведениями о преступлениях против веры, о принадлежности к тому или иному сословию. Высшим уровнем надежности в данном случае является подкрепление полученной информации источниками более низких уровней (периодической печати, отдельных документов), что представляет широкое поле для дальнейших исследований в этой области.

Источники и литература

Источники

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. Приложения. СПб.: Изд-во Синодальной типографии, 1899. 83 с.

2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год. Приложения. СПб.: Изд-во Синодальной типографии, 1901. 67 с.
3. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. Приложения. СПб.: Изд-во Синодальной типографии, 1872. 126 с.
4. Обзор Черниговской губернии за 1870 г. Чернигов, 1871. 153 с.
5. Обзор Черниговской губернии за 1896 г. Чернигов, 1897. 123 с.
6. Обзор Черниговской губернии за 1897 г. Чернигов, 1898. 114 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 48: Черниговская губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 341 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 12. Отделение первое; Т. 40. Отделение второе; Т. 45. Отделение первое, Отделение третье. СПб., 1838, 1867, 1874.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 17. СПб., 1900. 730 с.
10. РГИА (далее — Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 118. Д. 1343. По предложению Г. Синодального Обер-Прокурора о том, чтобы от Обер-Священников, Варшавского викариатства и Грузино-Имеретинской Св. Синода Конторы доставляемы были ведомости о церковных причтах.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1759. По отчетам Преосв. Епарх. Архиереев о состоянии вверенных им епархий в 1865 г.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Отчет о состоянии Черниговской епархии за 1870 год.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1653. Отчет о состоянии Черниговской епархии за 1896 год.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Отчет о состоянии Черниговской епархии за 1905 год.
15. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 485. Отчеты о состоянии губерний: Акмолинской за 1908 г., Бессарабской губернии за 1910 г., Воронежской губернии за 1898 г., Вятской губернии за 1887 г., Гродненской губернии за 1910 г., Елисаветпольской губернии за 1890 г., Енисейской губернии за 1891 г., Забайкальской области за 1886 г., Иркутской области за 1886, 1889 и 1891 годы, Казанской губернии за 1884 г., Курской за 1889 г., Могилевской за 1884 г., Олонецкой за 1889 г., Пензенской за 1884 г., С. Петербургской за 1895 г., Плоцкой за 1887 г., Приамурской за 1901 и 1902 годы, Радомской за 1910 г., Семиреченской за 1891 г., Степного края за 1890 и 1897 годы, Терской области за 1885 г., Уральской области за 1884, 1889, 1890 и 1891 годы, Ферганской области за 1909 г., Херсонской области за 1890 г., Черниговской губернии за 1887 г., Эриванской губернии за 1885 г.
16. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. 1866 г. Д. 27. По всеподданнейшему отчету Черниговского губернатора за 1865 год.
17. РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. 1881 г. Д. 368. Со всеподданнейшим отчетом Черниговского Губернатора о состоянии губернии за 1880 г.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. 1882 г. Д. 368. Со всеподданнейшим отчетом Черниговского Губернатора о состоянии губернии за 1881 г.
19. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. Т. 1. СПб., 1854. 656 с.

Литература

20. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 4–6 февраля 1964 г. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.
21. Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976. М.: Наука, 1977. С. 125–144.
22. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Протоиерей Константин Костромин

Святитель Мардарий (Ускокович) и И. С. Пальмов

УДК [271.22(497.11)-726.2+271.2(470+571)]-9:929

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_88

EDN VVTETT

Аннотация: Известный сербский святитель, основатель Американо-Канадской сербской епархии, в дореволюционную эпоху жил в России и в 1916 г. закончил Петроградскую Духовную Академию. Его научным руководителем был профессор Академии Иван Саввич Пальмов, который сочувственно отнесся к его работе. Известно, что они пересекались и ранее, в рамках деятельности Славянского благотворительного общества. В статье история их контактов рассматривается в динамике и подвергается осмыслению. Использован еще неизвестный российским читателям важный исторический источник – мемуары святителя Мардария. Главные выводы статьи заключаются в том, написание иеромонахом Мардарием диссертации об А. С. Хомякове было в известной степени predetermined сходством взглядов будущего святителя и профессора Пальмова, которое проявилось во время их общения во внеакадемической активности обоих, что не помешало святителю Мардарию впоследствии занять кардинально иную идейную позицию, когда он оказался в США.

Ключевые слова: И. С. Пальмов, Мардарий Ускокович, А. С. Хомяков, славянофильство, Санкт-Петербургская Духовная Академия, панславизм, Славянское благотворительное общество.

Об авторе: **Протоиерей Константин Александрович Костромин**

Кандидат исторических наук, кандидат богословия проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Для цитирования: Костромин К., прот. Святитель Мардарий (Ускокович) и И. С. Пальмов // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 88–95.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Archpriest Konstantin Kostromin

Saint Mardary Uskokovich and Ivan Palmov

UDC [271.22(497.11)-726.2+271.2(470+571)]-9:929
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_88
EDN VVTETT

Abstract: The famous Serbian saint, founder of the American-Canadian Serbian Diocese, lived in Russia in the pre-revolutionary era and graduated from the Petrograd Theological Academy in 1916. Its reviewer was Academy Professor Ivan Savvich Palmov, who was sympathetic to his work. It is known that they intersected earlier, as part of the activities of the Slavic Charitable Society. In the article, the history of their contacts is considered in dynamics and subjected to comprehension. An important historical source, still unknown to Russian readers, is used – the memoirs of St. Mardary. The main conclusions of the article is that the writing of a dissertation on A. S. Khomyakov by Hieromonk Mardary was to a certain extent predetermined by the similarity of the views of the future by the saint and Professor Palmov, who manifested itself during their communication in the extra-academic activity of both, which did not prevent Saint Mardary from subsequently taking a radically different ideological position when he ended up in the USA.

Keywords: Palmov, Mardary Uskokovich, Khomyakov, Slavophilism, St. Petersburg Theological Academy, Pan-Slavism, Slavic Charitable Society.

About the author: **Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin**

PhD in History, PhD in Theology, Vice-Rector for Research, Associate Professor at the Department of Church History in St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

For citation: Kostromin K., archpriest. Saint Mardary Uskokovich and Ivan Palmov. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 88–95.

* Photos are taken from open sources.

Святитель Мардарий (Ускокович)

Святитель Мардарий (Ускокович) — прославленный в 2015 г. в лике святых епископ Американо-Канадский епархии Сербской Православной Церкви. Черногорец, выпускник Кишиневской духовной семинарии и Петроградской Духовной Академии, направленный Св. Синодом Российской Церкви в Американскую миссию летом 1917 г., но по приезде в США создавший там полноценную епархию Сербской Церкви¹. Петроградскую Духовную Академию он закончил не без приключений в 1916 г., и хотя мечтал остаться в России, после нескольких инцидентов, плохо сказавшихся на его репутации, вынужден был уехать из страны². В конце жизни написал воспоминания о российском периоде жизни, которые в 2017 г. были изданы на сербском языке в Либертвилле³, где располагалась его кафедра, и сейчас готовятся к изданию в России.

Святитель Мардарий (тогда еще иеромонах) пересекался с И. С. Пальмовым в связи как с обучением в столичной духовной академии, где Пальмов был профессором кафедры истории славянских Церквей, так и с внеучебной активностью черногорца, центральное место в которой занимала деятельность в балканских благотворительных

обществах. В старейшем из них — Петербургском славянском благотворительном обществе состоял И. С. Пальмов, в одном из документов марта 1916 г., касавшегося участия иеромонаха Мардария в деятельности общества, подписавшийся исполняющим обязанности председателя⁴.

Документы личного дела иеромонаха Мардария⁵ не дают возможности определенно датировать их знакомство, поскольку в деле нет ведомости о сдаче им экзамена по предмету истории славянских Церквей, кроме итоговой ведомости за все годы обучения (по этому предмету была одна из немногих отличных оценок будущего святителя⁶). Нужно думать, что этот предмет преподавался на первом курсе, о чем

¹ *Игнатий (Шестаков), игум. Мардарий (Ускокович)* // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2016. С. 441–442.

² *Костромин К., Пузович В. Свети Мардарије (Ускоковић) као студент Санктпетербуршке духовне академије (према материјалима из архива Академије)* // Богословље. 2021. № 80/1. С. 5–22; *Костромин К., прот. «Святой шпион»*. Будущий святитель Мардарий (Ускокович) в годы обучения в Петроградской духовной академии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 114–137.

³ *Мардарије (Ускоковић), свят. Недокучива Русија. Мемоари / прир. Р. Марић. Libertyville, 2017*. Использован русский технический перевод с любезного позволения Представителя Патриарха Сербского при Патриархе Московском и всея Руси епископа Моравичского Антония. Ссылки для верификации сделаны на американское издание.

⁴ *Костромин К., прот. «Святой шпион»...* С. 120.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 1. Д. 273. Личное дело студента Ускоковича Мардария, командированного во время военного времени в Черногорию и уличенного в шпионаже. Его подробное обозрение и публикацию части документов см. в: *Костромин К., прот. «Святой шпион»...*

⁶ *Костромин К., прот. «Святой шпион»...* С. 126.

святитель Мардарий писал в своих мемуарах. Только И. С. Пальмова, да Н. Н. Глубоковского он и вспоминал в США среди всех профессоров и доцентов российской духовной академии. По его словам, Пальмов отличался не только эрудицией, но и большой искренностью. В подтверждение он привел пример, когда профессор расплакался перед студентами, рассказывая о Прутском походе Петра Великого и миссии полковника Милорадовича к черногорцам с просьбой о помощи русскому царю. О. Мардарий «сблизился с этим святым человеком» «с самых первых дней учебы», почитал его за аскета, навещал его дом и подолгу обсуждал с ним судьбы славянских народов⁷. С самого начала между ними установились не столько академические, сколько сердечные отношения.

И мемуары, и личное дело студента Академии святителя Мардария, и пресса со всей очевидностью показывают, что весь его интерес в годы пребывания в России был сосредоточен на общественной деятельности, связанной с реализацией идей славянофильства и панславизма. Его попытки участвовать в деятельности различных славянских обществ, из которых архивное дело сохранило упоминания только Петроградского Славянского благотворительного общества и Всероссийского Русско-Черногорского общества⁸, где сингел состоял вице-президентом, посещения балканских военнопленных, речи в различных лекториях и общение с чиновниками и знатью были основным его времяпрепровождением, пока его в буквальном смысле не заставили заняться написанием кандидатской работы, заперев его в Академии⁹.

До этого момента его широкая общественная деятельность, прежде всего лекционная, была связана с благотворительными обществами, из которых сам святитель в воспоминаниях указывает прежде всего на Славянское благотворительное общество и Общество славянской взаимности¹⁰, не фигурировавшее ни в каких официальных документах, касавшихся черногорского иеромонаха. Описание им различия между этими обществами представляет интерес и в целом, и в рамках обсуждаемой мной темы.

С самого начала войны, писал святитель, все близкие к идеям славянофильства активно включились в деятельность различных славянских обществ, основной деятельностью которых были популярные лекции. Более возрастная, влиятельная и консервативная группа славянофилов собиралась в Славянском благотворительном обществе. В него и входил И. С. Пальмов и играл ключевую роль в его издательской деятельности¹¹. Общество славянской взаимности по составу было более молодым, «боевым» и политичным, состояло не только из известных общественных деятелей, но и молодых активистов. Встречи последних, приобретшие форму лекционных обзоров, были более оживленными, поскольку были более сосредоточены на реалистичных политических проектах, и в его составе было много поляков, чехов, галичан, русских, сербов и других славян, в то время как Славянское общество было более склонно к теоретизированию и было более русским по составу¹². Именно желая привлечь молодого активного иеромонаха для общего дела председатели Славянского

⁷ *Мардарије (Ускоковић), свят.* Недокучива Русија. С. 92–93.

⁸ Видимо, оно занималось только сбором средств в пользу пострадавших от войны, беженцев, военнопленных и проч. (*Суржикова Н. В.* Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 53/1. Р. 14–15; *Иванова Н. М.* Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в годы Первой Мировой войны // *Клио*. 2016. № 12 (120). С. 69; *Костромин К., прот.* «Святой шпион»... С. 118 и др.).

⁹ *Костромин К., прот.* «Святой шпион»... С. 124–125.

¹⁰ *Шевцова Г. И.* Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период Балканских войн (1912–1913) // *Вестник Ярославского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44–47.

¹¹ *Поповкин А. А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс... канд. истор. наук. Воронеж, 2013. С. 376–399.

¹² *Мардарије (Ускоковић), свят.* Недокучива Русија. С. 163–167.

Профессор И. С. Пальмов

благотворительного общества, в том числе И. С. Пальмов, регулярно писали академическому начальству с просьбами позволить ему войти в состав общества¹³.

В начале последнего курса, осенью 1915 г. была утверждена тема курсового сочинения иеромонаха Мардария «Россия, славянство и мир будущего, с точки зрения славянско-христианской идеологии А. С. Хомякова», а руководителем был назначен И. С. Пальмов. А. С. Хомяков был любимым философом Пальмова, а идеи панславизма, столь актуальные в годы Первой мировой войны, которые неоднократно обсуждались студентом и преподавателем и ранее, а также общее их сотрудничество вне стен Академии сделали такой выбор совершенно естественным.

Однако за написание работы о Мардарий не сел. Вернувшись в ноябре из поездки по местам размещения военнопленных славян, он снова взялся выступать с открытыми лекциями и выступлениями¹⁴. Памятуя, что ряд выступлений о Мардария уже вызывал резонанс и даже особое внимание жандармерии, исполнявший обязанности обер-прокурора Синода А. Н. Волжин решил остановить его воинственный пыл, исполь-

зуя для этого письмо из Генерального штаба, где сообщалось о подозрениях в неблагонадежности черногорского иеромонаха и в его шпионской деятельности.

Действительно, резонансных выступлений у о. Мардария было много. Выступление 9 февраля 1915 г. своей легкомысленностью взволновало членов Славянского благотворительного общества, на котором, очевидно, был и И. С. Пальмов¹⁵. О двух таких выступлениях о. Мардарий написал и в своих мемуарах. Вполне возможно, что первое из них и было тем патетическим воззванием, сведения о которых сохранились в российских источниках и о котором писала Л. А. Герд, хотя, если логика мемуаров линейна, то описываться должно было выступление в Обществе славянской взаимности. Святитель писал, что его мысль о том, что Россия должна освободить славян от иноземного ига и сразу даровать всем славянским народам, находившимся в огромной России, свободу (в условиях нарождавшегося националистического движения в Польше и Украине этот призыв был действительно опасен), была встречена неодобрительно «определенными кругами правительства»¹⁶. Второй эпизод, к сожалению, датировать не удастся, но характерен упоминанием того, что на лекции присутствовал жандармский полковник, который после троекратного предупреждения, когда оратора «заносило» в опасные политические «дебри», вынужден был прервать лекцию буквально на полуслове. И. С. Пальмов на этой лекции присутствовал¹⁷.

В последние полгода ему пришлось находиться в Духовной Академии и работать над диссертацией, посвященной А. С. Хомякову, любимому философу И. С. Пальмова.

¹³ Костромин К., *прот.* «Святой шпион»... С. 119–120.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Герд Л. А. Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // *Религии мира. История и современность*. 2010. М., 2012. С. 556.

¹⁶ *Мардарује (Ускоковић), свят.* Недокучива Русија. С. 166–167.

¹⁷ Там же. С. 275–279.

Работу профессор оценил как вполне состоявшуюся. Формальным недостатком работы он счел то, что иеромонах Мардарий не использовал за недостатком времени многочисленных работ о Хомякове и славянофильстве, однако проработал собрание сочинений Хомякова, взгляды которого изложил и проиллюстрировал без «тенденциозных перетолкований». Это не означает, что вспомогательной литературы и работ о славянофильстве не использовано вовсе. Иной ситуацию нужно признать относительно «тенденциозных перетолкований». Работа написана очень хорошим русским языком, живым и образным, но живость ему в том числе придает постоянная актуализация проблематики славянофильства. «Священносингел» Мардарий в работе очень часто скатывался к военно-патриотическим и политическим лозунгам, которые крайне тяжело признать уместными в академическом сочинении. Разумеется, И. С. Пальмов, внимательно прочитавший работу (машинопись испещрена его карандашными правками пунктуации и, местами, стилистики), не стал упоминать об этом в отзыве, но, думается, прежде всего потому, что они были созвучны его чаяниям. Можно обратить внимание на те выдержки из работы, которые он привел в своем отзыве: «Автор верит и утверждает, “что в этой гигантской мировой войне, долженствующей дать человечеству благоприятные условия для его морального развития, насаждения истинной культуры и цивилизации, свыше предназначена Россия”. “Россия и только Россия, говорит автор, способна воспринять и выполнить посланную ей Богом миссию в человечестве, ибо русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей не любящий мира и яже в мире, каковым он станет не от физического или духовного бессилия, а от величия духовной силы, в силу заложенных в его душе великих сокровищ: простоты, чистоты, веры, любви и смирения...” (стр. IV–V). “Пробил час мировой истории, призывающий славянскую расу во главе с Россией к руководящей роли в человечестве... Современной России вручен залог не одного лишь хранения чистоты и полноты истинной веры, но и залог социального спасения грядущего счастья человечества...” (стр. VI и VII). Так автор выражает свою веру в историческую культурную миссию России и свою веру подкрепляет аргументами А. С. Хомякова в дальнейшем изложении исследуемого вопроса»¹⁸. Этих цитат могло бы быть во сто крат больше, учитывая, что по всей работе разлиты призывы, вроде таких: «Современной России вручен залог не одного лишь хранения чистоты и полноты истинной веры, но и залог социального спасения грядущего счастья человечества, залог, врученные умирающим Царьградом от имени вселенской Христовой Церкви в руки России, как третьего Рима, а четвертому не бывать»¹⁹. Или: «Час великий, исторический, мировой наступил. Православная Россия на мировом череду. В момент небывалой мировой катастрофы, на самом острие ратного меча, в сокровенном страдном узле, в потоках крови, слез, стонов и страданий, разверзаются недра сокровенной народной сущности, в коей Русь опознала себя и, окрыленная царственным ореолом подлинной сущности своей, соединила глубокую даль веков своего исторического славного, светлого прошлого с недалекою действительностью еще более светлого грядущего и с непоколебимую верою в свое историческое, универсальное, мировое призвание двинулась на довершение своего великого, светлого заветного пути, начертав на священном знамени своем грядущее, забытое и отвергнутое человечеством Царство Божие и правду Его, преддверие которого непосредственно чувствуется содроганием наших сердец, внутренним опытом мировых событий»²⁰.

Этот далеко не академичный текст был оценен высоко и был признан достойным присуждения его автору степени кандидата богословия отчасти по благодушию профессора, рецензировавшего большинство работ выпускников Академии — выходцев с Балкан, но, думается, в данном случае он прежде всего сочувствовал актуализации наследия любимого философа. Да и военная ситуация, связанная с определенными чаяниями России на Балканах, народы которых должны были бы поддержать Россию

¹⁸ Костромин К., прот. «Святой шпион»... С. 131–132.

¹⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 573. Оп. 2. Д. 237. Л. 4 об.–5.

²⁰ Там же. Л. 194–195.

в войне. Учитывая связи выпускника, его активность среди военнопленных славян, таким его воззрениям можно было порадоваться, учитывая, что усвоение им политического пафоса «идеологии А. С. Хомякова» и прекрасное владение русским языком должно было сыграть важную роль, вернись он на родину. После окончания Академии о. Мардарий также некоторое время продолжал окормлять балканских военнопленных, проповедуя им панславизм²¹, даже был награжден за окормление военнопленных Георгиевской медалью²². Так что общение И. С. Пальмова с будущим святителем сулило большую перспективу в случае победы России в Первой Мировой войне.

Подводя итог, нужно отметить, что в силу характеров, мировоззрений и особенностей обстановки в России и в мире сближение профессора И. С. Пальмова с иеромонахом Мардарием (Ускоковичем) было почти predetermined, и их сотрудничество, в том числе в связи с написанием выпускной работы студентом и рецензирования ее Пальмовым, было не формальным, а душевным и идейным. Если сравнивать образ И. С. Пальмова в мемуарах святителя Мардария и отзыв И. С. Пальмова на кандидатскую диссертацию о. Мардария, можно сказать, что они были едины в сочувствии славянофильским взглядам и делу общеславянского политико-культурного единства (в рамках внешней политики Российской империи). Их сближала не научная, а общественная мысль, на стыке политики, культурологии, философии, богословия и истории.

Однако нельзя не заметить, что в диссертации иеромонах Мардарий оказался совершенно беспомощен как прогностик — революция, приближение которой он не чувствовал, смела его идеи и сделала невозможными его чаяния на будущее, фактически показав историческую тупиковость позднеславянофильской идеологии, по крайней мере на тот момент. Равным образом потерпели фиаско и надежды И. С. Пальмова. Разница заключалась лишь в том, что иеромонах Мардарий покинул Россию (хотя не хотел этого делать и летом 1917 г., также не увидев симптомов того, что Россия погружается в бездну), а И. С. Пальмов, отдавший славянофильской идее, духовному образованию и славянской дружбе все свои силы, остался в советской России, где мог лишь пассивно наблюдать за тем, как рушится все, чем он жил. Поэтому оба, вынужденные приспособиться к изменившейся для каждого по-своему ситуации, не могли декларировать прежние чаяния и должны были начать меняться в своих идейных основах.

Думается, что именно поэтому была близость к монархическим, националистическим русским и славянофильским кругам, обществам и идеям не помешала святителю Мардарию принять активное участие в формировании диаспоральных этнических Церквей в США отнюдь не на принципах панславизма, поскольку остатки Русской духовной миссии в США оказались разорваны различными юрисдикциями, в том числе сербской²³. Это националистическое движение было во многом прямо противоположно идеям славянофилов, хотя и предчувствовалось некоторыми из них как неизбежное, хотя и враждебное православию и традиционному миру²⁴. Появление русского национализма²⁵, противопоставление интересов русского большинства запросам национальных окраин и меньшинств, которые также были наследниками идей А. С. Хомякова, проявились после начала Великой Русской революции в 1905 г.²⁶

²¹ Пузович В. Санкт-Петербургская Духовная Академия и сербы: исторический путь и богословское наследие // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 200.

²² Чернова (Мартынова) А. И. Наставники, студенты и выпускники Петроградских духовных школ на полях сражений Первой Мировой войны. (Биографический список) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 91.

²³ Замогильный С. И., Ставропольский Ю. В. Этнический распад мультиэтничной православной епархии в США // Макарьевские чтения. Мат. XII междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 2017. С. 103.

²⁴ Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции. М., 1889. С. 11, 13.

²⁵ Православная Церковь и русский национализм (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2021. С. 14.

²⁶ Костромин К. А. Философия революции // Коломенские чтения. 2017. Сб. ст. СПб., 2018. С. 5–12.

и не могли не беспокоить И. С. Пальмова и его соратников. Иеромонах Мардарий также не учел этого момента, что позволило ему относительно легко перейти в стан сторонников сербской национальной идеи, сохранив если не преемственность своим собственным взглядам дореволюционной поры, то, по крайней мере, этому иному изводу идейных наследников «великого славянофила» А. С. Хомякова.

Источники и литература

1. Герд Л. А. Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // Религии мира. История и современность. 2010. М., 2012. С. 551–578.
2. Замогильный С. И., Ставропольский Ю. В. Этнический распад мультиэтнической православной епархии в США // Макарьевские чтения. Мат. XII междунар. науч. конф. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 100–105.
3. Иванова Н. М. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в годы Первой Мировой войны // Клио. 2016. № 12 (120). С. 65–73.
4. Игнатий (Шестаков), игум. Мардарий (Ускокович) // Православная энциклопедия. Т. 43. М., 2016. С. 441–442.
5. Костромин К., прот. «Святой шпион». Будущий святитель Мардарий (Ускокович) в годы обучения в Петроградской духовной академии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 114–137. DOI: 10.15382/sturII2021101.114–137
6. Костромин К. А. Философия революции // Коломенские чтения. 2017. Сб. ст. СПб.: Лики России, 2018. С. 5–12.
7. Костромин К., Пузович В. Свети Мардарије (Ускоковић) као студент Санктпетербуршке духовне академије (према материјалима из архива Академије) // Богословље. 2021. № 80/1. С. 5–22.
8. Леонтьев К. Национальная политика как орудие всемирной революции. М., 1889.
9. Мардарије (Ускоковић), свят. Недокучива Русија. Мемоари / прир. Р. Марић. Libertyville, 2017.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 573. Оп. 2. Д. 237.
11. Поповкин А. А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дисс... канд. истор. наук. Воронеж, 2013.
12. Православная Церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021.
13. Пузович В. Санкт-Петербургская Духовная Академия и сербы: исторический путь и богословское наследие // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 196–203.
14. Суржикова Н. В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 2012. № 53/1. Р. 14–15.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 277. Оп. 1. Д. 273. Личное дело студента Ускоковича Мардария, командированного во время военного времени в Черногорию и уличенного в шпионаже.
16. Чернова (Мартынова) А. И. Наставники, студенты и выпускники Петроградских духовных школ на полях сражений Первой Мировой войны. (Биографический список) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1 (3). С. 72–120.
17. Шевцова Г. И. Деятельность Общества славянской взаимности в помощь славянским народам в период Балканских войн (1912–1913) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 44–47.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Священник Николай Антипенко

**Съезды законоучителей светских средних заведений
(по материалам «Церковных ведомостей»)**

УДК [271.2-472:373.5(091)]:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_96
EDN XEKDWJ

Аннотация: В июле 1909 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, на котором был открыто поднят вопрос о серьезных проблемах преподавания Закона Божия в школах Министерства народного просвещения. Училищный совет при Св. Синоде принял решение разослать темы для обсуждения на епархиальных законоучительских съездах. В настоящей статье рассмотрены мнения преподавателей вероучительных дисциплин о причинах неудовлетворительного состояния религиозного образования и воспитания, об изучении Св. Писания в старших классах и предложения об участии учащихся в богослужениях. На основании рассмотрения и анализа решений 58 законоучительских съездов, делается вывод, что самое большое количество предложений касалось вопроса изучения Св. Писания в старших классах. Второй важной темой являлось богослужение и участие в нем школьников.

Ключевые слова: Закон Божий, Церковные ведомости, религиозное образование, законоучитель, Св. Писание, Библия, школа, богослужение.

Об авторе: **Священник Николай Григорьевич Антипенко**

Соискатель кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, клирик храма Державной иконы Божией Матери на пр. Культуры (г. Санкт-Петербург).

E-mail: nikolaiantipenko@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3483-1593>

Для цитирования: Антипенко Н., свящ. Съезды законоучителей светских средних заведений (по материалам «Церковных ведомостей») // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 96–104.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Priest Nikolai Antipenko

**Conventions of Religious Teachers of Secular Secondary Schools
(Based on Materials from the “Church Gazette”)**

UDC [271.2-472:373.5(091)]:930.2
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_96
EDN XEKDWJ

Abstract: In July 1909, the first all-Russian congress of religious teachers of secular secondary schools was held in St. Petersburg, where the issue of serious problems of teaching the Law of God in schools of the Ministry of Public Education was openly raised. The School Council under the Holy Synod decided to send out topics for discussion at diocesan religious teachers' congresses. This article examines the opinions of teachers of religious disciplines on the reasons for the unsatisfactory state of religious education and upbringing, on the study of Holy Scripture in senior grades, and proposals for student participation in worship services. Based on the review and analysis of the decisions of 58 religious teachers' congresses, it is concluded that the largest number of proposals concerned the issue of studying Holy Scripture in senior grades. The second important topic was the worship service and the participation of schoolchildren in it.

Keywords: Law of God, Church Gazette, religious education, religious teacher, Holy Scripture, Bible, school, worship service.

About the author: Priest Nikolai Grigorievich Antipenko

Applicant for the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy, cleric of the Church of the Sovereign Icon of the Mother of God on Kultury Avenue (St. Petersburg).

E-mail: nikolaiantipenko@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3483-1593>

For citation: Antipenko N. G., Priest. Conventions of Religious Teachers of Secular Secondary Schools (Based on Materials from the “Church Gazette”). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 96–104.

* Photos are taken from open sources.

В июле 1909 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, на котором «первые громко раздался голос о неблагоприятных условиях положения Закона Божия»¹ в школах Министерства народного просвещения, где законоучителя имели разногласия с членами педагогической корпорации, а содержание предметов не согласовывалось с христианским учением.

Для решения вышеуказанных проблем с 1912 по 1914 гг. проходили местные съезды законоучителей светских средних учебных заведений (встречаются названия: съезд законоучителей епархии), на которых рассматривались вопросы, предложенные комиссией при Училищном совете Св. Синода. В настоящей статье мы рассмотрим мнения преподавателей вероучительных дисциплин о причинах неудовлетворительного состояния религиозного образования и воспитания, об изучении Св. Писания в старших классах и предложения об участии учащихся в богослужениях.

Причинами неудовлетворительного состояния религиозного образования и воспитания являлись проблемы в семье и обществе, отсутствие нравственной поддержки и сочувствия к законоучителю со стороны преподавателей и иногда неверующего или маловерующего начальства школы, равнодушные родители, вредное влияние печати, театра, кино на нравственную жизнь учащихся, светская направленность литературы и науки, наличие в пособиях по светским предметам гипотез, противоречащих христианскому вероучению, несовершенство существующих учебников, большое количество фактического материала по всем предметам, в том числе по Закону Божию, которое создавало «печальную необходимость спешить, без основательного усвоения ранее преподаваемого»². Также отмечалась многопредметность гимназического курса, вследствие чего, учащимся не хватало времени на «выполнение домашнего задания и чтения книг»³. Кроме того, вероучительные занятия зачастую не проводились из-за приходских обязанностей священников.

Участники большинства съездов отмечали, что учащиеся не знакомы с Библией. Выходом из этой ситуации могло стать добавление в 7 и 8 классах гимназий и училищ уроков по Закону Божию с целью практического ознакомления воспитанников с книгами Ветхого и Нового Завета, или введение отдельного предмета «Священное Писание», изучение которого будет вестись по особой программе и «иметь апологетическое значение»⁴. Высказывались суждения о том, что темы, изучаемые в модуле Закона Божия – «Вероучение Православной Церкви» в 7 и 8 классах, трудны для восприятия учащимися, поэтому рекомендовалось сократить или заменить их на уроки изучения Св. Писания, толкованием мест из Евангелия и апостольских посланий, «которые служат основой для разрешения вопросов, вытекающих из современного настроения общества»⁵. Участники съездов призывали учить школьников отстаивать свою веру, организовывать внеклассные религиозно-нравственное чтения, писать рефераты и сочинения на религиозные темы, переводить труды религиозных философов, чтобы победить распространившееся неверие, которое «не ограничивается мнимыми данными естествознания, но и предлагает разрушительные сочинения по библейской и евангельской истории, рассчитывая на невежество»⁶ российского народа.

¹ Благовидов И., *прот.* Всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, бывший в июле 1909 года в С.-Петербурге // Симбирские епархиальные ведомости. 1910. № 3. С. 60.

² Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 46. С. 2130.

³ Съезд законоучителей в гор. Тифлисе // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 40. С. 1824.

⁴ Распоряжение Святейшего Синода по поводу постановления Волынского законоучительского съезда о преподавании Св. Писания в светских учебных заведениях // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 23. С. 1101.

⁵ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 4. С. 234.

⁶ Распоряжение Святейшего Синода по поводу постановления Волынского законоучительского съезда о преподавании Св. Писания в светских учебных заведениях // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 23. С. 1101.

В качестве учебного пособия предлагалось издать учебную Библию на славяно-русском языке, «которая должна содержать в сокращении необходимые книги Ветхого Завета, с разделением на главы и стихи, и полностью книги Нового Завета»⁷. Съезд Кишиневской епархии в разрез с мнениями других законоучителей отмечал, что Библия, используемая «в качестве учебника потеряет всякую привлекательность, к ней ученик никогда не вернется по выходе из школы, считая в ней все известным, знакомым и малоинтересным»⁸. Также ученики должны выйти из учебного заведения с наличием «стройного христианского мировоззрения»⁹, поэтому нуждаются в системе, которая уже сформирована в действующих образовательных программах.

Законоучителя, обсуждая программу по Закону Божию для 7 и 8 классов средних учебных заведений, приходили к выводу о том, что несмотря на ее сложность и малое количество выделенных часов, «в виду того, что применение ее вносит в сознание учащихся полное религиозное мировоззрение и желательный минимум религиозных знаний»¹⁰, а также «приноровлена к запросам современной жизни»¹¹ призывали оставить преподавание вероучения православной Церкви и составить «строго продуманные и методически составленные учебники, примененные к возрасту, познаниям, общему развитию и подготовке учащихся»¹². Также предлагалось дополнить вероучительную программу «введением разбора естественнонаучных теорий о происхождении мира и человека»¹³, а при изучении нравоучения разбирать идеи социалистов. Введение изучения Св. Писания возможно, но при условии сохранения «действующей программы по вероучению и нравоучению»¹⁴ или включения двух специальных дополнительных занятий в 7 и 8 или в 5 и 6 классах. Однако в решениях некоторых съездов (например, Омского и Рязанского) отмечена невозможность введения уроков по изучению Библии по причине недостаточного количества выделяемых часов на вероучительные дисциплины. Выходом из ситуации могло стать сокращение или перемещение в младшие классы (в 4 и 5 классы) программы по вероучению и нравоучению и передача освободившегося времени на изучение Библии. В зависимости от опыта и усмотрения законоучителей, возможно в процессе изучения Закона Божия «эпизодическое ознакомление учащихся с священными книгами»¹⁵. Для этого необходимо выработать «примерную программу чтений из Св. Писания во всех классах восьмилетнего курса средней школы»¹⁶. Кроме того, возможно изучать Библию не только в школе, но и во время домашней самостоятельной работы. Например законоучитель может дать задание проанализировать апостольское послание или написать «пересказ того или другого Евангелия»¹⁷.

Законоучителя предлагали адаптировать к современной действительности, сократить и художественно оформить учебные пособия, и перестроить их на основании

⁷ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 8. С. 449.

⁸ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 11. С. 591.

⁹ Там же.

¹⁰ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 48. С. 2238.

¹¹ Там же. С. 2239.

¹² Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 6. С. 345.

¹³ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 48. С. 2240.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 8. С. 447.

¹⁶ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 6. С. 345.

¹⁷ Там же. С. 346.

Законоучитель мужской гимназии священник Иоанн Казмин с гимназистами

принципов «библейско-церковного воспитания и образования»¹⁸. Педагоги отмечали, что необходима редакция программ или увеличение количества часов на предмет «Закон Божий», чтобы «дать законоучителю возможность сосредоточиться на главной цели — религиозно-нравственном воспитании, а учащимся без излишних подробностей прочно усвоить то, что необходимо знать христианину»¹⁹. Кроме того, высказывались предложения о прибавлении в 7 классе гимназии одного урока Закона Божия, в 4 и 5 классах ввести дополнительное время для чтения Нового Завета. Некоторые съезды говорили об увеличении количества уроков Закона Божия, начиная с 5 класса, до с двух до трех уроков в неделю. Съезд в Оренбурге призывал перенести изучение катехизиса из 4 и 5 классов в старшие (7 и 8), так как это поможет «достигнуть большей сознательности усвоения катехизических истин учениками»²⁰.

В итоговых решениях некоторых съездов предлагалось заботиться о том, чтобы уроки Закона Божия проходили «в атмосфере высокого благоговения, подобающего священнодействию»²¹, и отличались от других предметов: особая комната с картинами религиозного содержания, «творениями художников, имеющими отношение к предмету Закона Божия»²², вместо парт — столы «придающие помещению более интимный характер»²³, красивый образ Спасителя, Библия в хорошем переплете. Учащиеся, находясь в такой среде, могут поддерживать благоговейное устроение произнесением молитв, пением священных песнопений, чтением назидательных рассказов, житий святых, духовных стихотворений, не входящих в основную программу урока.

Многие законоучителя ратовали за открытие храмов в каждой светской школе, который посещали бы как учащиеся, так и учителя, «составляющие все как бы один приход»²⁴, и представляющие «тесно сплоченную семью, одушевленную высокими

¹⁸ Харьковский епархиальный съезд о.о. законоучителей светских средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 37. С. 1681.

¹⁹ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 46. С. 2131

²⁰ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 4. С. 233.

²¹ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 39. С. 1780.

²² Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 11. С. 585.

²³ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 39. С. 1780.

²⁴ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 43. С. 1987.

целями заведения»²⁵ (в случае невозможности выделить для домовой церкви помещение, необходимо организовать наблюдение за посещением богослужения учащимися в приходских храмах). Для этого необходимо, чтобы во главе школы «стояли лица православного исповедания, могущие оказывать содействие законоучителю в деле религиозно-нравственного воспитания учащихся»²⁶.

Относительно посещения богослужений одни педагоги настаивали, чтобы посещение храмов должно быть обязательным, а другие предлагали не заставлять учащихся посещать службы, а нравственно воздействовать на учеников, уклоняющихся от посещения богослужения, со «стороны училищной корпорации, семьи и общества»²⁷ (на родителей была возможность воздействовать через родительские комитеты).

Практически все съезды признавали важность деятельного участия учащихся в Литургии и Всенощном бдении (для этого в субботу должны быть сокращено количество уроков, чтобы у учащихся оставались силы посещать вечерние богослужения). В виду того, что богослужение в храмах при светских учебных заведениях совершаются «с большими отступлениями от устава, с чрезмерными пропусками и сокращениями»²⁸, в Курской и Благовещенской епархии предложили для домовых церквей составить особый чин богослужения.

Также высказывались пожелания о совершении служб в положенное время (а не тогда, когда разрешит начальство), т.е. во все воскресения, праздничные и табельные дни. Съезды законоучителей Саратовской и Тамбовской епархий предложили для «усиления воспитательного воздействия на учащихся уроков Закона Божия»²⁹ обязать посещать богослужения не только учеников, но и преподавателей, и из числа педагогов формировать «приходскую единицу при училищном храме»³⁰.

Также поднимался вопрос об обязательном посте учащихся, длительность которого устанавливается местными традициями, отмечалась необходимость, «чтобы лица начальствующие и преподаватели исполняли долг говения одновременно с учениками»³¹. Участие в таинствах исповеди и Причастия, по мнению законоучителей, должно быть добровольным, однако при уклонении необходимо нравственное воздействие на учащегося или на его родителей.

Школьники должны привлекаться к чтению, клиросному и всеобщему пению, после подготовки под руководством законоучителя, прислуживанию в алтаре, к участию «в продаже свеч церковных, просфор, к уходу за церковными предметами, облачениями, к прислуживанию с одеванием стихаря и совершению церковного звона, к наблюдению за чистотой храма»³². Уфимский съезд подчеркнул, что возможно «располагать учащимся к посещению богослужения»³³ через деятельное в нем участие. Предлагалось в пользу общего пения исключать «обычай распевания громогласных концертов»³⁴.

²⁵ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 46. С. 2128.

²⁶ Там же.

²⁷ Харьковский епархиальный съезд о.о. законоучителей светских средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 37. С. 1682.

²⁸ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 4. С. 234.

²⁹ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 39. С. 1782.

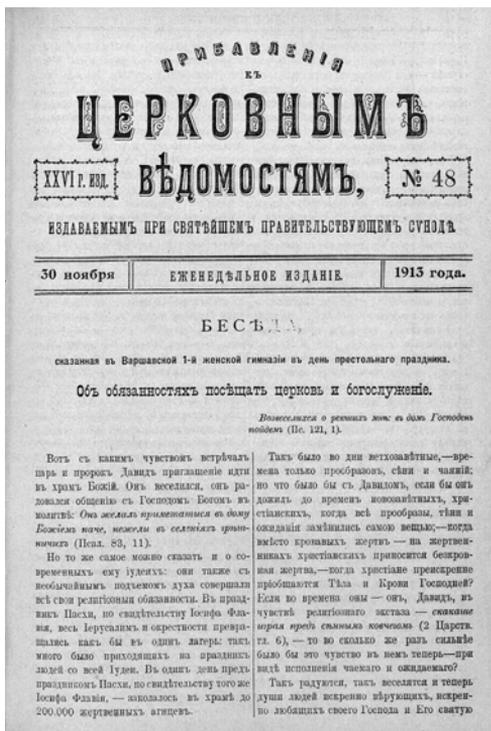
³⁰ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 46. С. 2130.

³¹ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 43. С. 1987.

³² Съезд законоучителей в гор. Тифлисе // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 40. С. 1825.

³³ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 48. С. 2239.

³⁴ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 8. С. 449.

Прибавления к Церковным Ведомостям.
1913. № 48

При внимании частиц вслух читается помянник с именами начальства, членов педагогической корпорации и учащихся. Литургия совершается при общем пении, «причём царские врата все время остаются открытыми»³⁵. Все «тайные» молитвы должны произноситься вслух, так как «чтение всех молитв, особенно евхаристической, во всеуслышание будет привлекать внимание всех присутствующих, содержание и смысл всего богослужения будут понятны без всякого объяснения»³⁶. Во время причащения священнослужителей предлагалось читать Евангелие или апостольские послания по выбору законоучителя, или краткое житие дневного святого. Проповедь законоучителя в конце Литургии должна иметь связь с прочитанным Евангельским отрывком.

Съезды признавали желательным изменить пособия по изучению богослужения, «которыми для сознательного участия в богослужении ученики могли бы пользоваться и в церкви»³⁷. Учебники должны содержать тексты молитв на церковнославянском и русском языках в контексте церковных служб с указанием действий священнослужителей.

Практическое знакомство учащихся с богослужебными песнопениями должно начинаться с 1 класса (по программе с 3 класса). Необходимо восстановление в средних учебных заведениях преподавания церковнославянского языка, без знания которого затруднено «изучение катехизиса и пользование богослужебными книгами»³⁵. При изучении богослужения в 3 классе необходимо обращать внимание на «постепенное раскрытие основной идеи в каждой части богослужения»³⁶, возможно проведение наглядных уроков в храме для объяснения его устройства, богослужебных облачений и утвари.

Интересно для нас итоговое решение законоучительского съезда в Иркутске, в котором говорилось о проведении школьных богослужений. Желательно, чтобы «псалмы, паремии и апостол читались на русском языке, а не на славянском»³⁷. Совершение Литургии предлагалось со следующими особенностями: учащиеся должны собираться до начала службы, чтобы слышать входные молитвы и наблюдать за порядком облачения священника. После прочтения часов при открытых царских вратах начинается «совершение проскомидии во всеуслышание»³⁸.

³⁵ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 48. С. 2239.

³⁶ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 8. С. 447.

³⁷ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 11. С. 587.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 587–588.

⁴⁰ Там же

⁴¹ Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 6. С. 347.

Рассмотрев и проанализировав итоги и решения 58 законоучительских съездов, приходим к выводу о том, что самое большое количество предложений касается вопроса изучения Св. Писания в старших классах. Стоит отметить, что данная проблема является доминирующей не только в итоговых документах съездов учителей Закона Божия, но и во многих публикациях на страницах «Церковных ведомостей». Мнения по поводу данного вопроса разделились: одна часть призывала вводить предмет «Священное Писание» вместо вероучительных дисциплин в старшей школе. Другая часть законоучителей призывала оставить без изменения существующие программы, и за счет увеличения количества часов Закона Божия, иметь возможность знакомить учащихся с Библией. Важно отметить, что рекомендации съездов почти не затрагивают методику преподавания Закона Божия.

Второй важной темой является богослужение и участие в нем школьников. Необходимо обратить внимание, что почти во всех итоговых документах съездов мы видим предложение по поводу обустройства храмов при учебных заведениях. Важным вопросом для учителей стало участие учеников в богослужении в различных формах. Кроме того, преподаватели Закона Божия затронули проблемы обязательного посещения богослужений, сокращения служб и предложили одну из форм совершения «школьной» Литургии.

На наш взгляд, вопросы преподавания и эффективности Закона Божия в светских учебных заведениях стали рассматривать тогда, когда уже был запущен процесс постепенного разделения Церкви и государства, а Закон Божий был низведен «на уровень необязательного предмета или пустого места в гимназическом образовании»⁴². Официальные заявления об успешности преподавания Закона Божия разрушались российской действительностью, когда «в деревнях из 10 родителей 8 не знают даже молитвы Господней»⁴³. Поэтому введение в жизнь предлагаемых на местных законоучительских съездах решений потребовали бы огромных усилий и единения начальства школы, педагогической корпорации вокруг преподавателя Закона Божия.

Источники и литература

1. *Благовидов И., прот.* Всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, бывший в июле 1909 года в С.-Петербурге // Симбирские епархиальные ведомости. 1910. № 3. С. 58–60.
2. *Светлов П., прот.* О невозможности просвещения без света христианской веры или о христианстве, как основе образования // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 49. С. 2270–2281.
3. Съезд законоучителей в гор. Тифлисе // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 40. С. 1822–1826.
4. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 39. С. 1780–1783.
5. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 43. С. 1984–1987.
6. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 46. С. 2128–2132.
7. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 48. С. 2236–2240.
8. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 4. С. 231–234.

⁴² *Светлов П., прот.* О невозможности просвещения без света христианской веры или о христианстве, как основе образования // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 49. С. 2280–2281.

⁴³ Церковная хроника // Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 13–14. С. 474.

9. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 6. С. 344–347.
10. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 8. С. 446–451.
11. Съезды законоучителей средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 11. С. 584–591.
12. Харьковский епархиальный съезд о.о. законоучителей светских средних учебных заведений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 37. С. 1680–1683.
13. Хроника. Распоряжение Святейшего Синода по поводу постановления Волынского законоучительского съезда о преподавании Св. Писания в светских учебных заведениях // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 23. С. 1100–1101.
14. Церковная хроника // Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 13–14. С. 472–478.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

Т. Ю. Феклова

**Студенты в составе Русской Духовной миссии в Пекине
в первой половине XIX в.: многообразие в единстве**

УДК 271.2-764(511.12)-9:378-057.875(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_105
EDN HNFISM

Аннотация: Русская Духовная миссия в Пекине существовала с 1713 до 1955 гг. Ее состав до начала XIX в. менялся один раз в 10 лет. Статья посвящена рассмотрению учеников / студентов как одной из групп в составе Русской Духовной миссии. Ученики, а впоследствии студенты, включались в миссию регулярно с 1727 по 1864 гг. В статье анализируются финансовые и карьерные аспекты пребывания их в составе миссии, а также многообразие их функций. Автор рассмотрел процесс взаимодействия студентов с различными научными организациями в России. Помимо этого, были затронуты вопросы пристального внимания государственных лиц к «использованию» студентов не только как важного элемента в системе изучения Китая, но и как инструмента, усиливающего влияние России на Дальнем Востоке. Делается вывод о важности данной категории в составе Русской Духовной миссии в Пекине в процессе изучения Китая и установления позитивных межгосударственных связей. В статье использованы данные из Русского государственного исторического архива, Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук и Российской национальной библиотеки.

Ключевые слова: Пекин, Китай, Русская Духовная миссия, Академия наук, студент, астрономия.

Об авторе: **Татьяна Юрьевна Феклова**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

E-mail: tat-feklova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8446-4192>

Для цитирования: Феклова Т. Ю. Студенты в составе Русской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в.: многообразие в единстве // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 105–114.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Tatiana Yu. Feklova

**Students as a Part of the Russian Orthodox Mission in Beijing
in the First Half of the XIX Century: Diversity in Unity**

UDC 271.2-764(511.12)-9:378-057.875(091)

DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_105

EDN HNFISM

Abstract: The Russian Orthodox Mission in Beijing existed from 1713 to 1955. Its structure changed every 10 years until the beginning of the XIX century. The article is devoted to the consideration of students as one of the groups in the Russian Orthodox Mission. The government included learners, and later students, to the mission regularly from 1727 to 1864. The article analyzes the financial and career aspects of this group, as well as the variety of student's functions. The author examined the interaction between the students and the various scientific organizations in Russia. Besides it, the author raised the question about the officials attentions to the students as not only an important element in the system of studying China, but also as a tool that strengthens Russia's influence in the Far East. The students was an important part of the Russian Orthodox mission for the process of studying China and establishing positive interstate relations. The article uses data from the Russian State Historical Archive, the St. Petersburg branch of the Archive of the Academy of Sciences and the Russian National Library.

Keywords: Beijing, China, Russian Orthodox Mission, Academy of Sciences, student, astronomy.

About the author: **Tatiana Yurievna Feklova**

PhD in history. Senior researcher of the Saint-Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, named by S. I. Vavilov, Russian Academy of sciences.

E-mail: tat-feklova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8446-4192>

For citation: Feklova T. Y. Students as Part of the Russian Orthodox Mission in Beijing in the First Half of the XIX Century: Diversity in Unity. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 105–114.

* Photos are taken from open sources.

Введение

Уникальность Русской Духовной миссии (РДМ) в Китае складывалась не только из отдаленности расположения, трудности проживания и огромного количества коллекций и сведений, поступающих во множество музеев и в государственные учреждения Российской империи, но и из ее сотрудников. Большинство из них были не только радателями распространения и сохранения православной веры в Китае, но и стали во многом основателями и ведущими специалистами в области новой науки — синологии. Отдельное место среди сотрудников РДМ занимали студенты миссии. В настоящее время вектор российской политики и экономики направлен на восток в связи с чем крайне актуальным представляется изучение истории становления и развития российско-китайских отношений¹. Несмотря на достаточную проработку истории Русской Духовной миссии, в историографии отсутствуют работы, посвященные изучению студенчества как отдельной группы в составе миссии.

Состав Русской Духовной миссии в Китае

Состав Русской Духовной миссии в XVIII и начале XIX вв. менялся один раз в 10 лет и состоял, как правило, из 10–12 человек. В состав миссии обычно входили: священнослужители, доктора, студенты / ученики. Помимо этого, к основному составу миссии могли быть прикомандированы ученые из Санкт-Петербургской Академии наук и сотрудники магнитно-метеорологической обсерватории Академии наук в Пекине. Несмотря на очевидную принадлежность миссии к церковным организациям, юридически миссия подчинялась Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел (МИД), как учреждение, находящееся на Дальнем Востоке за пределами империи. Соответственно финансирование, переписка, инструкции осуществлялось через это ведомство.

Ученики / студенты включались в состав миссии регулярно с 1727 по 1864 гг. В официальных документах Азиатского департамента, Академии наук и других организаций и учреждений первоначально указывалось название «ученики», постепенно, с начала XIX в. название данной категории сотрудников миссии трансформировалось в «студентов». Название «студент» получали все ученики, вне зависимости от их принадлежности к какому-либо высшему учебному заведению.

Важность миссии как форпоста российских интересов в Китае, в том числе и при изучении этой закрытой страны, неоднократно подчеркивалась в инструкциях и письмах, к руководителям миссий и лицам, ответственным за формирование миссий. Студенты миссии тоже, по сути, были одним из инструментов для достижения цели усиления роли России в Дальневосточном регионе.

Так, например, 14 февраля 1823 г. управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде написал большое письмо министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну, в котором высказал свои предложения о реформировании миссии с целью получения большей пользы для России. По мнению Нессельроде, в состав миссии следовало включать людей, «известных по своим нравственным правилам, отличных по своим успехам в отечественной словесности, языках иностранных и науках»². Такие люди, при «благородном рвении жертвовать на пользу отечества всем», могли бы оправдать ожидания правительства в отношении миссии. По предложению Нессельроде на одно место из четырех, предназначенных для светских студентов, следовало назначить выпускника Медико-хирургической академии. Данный участник миссии должен был не только заниматься лечением сотрудников

¹ Синчук Ю. В., Родионов А. А. Россия и Китай — стратегический разворот на восток // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 764. 2016. С. 78–85.

² Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее — РНБ ОР). Ф. 1457. Д. 5. Л. 4.

К. В. Нессельроде.
Портрет кисти Егора Ботмана (1860–1870-е гг.)

миссии, но и собирать сведения о китайской терапии, хирургии и фармакологии, а также проводить биологические и зоологические исследования. На оставшиеся три вакансии необходимо было назначать студентов университета, которые бы занимались изучением географии, статистики и астрономии в Китае³. Данные кандидаты должны были быть зачислены в состав миссии за год до ее отправления, чтобы успеть выучить необходимый минимум китайского и маньчжурского языка. Предложение, внесенное Нессельроде, позволило бы повысить профессионализм участников миссии. Для поощрения светских кандидатов каждому из них на срок обучения языкам (1 год перед поездкой) выплачивалось сверх их содержания от 300 до 500 руб.⁴

Работа в Миссии обеспечивала значительно более быстрый карьерный рост по сравнению с обычным прохождением службы и последующие социальные гарантии в виде пенсии. Так, например, в 1818 г. лекарь и студенты Миссии, при отправлении в Китай, принимались

в действительную службу на один чин выше, чем те, кто занимал такую же должность в России. Через каждые два-три года, по рекомендации совета миссии, студентам присваивался следующий чин, а по возвращении в Россию, чин поднимался еще раз, с предоставлением должности, соответствующей этому чину⁵. По возвращении в Россию, при условии продолжения службы, им назначалась ежегодная пенсия: лекарю 700 руб. сер., студентам каждому по 500 руб. сер., двум же отличившимся, дополнительно к пенсии полагались еще знаки ордена св. Владимира (вручался чиновникам среднего звена, не ниже XI класса табеля о рангах) или св. Анны (мог вручаться чиновникам и XII класса)⁶. Если студент решался остаться в Китае еще на 10 лет, то он получал все те же выслуги и чины, как и возвратившиеся в Россию, но вместе с тем имел возможность получить новые за время своего пребывания в Китае⁷.

Во время службы в Пекине студентам предоставлялось жалование 500 руб. сер. в год, а также квартира, прислуга и питание за счет Государственного казначейства. Перед отъездом в Китай студентам выдавалось годовое жалование вперед и полугодовой оклад на «подъем» (покупка одежды, других необходимых вещей на первое время)⁸.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ РНБ ОР Ф. 1457. Д. 31. 1818. Л. 23 об.

⁶ Там же. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 24–24 об.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 21. Д. 152. Л. 2–2 об.

Многих, однако, возможность такой быстрой карьеры не прельщала. Трудности жизни в Китае, оторванность на десять лет от родных и привычного образа жизни, заставляла отказываться от такого предложения. Некоторые, как например студент иеродиакон Иннокентий (Немиров) (участник 12-й миссии, 1840–1849 гг.) отказался, мотивируя свой отказ тем, что у него престарелые родители. Кто-то ссылался на болезнь. Но даже в случае отказа в конце письма обязательно ставили приписку: «Но если будет на то воля начальства, то готов повиноваться»⁹.

Таким образом, ученики / студенты с самого начала существования Русской Духовной миссии в Пекине являлись важной частью данного учреждения. Их служба и включение в состав миссии были юридически оформлены и финансово обеспечены. Помимо этого, служба в миссии засчитывалась в срок действительной службы и в дальнейшем позволяла получать дополнительное вознаграждение.

Функции студентов

Китай являлся закрытой страной, исследовательская работа в которой была практически невозможна. На многочисленных сотрудников Русской Духовной миссии, в том числе и на студентов, помимо их основных функций, возлагались немалые задачи по изучению целой страны. В список задач, поставленных перед студентами, входили:

1. Изучение китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского языков.
2. Комплектование коллекций (ботанических, зоологических, этнографических).
3. Поиск редких книг и манускриптов.
4. Переводческая деятельность.
5. Астрономические и магнитно-метеорологические исследования.
6. Изучение экономических и социальных реалий жизни Китая.
7. Медицинские исследования.

Основной функцией учеников / студентов при включении их в Миссию было изучение китайского, монгольского, маньчжурского и тибетского языков. Изучение языков преследовало несколько целей. Во-первых, по мнению руководства Азиатского департамента МИД, после изучения этих языков, студенты могли бы подрабатывать в китайских государственных учреждениях, в частности, в Трибунале внешних сношений в Пекине (Лифаньюань 理藩院 — аналог министерства иностранных дел). Это позволило бы им общаться с китайскими представителями знати и чиновничества и, тем самым, приобретать для России дополнительные преференции при китайском императорском дворе. С этой задачей был связан и вопрос формирования положительных взаимоотношений двух соседних государств, чему немало способствовало знание языков, обычаев и традиций Китая. Второй задачей стало формирование в России круга людей, знающих Китай и способных в дальнейшем передавать эти знания. Так, в России, впервые в мире стал формироваться и развиваться новый раздел востоковедения — синология.

Одной из основополагающих задач, поставленных перед Миссией, было не только собирание книг и редких манускриптов, но и переводческая деятельность. После возвращения в Россию студенты должны были перевести приобретенные книги на русский язык, а академический словарь на китайский, маньчжурский и монгольский языки. В Азиатском департаменте МИД предполагали, что студенты также должны написать грамматику для всех вышеперечисленных языков¹⁰.

18 октября 1839 г. вице-канцлер, министр иностранных дел К. В. Нессельроде направил президенту Академии наук и министру народного просвещения С. С. Уварову письмо, в котором указывалось, что после того, как студенты миссии, будучи в Пекине, закончат основные курсы по изучению китайского, маньчжурского,

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1200. Л. 27.

¹⁰ РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 31. 1818. Л. 13.

тибетского и монгольского языков, они могли бы направить свои усилия на научные исследования. В связи с этим, Нессельроде просил, чтобы Академия наук подготовила ряд инструкций для студентов: «Академия сама усматривать должна была указание тех предметов ко всякой части подлежащих исследованию, которых разъяснение особенно было бы важно для науки как дополнение к имеющимся уже запасу ученых сведений»¹¹. Прежде всего от Академии требовалось подготовить инструкции по ботанике, зоологии, орнитологии, энтомологии и др.¹² После одобрения состава миссии, студенты должны были пройти специальные подготовительные курсы в Академии, где особый акцент ставился бы на преподавании способов и методиках сбора коллекций, способах консервации растений и насекомых и набивки чучел¹³. В инструкции следовало указать, какие представители флоры и фауны уже имеются в музеях Академии, а какие желательно было бы получить.

Любые сведения из Китая, при условии невозможности прямого проникновения в эту страну военных, ученых или иных специалистов, ценились очень дорого. Начальнику Миссии следовало использовать любую возможность для получения информации. Не избегали «участи» быть причисленным к штабу по сбору секретных данных о внутри и внешне политических событиях в Китае врачи и студенты миссии. В инструкции, написанной начальником Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникиным для руководителя 10-й миссии архимандрита Петра (Каменского) говорилось: «Причисление к Вашей миссии одного опытного лекаря или студента медицины (он должен быть снабжен достаточною аптекою и хирургическим инструментом) может Вам послужить новым способом для знакомства и даже дружественных связей. Он должен сделать себе известным и полезным в Пекине чрез прививание коровьей оспы. Китайцы еще не знают сего спасительного средства»¹⁴.

Десятая смена РДМ была отправлена в Пекин в 1819 г. Для изучения маньчжурского и китайского языка к миссии были прикомандированы студенты Санкт-Петербургской Духовной Академии: Н. И. Вознесенский (1801–?), В. К. Абрамович (?–?), К. Г. Крымский (?–?) и З. Ф. Леонтьевский (1799–1874)¹⁵.

Студенты также должны были сообщить китайским ученым обо всех новейших усовершенствованиях в области топографии, астрономии и географии, сделанных к этому времени в Европе¹⁶. Распространению знаний среди китайских астрономов должны были способствовать книги, переведенные студентами на китайский язык. По мнению ученых Академии наук, это способствовало бы развитию международных научных связей между двумя странами. Необходимые для исследования астрономические инструменты, китайские ученые должны были заказывать через Санкт-Петербург¹⁷. Однако китайские исследователи не были заинтересованы в расширении контактов с европейскими учеными. Поэтому единственным результатом этой Миссии была передача астрономических книг и приборов Пекинскому Математическому трибуналу.

Основная масса данных о внешне и внутривнутриполитической ситуации в Китае, состоянии его экономики, поступала от РДМ в Азиатский департамент МИД. Помимо Азиатского департамента, в получении информации из Китайской империи были заинтересованы Императорская Академия наук, Императорская Медико-хирургическая Академия, Московское общество испытателей природы, Санкт-Петербургское минералогическое общество и Императорское Вольное экономическое общество¹⁸. Из-за

¹¹ Там же. Л. 11 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 12.

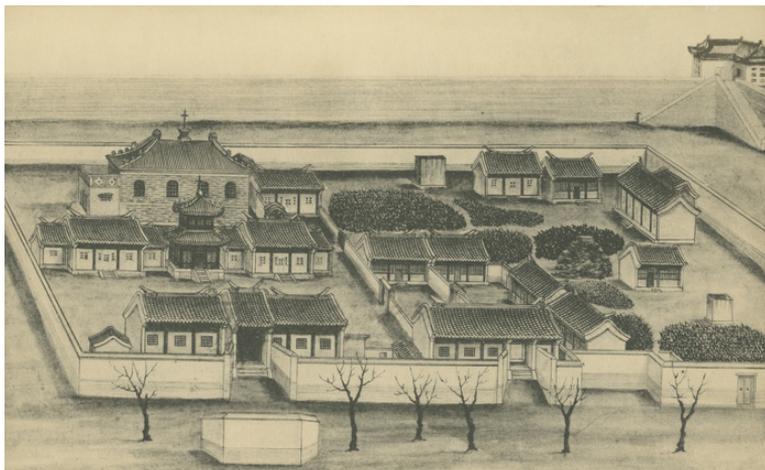
¹⁴ Там же. Л. 14 об.–15 об.

¹⁵ *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг. Ч. 1–2. СПб., 1824. С. 57–58.

¹⁶ РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 31. 1818. Л. 72–73 об.

¹⁷ Там же. Л. 71 об.–72.

¹⁸ Там же. Л. 11 об.

Северное подворье Русской духовной миссии в Пекине

отсутствия возможности действовать через официальные каналы, данные учреждения, как и Академия наук, вынуждены были использовать РДМ в Пекине как прикрытия для реализации собственных научных планов. В связи с тем, что каждое общество было заинтересовано в получении специфических данных с территории Китая, а сотрудники миссии не были специалистами в различных отраслях, общества были вынуждены предоставлять ученым, студентам и другим членам миссии специальные инструкции¹⁹. Инструкции начала XIX в. существенно отличались от современных, прежде всего своей описательностью и наличием ряда уточняющих деталей. Они редко составлялись по определенной схеме и не содержали, как большинство современных, наличия множества обязательных пунктов. Скорее они напоминали письмо, в котором в качестве рекомендаций к выполнению, перечислялись те или иные сведения.

Для официального обоснования дополнительной работы для студентов большинства научных учреждений включали студентов миссии в число своих член-корреспондентов. В случае успешного выполнения возложенных на них задач студенты награждались похвальными листами, медалями и другими «лестными средствами поощрения»²⁰. Так, например, 24 декабря 1859 г. за большой вклад в изучение зоологии в Китае врач 13-й миссии С. И. Базилевский был награжден дипломом, в котором указывалось, что он был избран в действительные члены Московского общества испытателей природы²¹. Финансовое вознаграждение не было предусмотрено.

Получившие инструкции студенты, отправляющиеся в 1819 г. вместе с очередной (10-й) сменой РДМ в Китай, должны были пересылать собранные коллекции и статьи в общества.

Академия наук также предоставила инструкции для студентов Н. И. Вознесенского, В. К. Абрамовича, К. Г. Крымского и З. Ф. Леонтьевского. Академию, прежде всего, интересовали вопросы, связанные с изучением астрономии в Китае и современное положение данной науки в Китайской империи²². Для передачи инструментов и книг китайским специалистам, студентам из Астрономической обсерватории Академии наук были отосланы некоторые инструменты, в числе которых были телескоп-рефрактор,

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 12.

²¹ РНБ ОР. Ф. 1457. Оп. 2. Д. 41. Л. 7 об.

²² Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1819. Д. 1. Л. 70-71.

земной и небесный глобус, хронометр и т. д.²³ Часть инструментов была заказана Академией наук на Инструментальном заводе Генерального Штаба²⁴.

Однако не только астрономические вопросы волновали ученых Академии наук. Ученые Академии наук подготовили дополнительные инструкции для студентов по китайской медицине, литературе, философии, истории и сельскому хозяйству. Академик Ф. И. Круг составил для студентов инструкцию по истории. Он советовал студентам начинать изучение китайской истории не с древнейших времен, а с династии Ганга (династия Чжоу), правящей Китаем с 426 по 220 г. до н. э. Ф. И. Круг считал необходимым для студентов делать переводы трудов китайских историков, прежде всего тех мест, где они упоминают западные страны. Так, например, студенты должны были собрать и перевести доступную информацию про императора Су-Ти, который в 125 г. до н. э. отправил своего министра в западные земли, по возможности, описания западных стран²⁵. Круг приводит сведения, что в царствование императора Тай-цзуна (太宗, 599–649, династия Тан) в Китай приезжал посол из западных стран «с красными волосами и голубыми глазами»²⁶. Ф. И. Круг также надеялся, что студенты, путем сравнения китайских материалов с известиями о Китае, содержащимися

в трудах западноевропейских путешественников и купцов, смогут прояснить названия провинций, городов, известных лиц.

Академик Х. Д. Френ составил отдельную инструкцию по востоковедению и нумизматике, согласно которой студентам следовало найти источники, упоминающие о древней России, Золотой Орде, династии Юань (1271–1368), Синей Орде (Западная Сибирь и Казахстан) и Чингисхане. Все интересные источники должны быть переведены, по возможности, выкуплены и пересланы в Санкт-Петербург. В инструкции предусматривалось, что студенты будут снимать надписи и изображения с памятников, надгробий, старинных ваз, печатей, военных снарядов и орудий²⁷. Желательным было признано и то, чтобы студенты собирали коллекции монет.

Помимо этого, ученых интересовали такие вопросы, как и почему в Китае нет монет из драгоценных металлов, а серебро только в слитках, и действительно ли родителям дозволено избавляться от младенцев женского пола в случае нехватки денег²⁸?

По окончании миссии студент миссии Леонтьевский перевел на китайский язык «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина²⁹.

11-я миссия РДМ стала первой и единственной, к которой официально были командированы ученые Академии наук. Данная миссия стала одной из самых плодотворных в деле изучения Китая. Кроме ученых ботаника А. А. Бунге и астронома Е. Н. Фуса в состав миссии 1829 г. были включены студенты Г. М. Розов, Е. И. Сычевский и А. И. Кованько, а также казеннокоштный (обучающийся в высших ученых заведениях за счет государства) студент 3 курса историко-филологического факультета

Академик Х. Д. Френ

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 72 об.

²⁵ Там же. Л. 32 об.–36.

²⁶ Там же. Л. 36.

²⁷ Там же. Л. 60–64 об.

²⁸ Там же. Л. 79–100 об.

²⁹ РНБ ОР. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 228. Л. 48.

Санкт-Петербургского университета П. Курляндцев. Последний самостоятельно написал прошение в МИД с просьбой о зачислении его в состав Пекинской миссии. По распоряжению попечителя Санкт-Петербургского учебного круга он был включен в состав миссии. Обучаясь на восточном отделении историко-филологического факультета, Курляндцев просил выдать ему книги на арабском и турецком языках, чтобы за время пребывания в Пекине не забыть эти языки. Книги Курляндцеву были выданы из университетской библиотеки с условием обратного их возвращения³⁰.

По возвращению из Китая студент Е. И. Сычевский составил «Историческую записку о китайской границе», которую опубликовал в 1846 г.

Студенту А. И. Кованько департамент горных и соляных дел предоставил инструкцию для проведения геогностических исследований (эмпирические геологические описания местности), а также комплектования ботанических коллекций. Кроме того, Кованько должен был узнать состав туши, употребляемой китайцами для письма, а также собрать сведения о красителях, земледелии, сельском хозяйстве и медицине. Для ознакомления китайских специалистов с европейскими знаниями студент Кованько, должен был, при наличии времени, перевести на китайский язык книги по анатомии, физиологии и других отраслях наук³¹.

Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Л. Г. Сенявин 18 октября 1839 г. направил президенту Академии наук С. С. Уварову письмо, в котором предложил Академии составить инструкции для студентов по филологии и истории: «Я обращаюсь к Вам с просьбою предложить ИАН не угодно ли ей будет почтить отправлением в Пекин новых членов миссии инструкциями, как по филологической и исторической части, так и по другим предметам, до науки относящихся. Целью сих инструкций, как Академия наук сама усматривает, должно быть указание тех предметов ко всякой части подлежащих исследованию, которых разъяснение особенно было бы важно для науки как дополнение к имеющимся уже запасу ученых сведений».

В состав миссии 1839 г. вошли студенты В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Горский (1819–1847), И. А. Гошкевич (1814–1875) и врач А. А. Татаринов (1817–1886). Первоначально вместо Горского планировали отправить студента Н. С. Шостаковского. После окончания академического курса Санкт-Петербургской Духовной Академии студенты И. А. Гошкевич и Н. С. Шостаковский были выбраны Академическим правлением для зачисления в состав очередной миссии, для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков. В Духовную консисторию Академическим правлением был направлен корпус необходимых документов (свидетельств об их происхождении, успехах, исповедании) для утверждения этих студентов Св. Синодом. 29 августа 1839 г. И. А. Гошкевич был зачислен в 12-ю миссию. Не окончивший еще академического курса В. В. Горский подал прошение о зачислении его в состав миссии и после рассмотрения Св. Синодом, Горского зачислили в состав миссии вместо окончившего курс Н. С. Шостаковского³².

В 1844–1845 гг. студентами были переданы в Пекинский математический трибунал астрономические инструменты и 357 книг (всего 70 томов).

Перед отправлением экспедиции И. А. Гошкевич прошел специальные курсы в Николаевской Главной астрономической обсерватории в Санкт-Петербурге³³. Академия наук предоставила И. А. Гошкевичу необходимые книги по астрономии и инструменты, работы таких известных мастеров как К. Ф. Гаусс и К. Е. Вебер. Сбором зоологических коллекций занимались врач миссии А. А. Татаринов и студент В. В. Горский. Перед отправлением миссии 1839 г. А. А. Татаринов и В. В. Горский прошли практику в Зоологическом музее под руководством хранителя музея Е. И. Шрадера, зоолога Е. Менетрие и ботаника Ф. И. Рупрехта³⁴.

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 152. Л. 2 об.-3, 6–6 об.

³¹ РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 83. Л. 7–7 об.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1200. Л. 41 об.-42.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 1 об.

³⁴ Там же. Л. 64.

Таким образом, функции студентов миссии отличались многообразием и включали в себя не только выполнение основного государственного задания, но и многочисленных инструкций от различных научных обществ России. Необходимо отметить и то рвение, с которым многие студенты исследовали закрытый Китай, зачастую рискуя не только своим здоровьем, но и жизнью (В. В. Горский скончался в Пекине в 1847 г.), что позволило России приобрести уникальные коллекции и необходимую информацию об этой стране.

Заключение

На всем протяжении своего существования Миссия трансформировалась и приспособлялась к изменяющимся условиям. Первоначально состав миссии комплектовался практически исключительно из церковнослужителей и включал нескольких учеников для обучения их китайскому и маньчжурскому языкам. Постепенно ученики / студенты стали одной из важнейших частей сложного механизма миссии. А также стали проводниками научного изучения Китая. Вклад студентов — сотрудников миссии в изучение Китая способствовал лучшему пониманию этой страны и, как следствие, упрочение межгосударственных связей.

Источники и литература

Источники

1. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее — РНБ ОР). Ф. 1457 (митрополит Краснодарский и Кубанский Виктор (Святин)). Д. 5.
2. РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 31. 1818.
3. РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 83.
4. РНБ ОР. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 228.
5. РНБ ОР. Ф. 1457. Оп. 2. Д. 41.
6. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 12. Д. 152.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 152.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1200.
9. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1.
10. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13.

Литература

11. Синчук Ю. В., Родионов А. А. Россия и Китай — стратегический разворот на восток // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 764. 2016. С. 78–85.
12. Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг. Ч. 1–2. СПб., 1824.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (19)

2024

А. Д. Гейм, И. Н. Диденко

**Роль миссионерства Русской Православной Церкви
в Африке как инструмента мягкой силы России:
история и современность**

УДК 271.2-764(6):327(470+571:6)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_115
EDN ITPUKE

Аннотация: В статье исследуется исторический и современный вклад Русской Православной Церкви в Африку в качестве средства мягкой силы Российской Федерации. Статья рассматривает наряду с историческими фактами и социокультурным контекстом также политические и экономические причины влияния русского православия в регионе. В результате анализа статей, книг и исследований, подчеркивается, что миссионерская работа Русской Православной Церкви в Африке является неотъемлемой частью геополитической стратегии России, направленной на укрепление своих позиций на международной арене и создание положительного образа страны в глазах африканского населения. Такое влияние осуществляется на основе религиозной деятельности, образования, благотворительности и культурного обмена. Это является эффективным инструментом мягкой силы, позволяющим России укрепить свои дипломатические и экономические связи с африканским континентом и повысить свою влияние в регионе.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, миссионерство, мягкая сила, история, духовное направление, религиозные отношения, геополитика, международная политика, дипломатические отношения, кросс-культурное взаимодействие, религиозно-общественные организации, христианство, политическая власть.

Об авторах: **Анжелика Денисовна Гейм**

Студентка 4 курса бакалавриата по направлению «Политология», Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: anzhelikageym@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8710-258X>

Иван Николаевич Диденко

Студент 1 курса магистратуры по направлению «Политология», программа «Современные политические стратегии», Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: ivan-didenko.novochek886352@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1540-9586>

Для цитирования: Гейм А. Д., Диденко И. Н. Роль миссионерства Русской Православной Церкви в Африке как инструмента мягкой силы России: история и современность // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (19). С. 115–122.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (19)

2024

Anzhelika D. Geim, Ivan N. Didenko

**The Role of the Russian Orthodox Church's Missionary Work
in Africa as a Tool of Russia's Soft Power:
History and Modernity**

UDC 271.2-764(6):327(470+571:6)(091)
DOI 10.47132/2587-8425_2024_3_115
EDN ITPUKE

Abstract: The article examines the historical and modern contribution of the Russian Orthodox Church to Africa as a tool of the Russian Federation's soft power. The article examines, along with historical facts and the socio-cultural context, the political and economic reasons for the influence of Russian Orthodoxy in the region. As a result of the analysis of articles, books and studies, it is emphasized that the missionary work of the Russian Orthodox Church in Africa is an integral part of Russia's geopolitical strategy aimed at strengthening its position in the international arena and creating a positive image of the country in the eyes of the African population. Such influence is carried out on the basis of religious activity, education, charity and cultural exchange. This is an effective tool of soft power, allowing Russia to strengthen its diplomatic and economic ties with the African continent and increase its influence in the region.

Keywords: Russian Orthodox Church, missionary work, soft power, history, spiritual direction, religious relations, geopolitics, international politics, diplomatic relations, cross-cultural interaction, religious and public organizations, Christianity, political power.

About the authors: Anzhelika Denisovna Geim

A 4th-year Bachelor's student in Political Science, St. Petersburg State University.

E-mail: anzhelikageym@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8710-258X>

Ivan Nikolaevich Didenko

A 1st-year Master's student in Political Science, Modern Political Strategies program, St. Petersburg State University.

E-mail: ivan-didenko.novochechek886352@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1540-9586>

For citation: Geim A. D., Didenko I. N. The Role of the Russian Orthodox Church's Missionary Work in Africa as a Tool of Russia's Soft Power: History and Modernity. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (19), pp. 115–122.

Еще недавно, в 2021 г., исследователи отмечали отсутствие должной оценки перспективности африканского направления в миссионерской деятельности¹. Тенденция к большему распространению христианства на «глобальном Юге» ставит новые вызовы перед устоявшимся господством и богатством «глобального Севера». В частности, исследователь Ф. Дженкинс обеспокоен исчезновением христианства среди населения европеоидной расы, так как, по его мнению, к 2050 г. из семнадцати стран, население которых превысит 100 миллионов, только Соединенные Штаты и Россия будут принадлежать к европеоидной расе². Прогнозируется большой рост многомиллионного населения именно в Африканском и Восточноафриканском регионе. В связи с этим, имеющиеся у России и Русской Православной Церкви ресурсы, репутация и авторитет могут позволить стать добрососедским участником символическое пространство на «пробуждающемся» Африканском континенте.

Среди первых сведений о предпосылках к установлению отношений с Эфиопией исследователь С. А. Агуреев сообщает о том, что таким инициатором отношений был саксонский ученый И. Лудольф, автор историко-географического труда об Эфиопии «История Абиссинии»³. Ученый предлагал воспользоваться схожестью «нравов и обычаев», чтобы сподвигнуть к военным действиям против Османской империи. Такую возможность царь может осуществить «через людей годных и верных под образом торговли»⁴.

О первых серьезных политических планах в Африке мы можем знать из организации экспедиции под руководством вице-адмирала Д. Я. Вильстера⁵. Петр I поручил организовать секретный морской поход на Мадагаскар с целью создания там торгового узла, а затем установления торговых связей с Индией и империей Великих Моголов. Однако после первой неудачной попытки корабли вернулись обратно из-за поломки, а после смерти Петра I проект был забыт.

Однако, мысли об африканском континенте не оставляли русские умы. Архимандрит Порфирий (Успенский), будучи начальником Русской Духовной миссии, знакомился с историей и литургическим наследием Эфиопской Церкви. Можно выделить его уникальный проект декабря 1860 г. по присоединению Эфиопской Церкви к Русской. Этот проект де-факто представлял из себя некоторую дорожную карту. Хорошим поводом для сближения Церквей о Порфирий видел стремление Эфиопской Церкви отделиться от Коптской Церкви. Автор предлагал воспользоваться этим «без отлагательств расширения

Епископ Порфирий (Успенский)

¹ Герман (Лытус), иером., Абрамов А., прот. Православие в Африке // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 106.

² Handbook of Theological Education in Africa / Ed. I. Apawo Phiri and D. Werner. Regnum Books International, 2013. P. 84.

³ Агуреев С. А. К истории установления русско-эфиопских общественных связей и культурных контактов с конца XVII по конец XIX вв. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2011. № 2 (64). С. 232.

⁴ Там же. С. 233.

⁵ В таинственной стране Мадагаскар. Год 2008. М.: Экон-информ, 2012. С. 43–48.

и прославления нашей святой Церкви и укоренения благотворных начал ее в абиссинском народе»⁶.

Политические выгоды высказывал русский дипломатический агент в Каире М. А. Хитрово. Он отмечал, что эфиопы относятся к российскому государству изначально более дружелюбно из-за более близкой «по духу» веры. Дипломат выделял, что в будущем Эфиопия могла бы стать «серьезным подспорьем для нашей общей политики»⁷, а также транзитным стратегическим пунктом при движении русских судов через г. Массауа.

Между тем, стоит сделать маленькое отступление в сторону инославного европейского пути африканской миссии. Необходимо извлечь опыт и учесть их ошибки. В ходе миссионерской деятельности появлялись отдельные от туземных сообщества «обращённых». Новая идентичность сочетала себе не только пусть и христианизированные «белые мифы Старого Света», но и туземные традиции. Именно чернокожие катехизаторы объясняли христианство в местных посредством творческого культурного перевода⁸. Созданные полуправославные ассоциации⁹ оказывали различные социальные услуги населению: от начального образования до медицинского обслуживания. Однако, эти же ассоциации продвигали притязания «белой» администрации и тем самым укрепляли моральную легитимность колониализма¹⁰. Анализ литературы позволил выделить две важные ошибки, от которых следует предохраняться:

Заблуждение. Европейцы в те дни рассматривали Африку как «темный континент» с очень примитивными цивилизациями, отсутствовала широкая «адаптация» религии под местные особенности: пренебрежение коренными именами, осуждение игры на барабанах, народных песен и танцев;

Презрение к африканской культуре. В некоторых ситуациях новообращенным внушали, что они освобождены от повиновения своим традиционным правителям и определенным законом государства (были случаи буквально сепарации неопитов от туземцев). Книги по истории преувеличивали достижения европейцев, не ссылаясь на собственное великое прошлое африканцев.

Миссионерство Русской Православной Церкви в Африке начало зарождаться еще в эпоху экспансии христианства, но современный этап его развития носит более выраженный характер и целенаправленность, что связано с глобализацией и желанием государств использовать церковные структуры в качестве инструмента мягкой силы¹¹. Россия неукоснительно следует этой традиции, видя в духовном влиянии одну из возможностей распространения своего влияния в мире и в Африке в частности.

Африканский континент, переживший долгий период колониального господства и освободительных движений, сталкивается с комплексом социально-экономических проблем и поиском идентичности в условиях сильного внешнего влияния¹². Русская

⁶ *Августин (Никитин), архим.* Епископ Порфирий (Успенский) и Эфиопская Церковь // Альфа и Омега. 2001. № 31. URL: <https://www.pravmir.ru/episkop-porfiriy-uspenskiy-i-efiopskaya-tserkov/#sdfootnote36sym> (дата обращения: 10.03.2024).

⁷ Российско-Эфиопские отношения в XIX – начале XX в. Сборник документов. М.: Восточная литература, 1998. С. 77–78.

⁸ *The Oxford Handbook of Modern African History* / Ed. J. Parker and R. Reid. Oxford University Press, 2013. P. 105.

⁹ General Rosemary Keen. Introduction and Guide to the Archive // Church missionary society archive. URL: https://www.ampltd.co.uk/digital_guides/church_missionary_society_archive_general/editorial%20introduction%20by%20rosemary%20keen.aspx (дата обращения: 14.03.2024); *Hogan E. M. Cross and Scalpel: Jean-Marie Coquard Among the Egba of Yorubaland*. Ibadan: HEEN Publisher PLC, 2012. 519 p.

¹⁰ *The Oxford Handbook of Modern African History...* P. 152.

¹¹ *Кряжева-Карцева Е. В., Идрис А. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 448–460.

¹² Духовная миссия Патриаршего экзархата Африки: первые итоги. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990917.html> (дата обращения: 05.04.2024).

Участники саммита «Россия – Африка», 2019 г.

Православная Церковь, используя это как плацдарм для мирнославия, нацеливается не только на распространение веры, но и на установление доверительных отношений, культурного обмена и, как следствие, повышение мягкой силы России в регионе.

Сегодня Африка является некоторым «лакомым» кусочком и предметом споров между Западом и Востоком. В условиях динамического развития Африканских государств и их всё более значимой роли в мировом сообществе, Россия еще с середины второго десятилетия XXI в. предпринимала попытки сближения, его апогеем стал саммит «Россия – Африка» прошедший в 2019 г., известный успешным подписанием около сотни договоров, укрепивших отношения между странами¹³. К одному из таких решений можно отнести решение о создании Патриаршего Экзархата Африки, который стал одним из основных инструментов мягкой силы России, для укрепления своих позиций в регионе.

Современное присутствие Русской Православной Церкви в Африке можно охарактеризовать как движение, сочетающее в себе духовную миссию и стратегический интерес. Церковные миссии занимаются не только проповедями и обрядовой деятельностью, но и образовательными проектами, медицинской помощью, поддержкой в сфере гуманитарной деятельности, что укрепляет позиции Русской Церкви в международных отношениях и способствует расширению культурного и влиятельного диапазона России.

Применение мягкой силы через миссионерскую деятельность Русской Церкви также включает в себя обмен культурными и религиозными ценностями, что способствует более глубокому пониманию и уважению между различными культурами. В этом контексте Русская Православная Церковь выступает не только как духовный лидер для православных верующих в Африке, но и как важный актор российской

¹³ Миссия выполнима. Как Патриарший экзархат РПЦ покоряет Африку. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15455515> (дата обращения: 05.04.2024); Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума. URL: <https://summitafrica.ru/archive/2019/summit-outcomes/> (дата обращения: 05.04.2024).

мягкой силы, активно участвующий в формировании положительного образа России за рубежом.

Растущий интерес России к Африке через миссионерство Русской Церкви связан с несколькими основными факторами.

Во-первых, это стремление противостоять западному доминированию, предложив альтернативную модель взаимодействия, основанную на «православной идентичности» и духовных скрепах, отличных от западных либеральных ценностей.

Во-вторых, религиозное присутствие в Африке проливает свет на общечеловеческие перспективы и миростроительные идеи России, что может способствовать созданию благоприятного образа страны.

В результате исследования миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Африке можно с уверенностью сказать, что она раскрывает многоаспектный характер внешней политики России, демонстрируя инструменты мягкой силы, обеспечивающие продвижение национальных интересов без прямого применения военной силы¹⁴. Миссионерство Русской Церкви, активно развивающееся в Африке, позволяет России укреплять свое влияние на континенте, используя культурную и духовную дипломатию.

Это включает в себя не только распространение православного христианства, но и развитие образовательных программ, культурных обменов, а также предоставление гуманитарной помощи.

Деятельность Русской Церкви в Африке служит двойной цели, с одной стороны, она направлена на укрепление православной веры и духовных связей, с другой же стороны, через миссионерские и социальные проекты Россия стремится налаживать и развивать долгосрочные отношения с африканскими государствами, что, в свою очередь, обеспечивает доступ к экономическим и политическим ресурсам региона¹⁵.

Это дает возможность России укреплять свое глобальное влияние и противостоять западным странам, активно присутствующим на африканском континенте. Миссионерство Русской Церкви также играет ключевую роль в продвижении русского языка и культуры, что способствует укреплению культурных и человеческих связей между Россией и африканскими странами. При этом Русская Православная Церковь активно использует современные медиа-платформы для распространения своих идей и учений, что увеличивает ее влияние среди молодежи и способствует формированию позитивного образа России.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Африке значительно укрепила ее позиции и проложила путь для распространения влияния России на континенте. Осуществляя поддержку образовательных проектов, строительство церквей и оказание гуманитарной помощи, Русская Церковь не только пропагандирует свои религиозные ценности, но и способствует формированию положительного образа России как стремящейся к помощи и сотрудничеству.

Подобная миссионерская деятельность на Африканском континенте является частью стратегии национальной безопасности России, неотъемлемой частью которой является Церковь. Важно отметить, что путь успешного осуществления миссионерской деятельности является диалог. Такой диалог Русская Православная Церковь успешно ведет внутри страны, являясь одним из столпов, обеспечивающих политику национальной безопасности, в которую входят как внутреннее, так и внешнее миссионерство. Возможность Церкви в этой сфере многоаспектны и включают в себя как прямое взаимодействие с государственными институтами, так и воздействие на общественное мнение и моральные ориентиры населения.

¹⁴ Духовная миссия Патриаршего экзархата Африки: первые итоги. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990917.html> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁵ В РПЦ разрабатывают гуманитарные и образовательные программы для Африки. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/v-rpc-razrabatyvaiut-gumanitarnye-i-obrazovatelnye-programmy-dlia-afriki.html> (дата обращения: 05.04.2024).

В результате исследования можно выделить четыре основных направлений работы Русской Церкви в поддержании национальной безопасности за пределами страны, здесь стоит отметить, что использование подобной стратегии необходимо для создания собственного бренда¹⁶:

Во-первых, Русская Православная Церковь может участвовать в формировании российской идентичности.

Во-вторых, Русская Церковь обладает нетривиальным инструментом влияния на социальное партнерство и помощь в решении социальных проблем. Через свои благотворительные организации и миссионерские проекты Церковь может содействовать общественному сглаживанию социальных различий и уменьшению социальной напряженности, что создает благоприятную среду для обеспечения социальной безопасности.

В-третьих, основой миссионерской деятельности является воспитание молодого поколения, а также формирования здоровой среды среди туземных прихожан.

Наконец, в-четвертых, активно участвуя в межрелигиозном и межнациональном диалоге, Русская Церковь способствует снижению межэтнических напряженностей, что также важно для общей атмосферы безопасности. Способность Церкви быть мостом между различными элементами многонационального общества может служить основой для укрепления межнационального единства и снижения потенциала конфликтов. Основной принцип межконфессионального взаимодействия – толерантность, толерантное отношение, где толерантность – это желание ведения диалога и сотрудничества с другими организациями.

Опираясь на культурно-исторические связи и общечеловеческие ценности, Русская Церковь достигла установления доверительных отношений с местным населением, что в долгосрочной перспективе может стать основой для углубления политических и экономических связей между Россией и африканскими государствами¹⁷.

Для дальнейшего прогресса рекомендуется акцентировать внимание на развитии местных общин через образовательные и социальные проекты, которые отвечают насущным потребностям африканцев. Повышение качества жизни населения и обучение квалифицированных кадров среди местных жителей повысит доверие и укрепит репутацию Русской Православной Церкви и России. Развитие партнерства с африканскими церквями и межконфессиональный диалог, нацеленный на мирное сосуществование и уважение к различиям, также станет крепким основанием для продвижения ценностей Русской Церкви и углубления дипломатических отношений между Россией и странами Африки.

Важно также уделить внимание развитию прозрачности миссионерских проектов и подотчетности перед местным населением, для избежания ощущения культурного доминирования. Сбалансированный подход, сочетающий религиозное служение с практической помощью и сотрудничеством, может обеспечить долгосрочное влияние Русской Православной Церкви в регионе и усилить общее присутствие России в Африке.

Подытоживая, можно сказать, что миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Африке является важным инструментом мягкой силы России, способствующим укреплению ее позиций на международной арене, развитию экономических связей и углублению культурного взаимодействия. Она демонстрирует стремление России к многостороннему и взаимовыгодному сотрудничеству с африканскими странами, опираясь на общие духовные ценности и культурные традиции.

¹⁶ Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afrika-perspektivy-razvitiya-i-rekomendatsii-dlya-politiki-rossii/> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁷ Русская миссия в Африке. URL: <https://monastery.ru/tserkov/russkaya-missiya-v-afrike/> (дата обращения: 05.04.2024).

Источники и литература

1. *Августин (Никитин), архим.* Епископ Порфирий (Успенский) и Эфиопская Церковь // Альфа и Омега. 2001. № 31. URL: <https://www.pravmir.ru/episkop-porfiriy-uspenskiy-i-efiopskaya-tserkov/> (дата обращения: 10.03.2024).
2. *Агуреев С. А.* К истории установления русско-эфиопских общественных связей и культурных контактов с конца XVII по конец XIX вв. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 2 (64). С. 232–251.
3. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afrika-perspektivy-razvitiya-i-rekomendatsii-dlya-politiki-rossii/> (дата обращения: 05.04.2024).
4. В РПЦ разрабатывают гуманитарные и образовательные программы для Африки. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/v-rgc-razrabatyvauti-gumanitarnye-i-obrazovatelnye-programmy-dlia-afriki.html> (дата обращения: 05.04.2024).
5. В таинственной стране Мадагаскар. Год 2008. М.: Экон-информ, 2012. 195 с.
6. *Герман (Лытус), иером., Абрамов А., прот.* Православие в Африке // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 106–121.
7. Духовная миссия Патриаршего экзархата Африки: первые итоги. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990917.html> (дата обращения: 05.04.2024).
8. *Кряжева-Карцева Е. В., Идрис А. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Юго-Восточной Азии в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 448–460. DOI 10.22363/2312-8674-2021-20-3-448-460. EDN VIQQQD.
9. Миссия выполнима. Как Патриарший экзархат РПЦ покоряет Африку. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15455515> (дата обращения: 05.04.2024).
10. Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия — Африка. Росконгресс продолжит работу на африканском треке в период до следующего Форума. URL: <https://summitafrica.ru/archive/2019/summit-outcomes/> (дата обращения: 05.04.2024).
11. Российско-Эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов. М.: Восточная литература, 1998. 583 с.
12. Русская миссия в Африке. URL: <https://monastery.ru/tserkov/russkaya-missiya-v-afrike/> (дата обращения: 05.04.2024).
13. General Rosemary Keen. Introduction and Guide to the Archive // Church missionary society archive. URL: https://www.ampltd.co.uk/digital_guides/church_missionary_society_archive_general/editorial%20introduction%20by%20rosemary%20keen.aspx (дата обращения: 14.03.2024).
14. Handbook of Theological Education in Africa / Ed. I. Apawo Phiri and D. Werner. Regnum Books International, 2013. 1110 p.
15. *Hogan E. M.* Cross and Scalpel: Jean-Marie Coquard Among the Egba of Yorubaland. Ibadan: NEBN Publisher PLC, 2012. 519 p.
16. The Oxford Handbook of Modern African History / Ed. J. Parker and R. Reid. Oxford University Press, 2013. 560 p.

**Защита кандидатской диссертации
Владислава Петровича Пашкова
«Проблемы учебно-воспитательного процесса
в духовных семинариях и способы их решения
в трудах отечественных церковных деятелей
на рубеже XIX–XX вв.»**

20 июня 2023 г. в Санкт-Петербургской Духовной Академии на заседании диссертационного совета под председательством доктора богословия, профессора, протоиерея Георгия Митрофанова состоялась защита кандидатской диссертации Владислава Петровича Пашкова на тему «Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв.». Диссертация была написана в аспирантуре Санкт-Петербургской Духовной Академии под научным руководством кандидата богословия, доцента Дмитрия Андреевича Карпука.

Владислав Петрович Пашков родился в г. Петропавловске Республики Казахстан 11 ноября 1993 г. Во время обучения в православной гимназии имени прп. Сергия Радонежского проходил пономарское послушание в храме Всех святых г. Петропавловск. В 2012 г. поступил в Алма-Атинскую духовную семинарию, которую окончил в 2016 г., защитив дипломную работу по теме «Критический анализ психоаналитической и религиозно-философской концепций Зигмунда Фрейда». 7 июля 2016 г. был зачислен в ряды студентов магистратуры Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 2018 г. окончил магистратуру, защитив магистерскую диссертацию на тему «Протестное движение учащихся духовных семинарий Российской империи в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.». В этом же году поступил в аспирантуру Санкт-Петербургской Духовной Академии для написания кандидатской диссертации. В 2018 г. решением

Выступление соискателя В. П. Пашкова

комиссии по распределению выпускников духовных учебных заведений был направлен в Алма-Атинскую епархию, где по настоящее время исполняет послушание сотрудника информационного отдела и преподавателя Алма-Атинской духовной семинарии.

В диссертации В. П. Пашкова изложена история среднего духовного образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления историко-педагогического опыта, накопленного за годы существования духовных школ. Данная тема является малоизученной. По мнению автора, накопленный опыт содержит в себе значительный потенциал для духовно-нравственного формирования современного молодого человека. Многие проекты по реформированию учебно-воспитательного процесса, выраженные церковными деятелями в начале XX в., не утратили своей актуальности до сих пор. Например, большинство из этих идей возможно включить в современную педагогическую практику духовных школ. Сегодня, когда духовное образование находится на стадии развития, учет конструктивного опыта прошлого представляется еще более необходимым, так как позволяет не только избежать ошибок и недостатков дореволюционных духовных школ, но и вывести их на принципиально иной уровень.

Целью исследования является комплексное исследование трудов церковных отечественных деятелей на предмет фиксации проблем среднего духовного образования и наличия проектов его реформирования на рубеже XIX–XX веков.

Для достижения поставленной цели автором были сформулированы следующие задачи:

1. Дать краткий очерк реформ среднего духовного образования во второй половине XIX в. и на этом основании проиллюстрировать основные проблемы духовных семинарий к началу XX столетия;
2. Рассмотреть воззрения отечественных церковных деятелей на постановку учебно-воспитательного процесса в семинариях в начале XX в.;
3. На основании изученного материала выявить и проанализировать проблемы учебно-воспитательного, административного процессов и проекты их решения;
4. Систематизировать позиции отечественных церковных деятелей по проблемам учебно-воспитательного процесса и способам их решения.

Основой данного исследования являются практически исключительно опубликованные источники: материалы делопроизводственной документации (протоколы, журналы Предсоборного Присутствия и «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»), периодическая печать, источники личного происхождения (мемуары, дневники и т. п.).

В первой главе проводится анализ процесса реформирования семинарий в обозначенный период. В рамках главы дается краткий очерк реформ системы среднего духовного образования во второй половине XIX в. В данном разделе работы прослеживается история формирования и общий ход проведения реформ в 1867 и в 1884 гг. Также обозначены положительные и отрицательные стороны проводимых преобразований. Во второй части первой главы дается общая характеристика духовных семинарий на рубеже XIX–XX вв. Приведены статистические данные о количестве средних духовных школ и численности обучающихся в них семинаристов, а также предоставлены сведения о сословном составе учащихся. Особый акцент сделан на описании структуры и задач администрации средних духовных школ.

Во второй главе рассматриваются негативные последствия сословной замкнутости духовенства на учебно-воспитательный строй духовных семинарий, а также представлены суждения церковных деятелей начала XX в. о способах решения данной проблемы. Главным отрицательным следствием вышеназванной проблемы можно назвать двузадачность целей среднего духовного образования. Стремление совместить в одном учебном заведении духовную и общеобразовательную школу негативным образом отражалось на качестве семинарского образования в целом и двух его составляющих в частности. Одним из главных отрицательных следствий вышеназванной

проблемы для воспитательного строя средних духовных школ являлась двойственность целей семинарского образования и как следствие наличие в ней так называемых «студентов-невольников», которые негативно влияли на учащихся, желающих принять священный сан. Во второй части главы приводятся суждения и взгляды епархиальных архиереев на решение проблемы «сословной замкнутости» духовной школы.

В третьей главе проанализированы суждения церковных деятелей начала XX в. относительно способов решения проблем в образовательном процессе духовных семинарий. Одной из ключевых проблем преобразования учебного процесса стал вопрос о соотношении между богословскими и общеобразовательными дисциплинами в учебных программах семинарий. Решение этого вопроса напрямую зависело от того, каким образом та или иная часть епископата видела будущее средней духовной школы, а также от того, каким образом священноначалием будет соблюден баланс между сословными и церковными интересами. Именно согласно этому принципу, иерархи были условно разделены автором на две группы: «сословную» и «церковную». Первые полагали, что наиболее оптимальным решением является возврат к уставу духовных школ от 1867 г. с еще более расширенным общеобразовательным курсом, который должен был стать аналогичным курсу средних светских школ. Вторые же считали, что необходимо сохранить имевшийся тип семинарии вместе с ее учебными программами.

В четвертой главе рассмотрены суждения церковных деятелей и писателей рубежа XIX–XX вв. относительно способов решения проблем в воспитательном процессе духовных семинарий. В данном разделе работы дан краткий очерк истории возникновения и причин укоренения «палочной» дисциплины в воспитательной практике отечественных духовных семинарий, а также описывается полемика официальных церковных деятелей о постановке и мерах духовно-нравственного воспитания в средних духовных школах.

К основным выводам диссертации можно отнести следующие положения.

Во-первых, ввиду массовых и практически повсеместных протестных акций семинаристов на рубеже XIX–XX вв. вновь были предприняты попытки по реформированию среднего духовного образования. Проекты, которые были реализованы не принесли собой

Выступление официального оппонента
Александра Николаевича Розова

Выступление официального оппонента
иеромонаха Ферапонта (Широкова)

кардинальных изменений в строй семинарий. Причиной этому являлась их недостаточная разработанность и отсутствие решимости у реформаторов к существенным изменениям.

Во-вторых, сословная замкнутость духовенства и духовного образования являлась ключевой проблемой учебно-воспитательного строя семинарий на рубеже XIX–XX вв.

В-третьих, некоторые церковные авторы предлагали основать среднюю духовную школу на принципах религиозности, индивидуальности, педагогического авторитета, профессионализма, уважения и доверия. Все это позволило бы развить в учащих

самостоятельность, инициативность, способность вести конструктивный диалог, чувство собственного достоинства, и, наконец, доверие и уважение к учащим духовной школы.

Научный руководитель Дмитрий Андреевич Карпук, отметив высокий научный уровень рассматриваемой диссертации, обратил внимание на то, что привлеченные в исследовании опубликованные источники принесли наибольшую пользу в раскрытии заявленной темы. Более того, по мнению научного руководителя, материалы, не вошедшие в данную работу,

Д. А. Карпук и В. П. Пашков

будут носить вспомогательный характер. В этом отношении исключением могут стать материалы отдела, занимавшегося вопросом о духовных семинариях в рамках работы Поместного Собора 1917–1918 гг., а также отчеты ревизоров Учебного Комитета.

После выступлений диссертанта и научного руководителя был зачитан отзыв ведущей организации – Пензенской православной духовной семинарии. Отзыв был составлен доктором исторических наук, профессором кафедры церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии Ириной Ивановной Масловой. Рецензент в своем отзыве отметила стройность исследования, аргументированность выводов и значительную источниковую базу, задействованную автором. Было отмечено, что работа свидетельствует о большом научном потенциале и заслуживает высокой оценки. Среди недостатков рецензируемой диссертации Ирина Ивановна указала на лаконичную характеристику методологической основы работы, а также на недостаточное структурирование предметной области исследования. В ответе на рецензию И. И. Масловой диссертант поблагодарил рецензента и отметил, что согласен с большинством озвученных замечаний, однако уточнил, что совокупность суждений церковных авторов рубежа XIX–XX вв. нельзя считать позицией Русской Церкви. По мнению Владислава Петровича, в качестве позиции Церкви в дореволюционное время можно рассматривать решения принятые и одобренные Св. Синодом.

Официальными оппонентами выступили доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН Александр Николаевич Розов и кандидат богословия, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской православной духовной семинарии иеромонах Ферапонт (Широков). А. Н. Розов в своем отзыве высказал ряд ценных замечаний по содержанию диссертации, при этом отметив, что «труд не только ценен для составления учебных пособий по истории отечественной церковной педагогики, но и важен

для оптимизации учебно-воспитательной системы современных семинарий». О. Феррапонт высказал ценные замечания касательно оформления и содержания работы, но подчеркнул, что «огромной ценностью исследования является строгое следование принципу объективности. Автор не впадает ни в идеализацию духовного образования, ни в иную крайность, наиболее характерную в советский период. В анализе источников он старается вычлнить проблемы духовного образования и оценить предлагаемые решения как со стороны епархиальных преосвященных, так и светских лиц, прежде всего, профессоров духовных академий, равнодушных к данной проблеме». В ходе дискуссии соискатель ответил на ряд уточняющих вопросов относительно того, какие объективные критерии он использовал для определения степени эффективности проектов, предложенных иерархами и церковными авторами.

После завершения обсуждения диссертации было проведено тайное голосование с участием 22 присутствующих членов диссертационного совета. По итогам голосования — 21 голос «за» и 1 голос «против» — было принято решение о присуждении чтецу Владиславу Петровичу Пашкову искомой ученой степени кандидата богословия по специальности «церковная история».

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 3 (19), 2024

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82727 от 27 января 2022 года

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/journal-of-historical-society>
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 15.01.2025. Дата выхода в свет: 30.01.2025.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 9 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 260. Тираж 250 экз.